

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ 9/2020

*Журнал Отдела
религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской
епархии*

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии,
иерей Илия МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

иерей Игорь ИВАНОВ – научный консультант

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович – редактор-составитель,
научный консультант

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович – художественный редактор

МЕЖОВ Игорь Дмитриевич – консультант

ГОТОВСКАЯ Ольга Францевна – выпускающий редактор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

*Журнал издается при поддержке
Союза православных предпринимателей
(Санкт-Петербурге)*

От редакции	4
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ИСПОВЕДНИКИ	
<i>В. П. Филимонов</i>	
Последний духовник преподобного Серафима Вырицкого	
Исповедник православной веры протоиерей Алексей Кибардин	5
К СТОЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА	
<i>Священник Игорь Иванов</i>	
Русский исход в поэзии военной эмиграции	
К 100-летней годовщине эвакуации Белой армии из Крыма	28
<i>Д. В. Кузнецов</i>	
Бессмертие, усталость, тишина...	
Поэт Владимир Смоленский	56
<i>В. К. Невярович</i>	
Красные и белые	
Блаженны миротворцы... ..	67
РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>И. А. Виноградов</i>	
Неизвестный адресат	
статьи Н. В. Гоголя «Близорукому другу»	
К 200-летию Ю. Ф. Самарина	71
<i>В. А. Фатеев</i>	
Лев Толстой и революция	
«Религиозная» философия с нигилистической подкладкой	92
<i>И. Б. Гаврилов</i>	
Федор Августович Степун и его мысли о России	108
РУССКАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Г. И. Гриб</i>	
Дело № 37899. Бенешевич Владимир Николаевич	
Размышления о жизни человека	130
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВИЯ	
<i>А. М. Любомудров</i>	
Вечное и преходящее в христианском сознании	
(«Река времен» Б. Зайцева и «Архиерей» А. Чехова)	139

З. Н. Лемякина

«И было имя мне Елизавета...»

Жизнь и подвиг матери Марии (Скобцовой)

в экспозиции Анапского археологического музея. 145

Л. П. Кудряшова

Тайна негромкого имени

«Поэзия незаменимых слов» Марии Петровых (1908–1979) 151

Мария Петровых

Стихи разных лет 165

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Б. Сокурова

Кризис современной культуры 172

В. О. Гусакова

Духовный облик Святой Руси в творчестве В. М. Васнецова 178

С. В. Алексеев

Неушедшая Русь

О несостоявшейся картине Павла Корина

«Реквием. Русь уходящая» 207

БИБЛЕИСТИКА

Д. Г. Добыкин

Христианский взгляд на ветхозаветные праздники 214

КИНОЗАЛ

Священник Игорь Иванов

О некоторых особенностях мифопоэтики

киноэпопеи «Гибель империи» 227

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

Яна Батищева 236

Ирина Болдышева 239

Священник Игорь Иванов 248

Дмитрий Кузнецов 254

Кирилл Ривель 261

Людмила Скатова 267

Ольга Шульчева-Джарман 279

НАШИ АВТОРЫ 284

От редакции

Очередной выпуск журнала «Верующий разум» посвящен осмыслению русского национального самосознания, сформировавшегося в тесной связи с православной верой и любовью к Отечеству.

Ключевой темой номера выбрана 100-летняя годовщина Русского исхода, изложенная в основном с учетом того, как она отразилась в русской мысли, культуре и литературе того времени его непосредственными очевидцами и участниками.

Особое внимание в журнале традиционно уделяется петербургским святым и исповедникам веры: в этом номере речь пойдет о протоиерее Алексие Кибардине – духовнике преподобного Серафима Вырицкого, а также о трагической судьбе выдающегося византолога Владимира Николаевича Бенешевича.

В номере отмечается 200-летний юбилей Ю. Ф. Самарина и рассматриваются вопросы христианской философии, культурологии и литературоведения – статьи посвящены восприятию творчества Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. А. Степуна, Б. Зайцева, М. Петровых, П. Корина, матери Марии (Скобцовой).

Кроме того, в ряде статей говорится как об истоках православных традиций, так и о специфике понимания кризиса современного общества с позиций церковной культуры.

Поэтическая подборка, традиционно представленная в номере, содержит произведения, посвященные духовной жизни, России, событиям Русского исхода.

В. П. Филимонов

Последний духовник преподобного Серафима Вырицкого

Исповедник православной веры протоиерей Алексей Кибардин

Жизнь протоиерея Алексея Кибардина являет собой яркий пример подлинного исповедничества Православия перед лицом большевистских гонений. В ней – сочетание глубочайшего смирения с непоколебимым стоянием в вере. Отец Алексей был воистину безстрашным воином Христовым и добрым любвеобильным пастырем. В течение нескольких десятилетий терпеливо нес он подвиг безкровного мученичества. Это был подвиг ежедневный, ежечасный, даже до последнего дня его жизни. Это был крест, который он принял из сладчайших Рук Самого Спасителя. 61 год пребывал протоиерей Алексей – в священном сане, из которых 17 лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылках.

Впервые жизнеописание отца Алексея было опубликовано в 1999 году в моей книге «Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа». В дальнейшем, по милости Божией, в сотрудничестве с православным издательством «Сатисъ», удалось выпустить отдельным изданием жизнеописание отца Алексея – «Последний духовник преподобного Серафима Вырицкого» с приложением подлинных писем батюшки из лагерей. Эта книга основана на собранных мною архивных и других подлинных документах, а также на свидетельствах родственников отца Алексея и узников ГУЛАГа. В ней впервые опубликованы исторически достоверные сведения об исповеднике протоиерее Алексие Кибардине и его биография окончательно очищена от всех нелепых вымыслов и легенд, тиражируемых недобросовестными сочинителями, фальсификаторами истории Церкви.

Неоценимую помощь в работе оказали воспоминания родных батюшки Алексея, а также видного российского ученого, профессора Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук Юрия Константиновича Герасимова и педагога Евгения Александровича Рудаковского.

Уникальным свидетельством являются подлинные письма отца Алексея из мест заточения, любезно переданные автору внуком исповедника Алексеем Сергеевичем Кибардиным. Это не просто удивительный литературный памятник, но живое духовное пособие для тех, кто хочет обрести евангельские терпение, смирение, кротость и истинное христианское мужество.

Родился отец Алексей 30 сентября 1882 года в селе Всехсвятское Слободского уезда Вятской губернии в семье сельского священника Алексея Кибардина. От юности своей получал он уроки самоотверженного служения Богу и ближним. С детских лет помогал по храму и принимал участие в делах милосердия. Служил алтарником, псаломщиком, учился в Вятской духовной семинарии. В 1902 году связал свою судьбу с Фаиной Сергеевной Сырневой, дочерью священника, которая в течение многих лет делила с бабушкой все жизненные невзгоды и редкие радости. В 1903 году закончил семинарию, был рукоположен в сан иерея и до 26 лет служил и законоучительствовал в Вятской губернии. Господь даровал отцу Алексею двух сыновей: в 1907 году родился Сергей, в 1910 – Василий.

В 1908 году успешно поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и в 1912 году блестяще окончил ее со степенью кандидата богословия. Его сочинение на тему «1812 год и его последствия для Православной Церкви и православного духовенства» получило высокую оценку профессоров и преподавателей академии.

Феодоровский Государев собор

При необычных обстоятельствах иерей Алексей Кибардин оказался одним из приписных священников Феодоровского Государева собора. Община сестер милосердия во имя Христа Спасителя, куда он был определен после окончания духовной академии, находилась под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Царственная благодетельница общины неоднократно бывала на богослужениях в храме святой Марии Магдалины на Сергиевской улице, где служил отец Алексей. До самозабвения, умом и сердцем воспаряя к горнему, совершал он священнодействие. Чуткое сердце благочестивейшей Императрицы немедленно оценило нелicense-

мерное усердие молодого священника. 21 июня 1913 года его перевели в Феодоровский Государев собор.

Собор имел особый статус – он был приходом Августейшей Семьи и чинов Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка и Собственного Его Величества Конвоя, размещавшихся в Царском Селе.

В пещерном храме Феодоровского Государева собора во имя преподобного Серафима Саровского члены Царской Семьи говели вместе с простыми солдатами и казаками Сводного полка и Конвоя. Здесь искренне возносили они свои прошения у святых древних икон, омытых слезами многих поколений русских людей. Здесь нередко исповедовались они отцу Алексею и при-

чащались у него Святых Христовых Таин. А преподобный Серафим вновь и вновь единил в часы молитвы Державного хозяина Земли Русской – Государя Императора Николая II Александровича с ее народом...

В июне 1913 года к обязанностям полкового священника у иерея Алексия Кибардина прибавилось новое послушание. После полного завершения работ по Феодоровскому Государеву собору продолжилось строительство Феодоровского городка. Он создавался как уникальный архитектурный ансамбль древнерусского зодчества. При строительстве городка использовались мотивы Московской Руси, Пскова, Новгорода и Костромы XV–XVII веков. Высочайшим указом Государь утвердил состав Комитета по постройке зданий при Феодоровском Государевом соборе. Отец Алексий вошел в число его членов вместе с ктитором собора – полковником Д. Н. Ломаном; командиром Сводного полка, капитаном Н. Н. Андреевым и архитектором С. С. Кричинским.

К лету 1914 года строительство, которое шло ударными темпами, в основной части зданий и сооружений городка было завершено. Вновь воссоздаваемые памятники, собрания древних святынь, предметов культуры и исторических документов должны были способствовать сохранению национальных корней России.

Создание уникального комплекса Государь связывал с возрождением идеалов Святой Руси, ибо в этом видел залог надежного, твердого единства Царя и народа. Отец Алексий Кибардин стал одним из тех людей, которые помогали воплотить в жизнь эти светлые начинания Императора Николая II Александровича. Как

Духовенство Собора и члены Комитета по постройке Феодоровского городка (второй слева в первом ряду – отец Алексий Кибардин)

видно из послужного списка, молодой священник в то же время преподавал Закон Божий в учебных заведениях Петрограда и Царского Села.

Так нес он сразу три нелегких послушания, пребывая в неустанных трудах во славу Господню...

С началом Первой мировой войны при Феодоровском Государевом соборе был открыт лазарет для раненых воинов. Шефство над ним взяли Великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна. Августейшие покровительницы лазарета сами работали здесь в качестве сестер милосердия, помогая медикам и раненым. Операции и перевязки шли круглосуточно. Многие раненые погибали от потери крови, гангрены и других осложнений. К обязанностям полкового священника Императорского Конвоя у отца

Алексия прибавилось новое многотрудное послушание – пастырское служение в переполненных ранеными лазаретах.

Священство собора не имело времени для отдыха ни днем, ни ночью: бесконечно было число исповедников, многие из которых не знали, доживут ли до следующего дня. Они уповали на Бога больше, чем на врачей. Здесь надо было проявлять необыкновенную чуткость и осторожность, чтобы недугующие не теряли надежды на спасение в этой жизни и в будущей. В соборе непрестанные панихиды чередовались с молебнами о даровании победы российскому воинству, об избавлении от неволи томящихся в плену.

Благочестивейшая Государыня Императрица и ее Августейшие Дочери, работая в царкосельских лазаретах, с необычайным состраданием относились к раненым воинам. Они воистину не щадили себя, пребывая в неустанных заботах о пострадавших защитниках Отечества. Так же, терпеливо и безропотно, с присущим ему смирением и любовью, нес свои многотрудные послушания и отец Алексей. Как пастырь, он, несомненно, видел, каких высоких христианских добродетелей сподобил Господь Августейших Жен.

*Царкосельский лазарет.
Императрица
Александра Феодоровна,
Великие Княжны
Татиана и Ольга,
и Анна Вырубова*

Его поражала всегда их глубокая вера и постоянный молитвенный настрой, а Императрица и Великие княжны почитали искреннее душевное усердие отца Алексея. Во славу Божию трудились все они рука об руку. За годы испытаний возникла и укрепилась их трепетная духовная дружба...

Отец Алексей стал свидетелем начала крестного мученического пути Царской Семьи во время ее пребывания в Царском Селе после ареста. Он видел, с какой кротостью и смирением переносили Царственные Мученики все унижения от взбесившейся разнузданной солдатни и комиссаров. В такие минуты сердце молодого пастыря воистину обливало кровью.

До конца дней своих хранил отец Алексей воспоминания об Августейшей Семье, а в ту пору он старался сделать все возможное, чтобы облегчить участь Царственных Мучеников, томившихся под арестом в Александровском дворце Царского Села. Впоследствии Государыня Императрица Александра Феодоровна в своих письмах из Тобольска неоднократно передавала отцу Алексею сердечные приветы.

С 1922 года отец Алексей Кибардин, возведенный в сан протоиерея будущим священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), стал настоятелем собора. Тогда он дал решительный отпор обнов-

ленцам, и церковная жизнь в Царском Селе не была нарушена теми настроенными, которые происходили в Петрограде. Проникновенное служение и светлые проповеди отца Алексия привлекали все больше и больше истинно верующих людей не только из Царского Села, но и из Петрограда. Всеми силами старался новый настоятель Феодоровского Государева собора передать своим прихожанам дух чистоты подлинного Православия. В праздничные дни в соборе часто устраивались торжественные архиерейские богослужения, в которых любил участвовать ревностный архипастырь, будущий священномученик епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев). В ту пору с наиболее верными своими духовными чадами батюшка Алексей постоянно служил панихиды по невинно убиенной Царской Семье.

В 1927 году, после выхода в свет Декларации митрополита Сергия, положение протоиерея Алексия весьма осложнилось. Благоговейное почитание светлой памяти Царственных Мучеников было неотъемлемой частью его существования. Поминать богоборческие власти и молиться об их благоденствии, да еще под сводами Государева собора, для отца Алексия было равносильно предательству Иуды. Это было выше его сил. Без раздумий вступил он в ряды сторонников митрополита Иосифа (Петровых). Совесть пастыря была чиста перед Господом (см. Примечание).

Лишь в конце 1930 года богоборцы устранили неугодного им священнослужителя. «Тройка» за «участие в контрреволюционной монархической церковной организации» по статье 58-10 УК РСФСР вынесла довольно «мягкий» по тем временам приговор – пять лет лагеря строгого режима.

Отец Алексей отбывал срок заключения в Сиблаге (в городе Мариинске Новосибирской области) и на строительстве Беломоро-Балтийского канала (в Белбалтлаге), где вначале возил тачки с землей и строительными материалами, а затем работал в лагерной канцелярии. Проживая в холодных бараках, батюшка заболел ревматизмом и получил еще ряд хронических заболеваний. Слава Богу, остался жив. По милости Божией отцу Алексею удалось освободиться на год ранее срока и далее отбывать ссылку на Крайнем Севере – в Мурманске и Мончегорске.

В июле 1941 года батюшка вернулся в Царское Село, которое вскоре заняли немцы. Матушка Фаина страдала тяжелым онкологическим заболеванием, поэтому отец Алексей не смог эвакуироваться и остался на оккупированной территории. В начале 1942 года им удалось перебраться вглубь области, на погост Козья Гора, где батюшка стал служить в храме Покрова Пресвятой Богородицы.

*Церковь в честь Покрова
Пресвятой Богородицы
в деревне Козья Гора*

Окормлял он Пенино, Старополье и ряд других соседних деревень, входивших в юрисдикцию Православной Псковской Духовной миссии.

При этом в течение двух лет отец Алексей постоянно оказывал серьезную помощь партизанам деньгами и продуктами. В разговорах с немецкой администрацией он категорически отрицал эту связь.

В начале 1944 года Осьминский район освободили советские войска, и батюшка подал прошение о принятии в состав клира Ленинградской епархии. В августе 1945 года он был воссоединен с Московской Патриархией в сущем сане протоиерея.

В это время у супруги отца Алексея резко ухудшилось здоровье, и он подал прошение о переводе на приход, расположенный поближе к городу, в связи с необходимостью постоянного врачебного наблюдения за здоровьем матушки. Митрополит Григорий (Чуков) благосклонно отнесся к рассмотрению вопроса и назначил протоиерея Алексея Кибардина на место настоятеля вырицкого храма в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

*Преподобный
Серафим Вырицкий*

В первые же дни своего служения в Вырице отец Алексей посетил старца иеросхимонаха Серафима (Муравьева), ныне прославленного Русской Православной Церковью преподобного Серафима Вырицкого. Это была не первая их встреча...

Еще в 1906 году петербургский купец Василий Николаевич Муравьев (так звали в миру преподобного Серафима) приобрел добротный двухэтажный дом-дачу в живописном поселке Тярлево неподалеку от Царского Села. Имеются свидетельства о том, что в Павловске и в Царском Селе Василий Николаевич и его супруга Ольга Ивановна встречались и беседовали с Государем Императором

Николаем II Александровичем. Известно также, что Помазанник Божий неоднократно бывал в доме Муравьевых в Тярлево и с большим теплом относился к благочестивым супругам. Об этом впоследствии рассказывала своим внукам Ольга Ивановна Муравьева (в монашестве – монахиня Христина – схимонахиня Серафима). Семья Муравьевых бывала и на богослужениях в Феодоровском Государевом соборе, куда по особым приглашениям допускались приближенные ко Двору лица. Естественно, они были знакомы и с духовенством собора. Готовя себя к монашеству, супруги Муравьевы постоянно проживали в своем загородном доме с 1917 по 1920 год и регулярно посещали Феодоровский Государев собор. С того времени прошло четверть века...

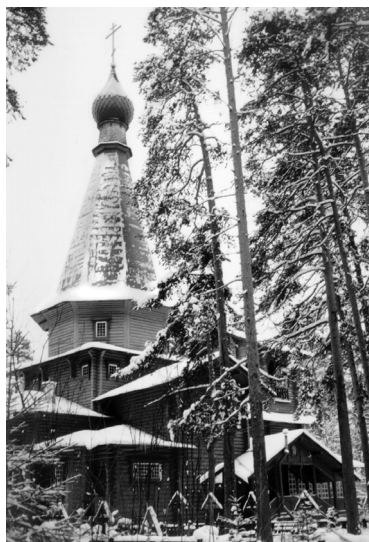
Батюшку Алексия поразило духовное величие старца, а подвижник сразу увидел чистое сердце нового настоятеля вырицкого Казанского храма. Необычайно роднили их истинная любовь к ближним и своему многострадальному Отечеству. Объединяли двух служителей Божиих и их небесные собратья: священномученики – Вениамин, митрополит Петроградский; Григорий, епископ Шлиссельбургский; духовник Царской Семьи протоиерей Александр Васильев; протоиерей Философ Орнатский и многие другие видные представители петроградского духовенства, пострадавшие в годы гонений.

Духовное познается духовным. Единомысленные пастыри стали взаимно окормлять друг друга. Вырицкий старец стал духовником протоиерея Алексия Кибардина, а тот – духовником иеросхимонаха Серафима (Муравьева). Отец Алексей регулярно навещал старца, и они вели долгие духовные беседы. Это общение приносило им взаимную радость о Христе Иисусе Господе нашем. Батюшка Серафим имел достойного собеседника, а отец Алексей необыкновенно обогащался от этих встреч. Он называл старца великим. В свою очередь преподобный Серафим с большим теплом отзывался об отце Алексии. Многие, приезжавших в Вырицу за окормлением к отцу Серафиму, старец посылал сначала в Казанский храм к отцу Алексию, а затем уже принимал у себя в келии. Старица монахиня Антония (Гаврилова) из Внутро вспоминала, как преподобный Серафим говорил ей: «У нас протоиерей батюшка Алексей – очень хороший батюшка...»

Около трех с половиной лет связывали тесные духовные узы и братская любовь о Христе двух светлых пастырей – до последнего дня земной жизни батюшки Серафима, когда отец Алексей сподобился причастить подвижника перед самой его блаженной кончиной 3 апреля 1949 года. Он же читал молитву на исход души и служил первую панихиду по незабвенному старцу.

Известно, что преподобный Серафим Вырицкий незадолго до своей кончины предсказал отцу Алексию, что он проживет еще 15 лет после кончины старца.

Впоследствии в своих воспоминаниях отец Алексей Кибардин писал об отце Серафиме: «Я чту его как великого старца. Конечно, я небольшой человек, чтобы предлагать свое суждение... Но я знаю, и свидетелем был отношения к старцу Святейшего Патриарха Алексия, которого старец благословил заочно своим родовым образом Спасителя. Образ этот находится у Святейшего. Это было в 1948 году...

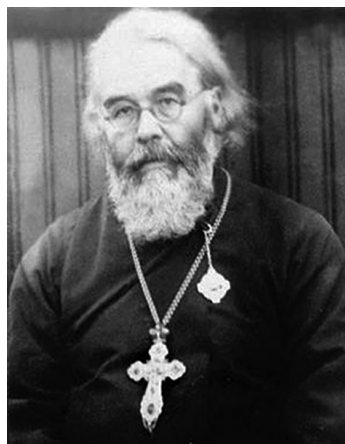

Казанский храм Вырицы

Митрополит Григорий (Чуков) вызвал меня для представления Патриарху Алексию. Я был на приеме у Святейшего и передал ему от старца: „Иеросхимонах Серафим из Вырицы – в миру Муравьев Василий Николаевич – просит Вашего, Ваше Святейшество, благословения и земно Вам кланяется“, – и при этом я земно поклонился.

„Знаю, знаю его, – ласково сказал Патриарх, – а как он здоровствует?“ – Я ответил, что духом он бодр, а телом изнемогает, так как очень много у него бывает посетителей с горем и скорбями... Святейший меня благословил и сказал медленно и раздельно: „Передайте ему от меня, что я прошу его святых молитв“.

Кончился прием, слышу в публике голос: „Вот ведь за Патриарха вся Церковь молится, а он просит молитв схимонаха...“ – „Ну, это не простой схимонах, а старец“, – произнес неизвестный...»

*Отец Алексей Кибардин.
Вырица. 1949 г.*

После кончины преподобного Серафима отец Алексей прослужил в Вырице еще год. О его выдающихся способностях священнослужителя красноречиво говорит докладная записка благочинного Пригородного округа на имя владыки Григория (Чукова): «Протоиерей Алексей Кибардин свое пастырское служение при вырицкой Казанской церкви проходит с должным благоговением, истово совершая богослужения и сопровождает их поучениями. В то же время заботится о благолепии храма и умело ведет хозяйственную часть храма. Благочинный Пригородного округа Александр Мошинский».

В апреле 1950 года по ложному доносу отец Алексей Кибардин снова был арестован.

В своих воспоминаниях он пишет: «Следствие велось грубо, придирчиво, явно враждебно. С самого начала следовательно с площадной бранью грубо огорошил меня: „Ты поп и бывший лагерник. Ты враг Родины и советской власти. Ты должен был вредить и, значит, вредил советской власти!“ Я был подавлен такой логикой...»

68-летнего батюшку приговорили к 25 годам пребывания в концлагере особого режима, якобы за сотрудничество с оккупантами, хотя на самом деле он помогал партизанам. С глубочайшим смирением принял отец Алексей обрушившуюся на него скорбь.

Очень сокрушался батюшка, что в свое время не последовал советам преподобного Серафима Вырицкого и митрополита Григория (Чукова) принять монашество. Отец Серафим и владыка Григорий понимали, что богоборческие власти не оставят его в покое как истинного ревнителя памяти невинно убиенной Царской Семьи. Ведь отец Алексей по своей детской вере и непо-

средственности со многими делился рассказами о своем пребывании в Царском Селе и служении в Феодоровском Государевом соборе. Умудренные Богом старшие пастыри прекрасно знали, что самое лучшее для него решение – удалиться от безбожного мира в тишину монастырских келий. В дальнейшем они видели его в числе кандидатов на епископский сан...

Только благодатная помощь Божия и горячая вера помогли отцу Алексию пройти все обрушившиеся на него скорби и нечеловеческие испытания. Вот что пишет батюшка в своих воспоминаниях, обращаясь к Преосвященному Алексию (Коноплеву), епископу Лужскому: «От Господа зависят судьбы человека!.. Я попал в самые строгорегимные лагеря – Озерлаг около Иркутска. Переписка разрешалась там один раз в году. Режим был каторжный; мы не считались людьми; каждый имел нашитый на спине и на колене номер и назывался не по фамилии, а „номер такой-то.. Действительно, владыка, Господь управляет судьбами человека! Я это испытал!»

Озерлаг... Адская машина по измолачиванию душ человеческих с безконечными степенями уничтожения и издевательства. Особая система мест заточения, печально известных наиболее изощренными методами наказаний.

Озерлаг являлся сетью лагерей, расположенных в самом отдаленном районе Иркутской области на границе с Красноярским краем. Количество лагерей достигало тридцати. Группировались эти места страданий и скорби в бассейне реки Бирюсы и вокруг строящейся трассы Тайшет–Братск, примерно в 600 километрах к северо-западу от знаменитого озера Байкал.

Ниже приведены некоторые сведения из документальной книги «Озерлаг: как это было...», в которой содержится страшная правда об Особом закрытом лагере № 7 – так назывался Озерлаг официально: «Может быть, Бухенвальд и Озерлаг были разными лагерями? По масштабу – да, Озерлаг был намного больше. Но по своему назначению, по тому, что делалось в этих лагерях – между ними не было никакой разницы... Более того, люди, выжившие в Бухенвальде, и будучи перемещенными в Озерлаг, здесь погибали. Режим здесь был жесточайший, как и во всех спецлагерях, организованных в 1949 году... Погибло здесь много...»

Царил оголтелый произвол. Заключение называли Озерлаг – «ОЛПП», что означало «отдельный лагерь предварительного погребения». Прежде всего, это были ужасные климатические условия. Зимой морозы достигали 60°, и в такой холод людей выгоняли на работы в лес и на стройку. Многие замерзали от недостатка сил. Упавших пристреливали. Время от времени кого-то показательно убивали, якобы «при попытке к бегству». Кровавые драмы следовали одна за другой. Охранников, совершавших убийства, как правило, поощряли именными часами и дополнительным отпуском.

Я попал в самые строгорегимные лагеря – Озерлаг около Иркутска – переписка разрешалась там один раз в году. Режим был каторжный; мы не считались людьми; каждый имел нашитый на спине и на колене номер и назывался не по фамилии, а „номер такой-то.. Действительно, владыка, Господь управляет судьбами человека! Я это испытал!»

Из письма отца Алексия

Лагерный барак

Глазами стоял сплошной кошмар. Строем выгоняли из бараков на работы, строем загоняли в бараки вечером, закрывая на тяжелые замки. В тамбур ставилась „параша„ – бочка для нужд. На окнах были непроницаемые решетки...»

Постоянно были переполнены БУРы – бараки усиленного режима и карцеры. Туда могли посадить, скажем, за то, что заключенный «не так» посмотрел на охранника...

«Когда мы ехали, то почему-то были уверены, что везут нас на Колыму. А попали в Тайшет, в „знаменитый“ Озерлаг, где, кстати, нет никаких озер... Это место известно тем, что там уже легли в могилу миллионы арестантов, и поэтому его называли „трассой смерти“».

А вот сцена из лагерной жизни 50–60 х годов: «По зоне, сбиваясь с ног, носятся с миноискателями надзиратели и охранники. Из бараков летят на снег матрасы, одеяла, подушки... По рядам заключенных, построенных около барак, шепотком проносится: „Что ищут-то?“ – „Слово Божие!“ – также неслышно раздается в ответ. „Смотри, смотри, – а руки-то, руки у них в черных перчатках!“ – „Да не руки у них, а копыта! Вот и прячут под перчатками. Это же служители преисподней...“ Так случалось, когда в лагерь неисповедимыми путями попадало Евангелие...»

Тем, кому удавалось выжить на «трассе смерти», приходилось давать при освобождении строгую подписку о неразглашении того, что творилось в «ОЛПП». В случае разглашения вновь грозила тюрьма! Истинная правда об Озерлаге стала приоткрываться только после 1992 года...

К сожалению, в некоторых публикациях неоднократно попирается эта правда о кровавых гонениях, постигших Русскую Православную Церковь в годы правления большевистского режима. Описывая время, когда десятками тысяч уничтожались священнослужители и миллионами – простые верующие, авторы попросту извращают историческую действительность.

Лагеря строились с одной целью – уничтожение людей. Больных тяжелыми болезнями часто расстреливали. Среди заключенных процветало доношительство, а в числе лагерного начальства и охраны находились самые лютые богоборцы. Поэтому великий духовный вред наносит внедряемый в подсознание многих читателей нелепый миф о массовом торжественном праздновании Пасхи в Озерлаге с совершением Божественной литургии, якобы санкционированном начальником лагеря.

Сразу возникает вопрос: А что, в таком случае, ожидало бы самого начальника лагеря?..

«Священники в белых ризах, сшитых из простыней и покрывал»; «огромная волна, ударившая с шумом о берег, так что брызги воды окропили людей»; «яйца, куличи и пасхи» и прочие выдумки сочинителей наводят на очень грустные размышления.

Где это видано, чтобы в лагере особого режима заключенным выдавали постельное белье – простыни и покрывала! В публикуемом ниже письме отца Алексия из Озерлага он просит родных прислать ему «полметра белой бумаги для заплат нижнего белья и полметра черной хлопчатобумажной материи для заплат на пальто и брюки...» Думается, что дальнейшие комментарии по поводу «простыней и покрывал» не требуются.

Далее: Пасха 1955 года праздновалась 4 апреля, когда в районе «трассы смерти» еще стоят морозы, а реки покрыты льдом. В начале апреля в тех краях по льду еще ездят автомобили! Да и Бирюса, ко всему прочему, совсем небольшая таежная речушка. О какой огромной волне можно в таком случае говорить?.. Кстати, в некоторых изданиях говорится, что эта волна вышла из озера Байкал, которое находится на расстоянии более 600 километров от Озерлага. Прямо-таки цунами, да и только!

Можно только недоумевать: кто и каким образом завез в находящийся в глухой тайге лагерь яйца и молочные продукты для заключенных особого режима, чтобы они могли «разговляться после Пасхальной службы»? В настоящей статье неоднократно приведены красноречивые свидетельства о том, как питались узники Озерлага...

Нелепые выдумки некоторых сочинителей вполне можно считать оскорблением памяти исповедников и новомучеников Церкви Русской. Похоже, что кому-то очень угодно, чтобы изгладилась в памяти народной ужасы гононий того времени. А их забывать нельзя – в истории все повторяется!

Очень печально, что погибельную ложь публикуют многие печатные издания. А ведь это не просто пустословие, а смертельный духовный яд, вводящий великое множество людей в состояние духовной прелести! Еще печальнее, что они, действительно, верят этим вредоносным выдумкам.

«Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину, – учит святитель Игнатий Брянчанинов, – состояние прелести есть состояние вечной гибели! Все, впавшие в бесовскую прелесть, то есть вступившие

в общение с дьяволом и в порабощение ему – суть храмы и орудия бесов, жертвы вечной смерти, жизни в темницах ада». Чтущий да разумеет!

Подробно об ужасах, которые происходили в лагере, где находился отец Алексей Кибардин, можно прочесть в достоверных источниках: «Озерлаг: как это было. Документальные данные и воспоминания узников 50-х – 60-х годов» (Иркутск, 1992) и «Озерлаг. Стихи узников» (Братск, 1992). В этих книгах – подлинная правда о лагерях смерти, объединенных одним условным названием: Озерлаг. Богоборцы уничтожили в них неисчислимое число людей.

В первой из указанных книг приведены циничные высказывания бывшего начальника Озерлага, который, называя себя «верным сыном партии», рассказывает, как ударно «трудились» заплечных дел мастера в его учреждениях...

Необходимо также отметить, что внуки протоиерея Алексея Кибардина, которым он подробно рассказывал о своем пребывании в Озерлаге, категорически отрицают достоверность описанных некоторыми сочинителями мифических событий. Они однозначно утверждают, что таким образом тиражируется возмутительная пагубная ложь!

Сегодня почти не осталось в живых свидетелей тех ужасных злодеяний, однако буквально чудом Господь послал двух людей, которые прошли застенки ГУЛАГа и испытали на собственном опыте все скорби, выпавшие на долю узников особых лагерей. Их живые воспоминания вошли в мою книгу об отце Алексии Кибардине.

Евгений Александрович Рудаковский провел десять лет в «объятиях» Озерлага. Он окончил Минский педагогический институт и к началу войны работал директором школы. В 1941 году был призван в армию и направлен в один из белорусских военкоматов. Со своими сослуживцами попал в окружение, из которого они вышли с боями. В дальнейшем находился в рядах действующей армии, но в 1944 году «особисты» усмотрели в горечи первых поражений «измену Родине». 11 августа 1944 года Евгений Александрович оказался в Озерлаге. Праведный гнев и искренняя печаль – вот свидетели истины в его рассказе: «Тяжести лагерной жизни нельзя сравнить даже с трудностями фронтовых дорог. Первое время думал, что не выживу. Еды давали ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Да и еда была такая, что после нее крутило и ломало. Труд был очень тяжелый, но потом как-то привык, смирился. В первые послевоенные годы администрация еще как-то занималась культурно-воспитательной работой. Мы ставили спектакли, давали концерты, иногда в лагерь привозили и показывали патриотические кинофильмы. Это хоть как-то скрашивало узническую жизнь. Не подумайте только, что все было так просто. В целом-то лагерь оставался лагерем...

С 1949 года положение резко изменилось. Режим усилили до последней крайности. Нас бросили на трассу. Началась настоящая каторга, совершенно невыносимая для человека жизнь. Вторые пять лет я вспоминаю, как кош-

марный сон. Одно время я был в лагере, который располагался на высокой горе, продуваемой яростными сибирскими ветрами. Ежедневно нам приходилось таскать воду из реки Чуны, находившейся далеко в тайге под горою. На большие сани ставилась огромная бочка, мы впрягались в лямки и тянули сани на гору. Подъем был очень крутым со многими препятствиями. Приходилось постоянно маневрировать. Само по себе это было неимоверно тяжелым трудом, но он сопровождался еще и изощренными издевательствами. Звери-охранники срезали нам пуговицы на брюках и отнимали ремни. Приходилось одной рукой держать брюки, чтобы они не упали, а другой тащить лямку. Нас подгоняли прикладами, сопровождая все это несусветными словесными измышательствами. Так делали мы несколько рейсов в день. Вечером пришивали пуговицы, а утром повторялась все та же история. Тех, кто падал, могли забить до смерти. Санитарный барак всегда был переполнен. Многие болели цингой, погибали от истощения.

Условия проживания были тоже невыносимыми. Бараки плохо отапливались – всего одна печь стояла в центре барака. В крайних точках зданий зимой была отрицательная температура. В морозы по возможности старались сбиваться к печи. Почти все заключенные мучались бессонницей и были истощены до крайней степени. На окнах были „козырьки“, закрывавшие свет и почти не пропускавшие воздух. Было практически всегда темно – одна маленькая лампочка освещала громадный барак. После работы нас закрывали на замок, и мы задыхались от собственной зловонной „парашки“.

За десять лет я побывал в целом ряде лагерей Озерлага. Нас довольно часто перемещали – боялись восстания и всеми мерами старались, чтобы заключенные не могли сплотиться и организованно выступить. Об отце Алексии Кибардине нигде ни разу не слышал. Священства вообще не было видно. Какой был смысл им „высовываться“, как тогда говорили в лагере? Да вспомните, как в то время относились к Церкви и религии на воле! Верующих людей просто травили. Обличали на партийных и комсомольских собраниях; измывались всячески; кричали, что Бога нет... Царил разгул воинствующего атеизма! Лагерь – это государство в миниатюре, где с тысячекратным усилением проявляются самые грязные и низменные стороны мирской жизни. Выводы делайте сами. К тому же основную массу духовенства уничтожили еще в 20-е–30-е годы, это также хорошо известно. Так что если и попадал к нам изредка кто-то из духовных лиц, то вскоре так же и исчезал. Их чаще других перебрасывали из лагеря в лагерь. Вообще-то верующих в Озерлаге практически и не было. О другом думали и прежде всего о том, как брюхо набить, иногда и выпить случалось. В лагерной жизни свои хитрости. В среднем на каждой зоне Озерлага было до 10 000 человек, и дай Бог, чтобы на это количество заключенных было хоть несколько верующих. Во всяком случае, они себя хоронили от остальных. В лагере особого режима, как правило, никто ни во что уже не верил – это горькая правда...

Люди жили, как звери, – больше инстинктами, нежели душою. Это можно отнести и к лагерному начальству, и к заключенным. Администрации надо было держать людское стадо в повиновении и страхе, а узникам надо было во что бы то ни стало – выжить! Вот и вся схема. О какой духовности может идти речь!? Какие священники?! Какие службы?! Какие праздники?! Вы можете себе представить, что, вдруг, в Освенциме кандидаты в газовые камеры начали бы отмечать православные праздники вместе с лагерным начальством!?

Свой срок я отбывал от звонка до звонка и освободился в конце августа 1954 года. Был знаком со многими узниками Озерлага, освободившимися и в последующие годы. Знаю точно, что никаких существенных изменений в этой адской системе не происходило», – заключает Евгений Александрович.

Профессор Юрий Константинович Герасимов – ведущий научный специалист Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом). В одно и то же время с отцом Алексием Кибардиным он находился в лагере с таким же режимом содержания. Нелегко вспоминать ему о том страшном времени – на глазах против воли появляются слезы: «К началу 50-х годов в России под непосредственным руководством Берии было построено 12 лагерей особого типа. Создавались они по проекту эсэсовских концлагерей самого нечеловеческого режима. Названия у них были как бы романтическими: Камышлаг, Речлаг, Горлаг, Озерлаг, Песчанлаг, Берлаг, Минлаг и другие. Сегодня от одних этих слов сотрясается мое сердце. Сколько светлых людей поглотила эта сатанинская система, сколько загубила душ... Кстати, это были шифрованные названия – в Речлаге не было никаких рек, как в Камышлаге не было камышей.

Я был заключенным Минлага, лагеря того же типа, что и Озерлаг, в котором пребывал отец Алексей Кибардин. Это известно мне точно, так как между этими лагерями существовала определенная миграция – заключенных время от времени перемещали из лагеря в лагерь. На пересылках приходилось слышать: „Не дай Бог, если попадешь в один из зоопарков Берии!“

В барак помещалось около 400 человек. Это были длинные одноэтажные здания с одним центральным входом и двухярусной системой коек. Рядом с лагерем стояла воинская часть, состоявшая из отъявленных головорезов, такими же были и надзиратели. В заключенных постоянно воспитывали самые нечеловеческие чувства, натравливали друг на друга. Об этом, собственно, писалось уже достаточно.

Однажды нас заставили выкопать поблизости от лагеря огромный котлован, никто не знал, для чего это делается. Впоследствии оказалось, что, в связи с начавшейся „холодной“ войной, мы подлежали немедленному уничтожению в случае начала реальных военных действий. Время от времени нас поднимали по тревоге и выгоняли из лагеря к этому котловану, безжалостно избивая прикладами, кололи штыками, травили овчарками. Всех выстраивали на краю котлована и имитировали сцену расстрела. Словами

все это не передать – некоторые падали, некоторые заливались слезами... Потрясение было не из легких. Все были запуганы до самой крайней степени.

Хочу поведать несколько слов о религиозной жизни. Надо сказать, что она, с Божией помощью, тихо-тихо теплилась, но шла катакомбным образом. Уголовники могли собираться целыми стаями, но стоило собраться вместе двум-трем православным, как сразу же „стучали“. Священники были осторожны до крайности, никому не хотелось подвергаться дополнительному наказанию. Редкие верующие ходили к батюшкам на исповедь по одному, говорили шепотом, постоянно озираясь вокруг. В праздники мы также шепотом, а иногда и про себя, в глубине сердца, пели тропари и кондаки. Упаси Господь, если кто-то услышит! Карцер был неизбежен. Там могли оставить без белья, не топить, не кормить или, в лучшем случае, посадить на штрафной паек...»

Карцер

Родные протоиерея Алексия Кибардина рассказывают: «Заключенные лагеря, где находился батюшка, работали на лесоповале. Ввиду преклонного возраста отца Алексия и его болезненности, как правило, он или нес обязанности дневального по барaku – мыл полы, выносил „парашу“, поддерживал огонь в печи, или подбирал сучья на лесоповале. И вот однажды не выдержало сердце старого пастыря – с несколькими верными заключенными он тайком ушел в тайгу, где отслужил короткий молебен о здравии томящихся в неволе и скорейшем их освобождении. В тех условиях это было подлинным подвигом. Ведь донос последовал незамедлительно. Лагерное начальство, учитывая старческий возраст отца Алексия, „милостиво удостоило“ его „всего“ семи суток пребывания в холодном карцере...»

Уникальным документом-памятником являются письма отца Алексия Кибардина к родным из мест заточения, порой написанные простым карандашом. По ним несложно изучить географию Озерлага. Тайшет, Чуна, Шиткино, Чукша, Алзамай, Ново-Чунка, Невельская – вот названия, которые значатся в обратных адресах на конвертах. Как и других священников, батюшку Алексия неоднократно перебрасывали из лагеря в лагерь. Это была умышленная травля, санкционированная лагерным начальством. Вот что пишет сам отец Алексей: «Этапы – такая тяжелая вещь, что и представить Вам трудно, особенно, когда этаплируемый еще и инвалид и нагружен своими же вещами, как верблюд. Прибудешь на новое место, временно приходится быть и без постели, и без определенного места, правда, временно, но все же неприятно...» (письмо от 8.04.1955).

За четыре года (с апреля 1950 года по январь 1954 года) удалось отправить лишь пять писем. Вот только несколько строк из первого письма: «Сегодня 18-е октября 1950 года. Милого дорогого Алешеньку поздравляю со днем Ангела, а папу и маму – с именинником. Дай, Господи, всем нам здоровья и возможности снова видеть друг друга. В такие дни, как сегодняшний, сердце особенно больно сжимается от воспоминаний. Только молитва и надежда на милость Божию умиротворяют скорбящую душу. Писать часто я не могу – от меня это не зависит... Из продуктов можно прислать сухарей серых своего печения (не кондитерских) и даже наполовину с черными, сахару и обязательно чеснока с луком. Без поддержки Вашей мне будет очень трудно выдержать...

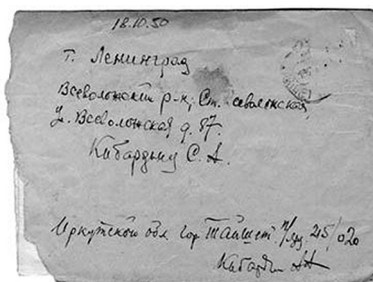
Вышел из барака на воздух. Кругом гористая местность, покрытая лесом. Небо с нависшими снежными облаками. Унылая осень – унылое настроение. Для души пространство не является препятствием. Послал Вам в воздух привет и благословение. Живите с Богом!»

Следующую весточку отправил отец Алексей родным только 11 декабря 1951 года: «Я здоров сравнительно для своих лет и благополучен по милости Божией. Милость Божию, по Вашим молитвам, являемую надо мною, грешным, я чувствую всегда. Впредь не забывайте же меня в своих молитвах. За Вашу любовь да воздаст Вам Господь. Об очень многом, о своих переживаниях хотелось бы поделиться с Вами, но в письме всего не напишешь... Пришлите: ниток черных и белых (покрепче) и одну иголку, два конверта с марками и бумагой, полметра белой бумагеи для заплат нижнего белья и полметра черной хлопчатобумажной материи для заплат на пальто и брюки... Ежедневно я вспоминаю всех Вас в своих недостойных молитвах...»

В лагерях особого режима заключенные отбывали срок в той же одежде, в которой были при аресте. Правда, все добротные и хорошие вещи тут же отбирали у них уголовники. Поэтому в своих письмах батюшка постоянно пишет: «Из вещей мне ничего не надо!» В трескучие сибирские морозы престарелый пастырь носил легкое осеннее пальто...

14 января 1953 года батюшка писал: «Не нахожу слов, как благодарить Вас за ту сыновнюю любовь, которую проявляете Вы по отношению ко мне – своему горюну-отцу. Благодарю Господа Бога за Вас, моих детей.

Прошу, чтобы Он воздал Вам Своею милостью за Вашу любовь и память обо мне, грешном. Сколько горя и скорби, выпавших на мою долю, я причинил Вам и покойной матушке! Не посетуйте на меня – ибо от Господа пути и судьбы каждому человеку. Буди Его святая воля! Не желал бы я никому испытать тех скорбей... Такова моя участь – доля, предначиненная Господом...

Конверт 1-го письма

Мое здоровье удовлетворительное. Конечно, возраст сказывается – силы уходят, но все же бодрюсь и горячо молю Господа, чтобы дал мне возможность повидать Вас и по-христиански умереть... Конечно же, пусть будет, как угодно Господу.

Слава Богу, время идет к весне, а зима стоит суровая – морозы до 55°... Любящий Вас деда Алеша».

В июле 1953 года родные получили открытку: «Я опять на новом месте. Мой адрес... Живу мечтой увидеть Вас. Крепко целую и благословляю...»

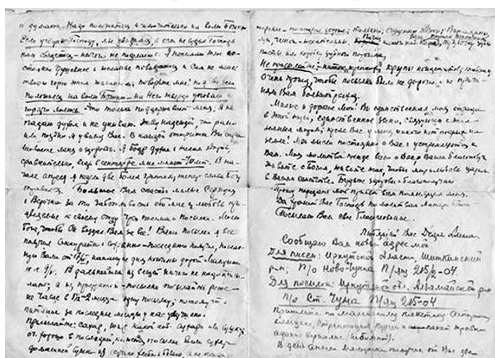
Пятое письмо отец Алексей отправил 10 января 1954 года: «Наконец имею возможность послать Вам очередное письмо... Целый год Вы, дорогие, не имели от меня весточки. Сердечно благодарю Вас за Вашу любовь, которую проявили к своему отцу в письмах и посылках... С горечью в сердце думаю, что уже четыре года, как я нахожусь на Вашем иждивении. Очевидно воля Божия испытывает Ваше терпение и сыновнюю любовь...»

Сказывается старость, сказывается довольно сильно и быстро. Стараюсь не поддаваться. Двигаюсь, но хожу, как дед в последние годы своей жизни. Памятую часто о смертном часе, страшит и ужасает мысль, что придется сложить свои кости в далекой стороне... Но – буди воля Господня! Всецело уповаю на милосердие Божие! Это только меня и подкрепляет. Вперед приветствую всех Вас со светлым праздником. Да хранит Вас Господь!»

С 20 апреля 1954 года по 8 апреля 1955 года батюшка отправил родным 14 писем. Ниже приводятся из них некоторые красноречивые строки. 20 апреля 1954 года: «Сегодня, в Великий Вторник, получили мы неожиданную праздничную радость: разрешено писать нам письма в неограниченном количестве... Сегодня же спешу порадовать Вас и приветствовать с наступающим Великим Праздником Пасхи. Четыре года я лишен был радости хотя бы письменно передать Вам Пасхальный привет... Сейчас в бараке все спят, а я пишу письмо, так как дневалю ночью. Вот моя работа, которой я доволен...»

17 мая: «Последнюю посылку я получил от Вас за день до Пасхи, как пасхальное красное яичко. Большое Вам спасибо, родные мои! Всякий раз получение от Вас посылки я переживаю с большой радостью... Но радость моя

обычно растворяется скорбью, и это понятно; так как острее чувствуется разлука с Вами и от того, что я причиняю Вам невольные хлопоты и заботы. Очевидно, размышляю я, это и мой, и Ваш крест, милые мои! Все время стоит очень холодная погода, сегодня шел снег... С июня появятся мошки – бич здешнего края – придется ходить под сеткой-накомарником...»

Одно из писем батюшки

13 июня 1954 года: «Сегодня Троицын день, а посему приветствую Вас – с великим праздником; молю Господа, чтобы благодать Божия, излиянная некогда в этот день на всю Церковь Христову, всегда пребывала с нами! Беда в том, что мне не на чем писать; чтобы послать настоящее письмо пришлось с немалым трудом достать одолжиться бумагой, маркой и конвертом... Живу надеждой на милость Божию и верю, что все придет в свое время... Здесь очень скудно с жирами – какой-нибудь жир или сало, хотя бы комбинированные, было бы очень хорошо... Пришлите что-нибудь противогрибное...»

27 июня 1954 года: «Со вчерашнего дня я на новом месте пребывания. Новый адрес смотрите на обороте. Здоров и бодр духом...»

11 сентября 1954 года: «Не обижайтесь на меня, что я якобы не пишу Вам и не получаете моих писем. Та же самая обида на сердце и у меня, но только, конечно, не на Вас, но на кого-то другого, неизвестного мне, по чьей вине задерживаются наши письма... Ну, будем надеяться, что переменятся обстоятельства...»

22 сентября 1954 года: «Насчет денег – они мне не нужны... Покупать здесь нечего (и негде)...»

27 октября 1954 года: «Пришлите мне пачку кофе – не настоящего, а какого-нибудь из суррогатов. А то пить одну водичку приходится...»

16 декабря 1954 года: «Обратите внимание на мой новый адрес...»

13 января 1955 года: «Не желаю никому переживать то, что я переживаю... Обратите внимание на мой новый адрес... Несмотря на далекое расстояние от Вас, умом и сердцем, всем моим существом я перенесся к Вам и нахожусь с Вами! Милые мои, милый родной мой Сережа! Сегодня день рождения незабвенного нашего – моего сына, а твоего брата Васюточки, а завтра день Ангела. Помню, как в этот день незабвенная наша мамушка почувствовала время родов и я ее привез в клинику Отто на Васильевском острове. В 5 часов вечера мне оттуда позвонили по телефону и поздравили с новогодним подарком – благополучным рождением сына. Это было 31 декабря 1909 года или по новому стилю 13 января 1910 года. Вечная им память! Грустные воспоминания!

О себе не знаю, что и писать... Зима ныне все время стоит суровая – до 40° и ниже. Все время приходится сидеть в бараке. Недостаток движения и свежего воздуха, конечно, не могут благотворительно влиять на здоровье. 73-й год мне идет, и долго ли я протяну, только Господь ведает. Писал я Вам про активировку з/к инвалидов и больных стариков. Активировка идет, но когда до меня дойдет, трудно сказать... Буду писать в Москву. Пришлите мне 2–3 тетради в линейку, перьев штуки 3, ручку и простой карандаш. Ради Бога, пишите! Посылаю Вам свое благословение. Смотрите мой новый адрес на обороте конверта!»

1 февраля 1955 года: «Сегодня я прошел активировку. Через полмесяца или месяц должна быть и судебная комиссия, которая оформит всех активированных и затем, говорят, списки освобожденных уже двумя комиссиями направлены будут в Москву, а там решится наша судьба, куда кого направят...

Может быть, к Пасхе, мы этого не знаем – только Господь ведаёт – нас отсюда сгруппируют и отправят куда следует... Одно время я почти лишился сна... Храни Вас Господь!»

8 марта 1955 года: «Рвусь к Вам с великим нетерпением, хочется скорее увидеть Вас всех, обнять и отогреться в лучах Вашей любви и сердечности... Нетерпение на нас тяжело отражается... так, что начинает и вера колебаться. Вот и теперь ждем, что через несколько дней, говорят, придет судебная комиссия. Может, и придет, а может, протянется еще не один месяц...»

8 апреля 1955 года: «Вчера, в праздник Благовещения получил от Вас письмо. Читая письмо, мысленно приветствовал Вас с Великим праздником, а затем мысль и чувства невольно перешли на Вербное воскресенье – преддверие Светлого Христова Воскресения. Боже мой, наступают великие дни Страстной недели, а затем и Светлые Пасхальные дни. Сердце верующего человека благоговейным чувством проникается от величайших воспоминаний Евангельских событий... Мысленно в это время 4 апреля (по старому стилю) я буду с Вами, дорогие мои, и издалека-издалека понесется к Вам мой Пасхальный привет!

Вы пишете, что ждете от меня известий о дальнейшей моей судьбе. Увы – порадовать пока ничем не могу; терпение у нас уже истощилось, а, очевидно, надо еще потерпеть. На все воля Божия...»

Незадолго до освобождения отец Алексей писал: «Сегодня печальный, тяжелый по воспоминаниям для меня день. Как раз исполнилось пять лет заключения в лагерях. Боже мой! Как много пережито за эти годы! Не стану останавливаться на этих тяжелых воспоминаниях! Это ни к чему...»

«Обратите внимание на мой новый адрес...» – семь раз повторяются эти слова в письмах батюшки из «государства Озерлаг». Стало быть – семь раз за это время он вынужден был переносить еще и все тяготы пересылок. Каково было терпеть нечеловеческие условия сибирских этапов в сопровождении печально известных вологодских конвоиров, отличавшихся особой жестокостью, тяжелобольному престарелому пастырю, каково ему было обустроиваться в новых местах заточения среди скопищ воинствующих безбожников,

Конверт последнего письма

Отец Алексей
после лагеря

знает один Господь Бог. Ведь вновь прибывшие всегда получали худшие места в бараках и урезанное, по сравнению со «старожилами», питание. Сегодня вряд ли возможно представить те жесточайшие испытания и скорби, которые выпали на долю протоиерея Алексия Кибардина. Какой же несокрушимой верой надо было обладать, чтобы писать в его положении из ада преисподнего: «Живу надеждой на милость Божию...», «Всецело уповаю на милосердие Божие...», «Буди Его святая воля!»

Вернемся к воспоминаниям отца Алексия, обращенным к епископу Лужскому Алексию: «Прошли пять лет. Правда, лагерный режим после 1953 года изменился, сорвали номера со спин и коленей, разрешили писать письма ежемесячно. Стали пересматривать дела. Попало и мое дело на пересмотр. Новый состав трибунала не нашел в моем деле вины, за которую меня осудили на 25 лет. Постановил: немедленно освободить, снять судимость и вернуть права. Когда мне объявили, я сидел и только плакал. „О чем ты плачешь?“ – спрашивает удивленный начальник. „От радости“, – сказал я.

Меня отправили в Ленинград. Массу переживаний не выдержал мой организм. Дорогой, в Москве, при пересадке на ленинградский поезд, у меня случилось кровоизлияние в мозг. Я упал, лишился языка, но сознания, к счастью, не потерял. Мне помогли подняться, ввели в вагон, и в таком состоянии я доехал. Сын и невестка встретили меня в Ленинграде, сняли с поезда и привезли на станцию Всеволожскую, пригласили врача. Врач констатировал у меня паралич и все удивлялся, как я мог доехать в таком состоянии.

Быстро я стал оправляться, 15 августа я смог быть на приеме у Митрополита Григория, ныне покойного. Вечная Ему память!

Владыка принял меня, как отец родной. Узнав, что у меня все имущество при аресте было конфисковано и я ничего не имею, он дал мне единовременное пособие – 2000 рублей; назначил меня, согласно моего заявления, на прежнее место, к Казанской вырицкой церкви приписным священником...»

Вновь предстоять в алтаре у Престола, вознося Господу самые теплые молитвы! Что могло быть тогда дороже для отца Алексия? Кто сможет понять, как тяжело быть пастырем и не иметь возможности совершать богослужения?! Ведь на многие годы враг спасения отнял эту возможность у отца Алексия. Семнадцать лет лагерей и ссылок! Легко ли было пережить подобное?

С несказанной радостью вернулся батюшка Алексей в Вырицу, где все его помнили и очень любили. Нахлынули воспоминания об отце Серафиме и о его благословении принять монашество.

И вот однажды, когда отец Михаил Иванов поборова батюшку, нахлынули на того невыразимые ощущения: «После Таинства Елеосвящения, – я пережил такое дивное, радостное состояние, что я словами не могу его передать. Я ярко вспомнил все, мною пережитое и переживаемое и от избытка чувств благодарных все повторял слова Псалмопевца: „Что воздам Господу моему, якоже воздаде ми!“ Все повторяю эти слова, а сам плачу. И вдруг,

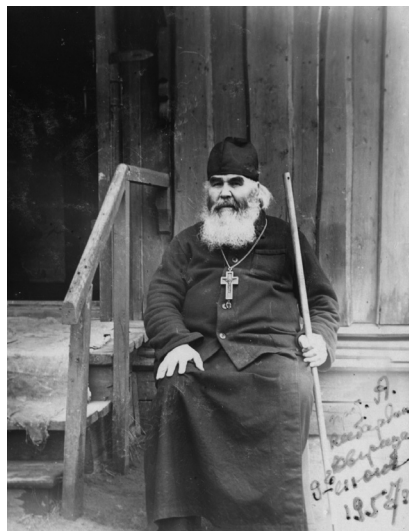
внутри себя, я слышу, как будто ясный ответ: „Вот теперь тебе и надо принять монашество!“ Утром я сообщил свои переживания сыну и невестке и заявил о своем решении принять монашество...»

Сделать это, как виделось тогда отцу Алексию, не было никакой возможности – ведь он хотел принять келейный иноческий постриг и остаться в миру. Неоднократно писал протоиерей Алексей прошения на имя правящих архиереев епархии о своем желании принять монашество келейно, однако в то время такая практика распространения не имела и келейный постриг не благословляли. Наконец, в июне 1956 года Высокопреосвященный Елевферий, митрополит Ленинградский и Ладожский вынес следующую резолюцию: «Внимательно рассмотрев Вашу просьбу, нахожу, что принятие Вами келейно иноческого пострига и оставление Ваше на жительство в мирских условиях – не соответствует и Вашему стремлению, и пользе дел церковных... Предлагаю Вам принять постриг в Псково-Печерском монастыре и остаться в нем для прохождения монашеского делания, хотя бы на некоторое время. В случае Вашего согласия на мое предложение переговоры о Вашем постриге и поселении в Псково-Печерском монастыре, с Преосвященным Иоанном, епископом Псковским и Порховским – с большим желанием возьму на себя».

На это отец Алексей ответил согласием, однако намерения своего осуществить уже не успел – состояние его здоровья стало резко ухудшаться. Как писал сам отец Алексей: «С трудом добираюсь в Воскресный день до храма Божия, чтобы причаститься Святых Таин. Конец может прийти неожиданно». Поездка в Псково-Печерскую обитель была отложена на неопределенное время...

В апреле 1958 года батюшка пишет: «Если же я через два месяца буду в таком состоянии, в каком нахожусь в данное время, тогда можно будет поставить крест на моем пострижении. Буди Воля Божия!»

Во всех словах и делах этого мудрого пастыря неизменно светится несказанное смирение и воистину евангельская кротость. Последние годы своей жизни отец Алексей посвятил внутренней молитве и покаянию. В этот период его навещали схиигумен Савва (Остапенко) из Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и старица схимонахиня Мария (Маковкина) из Николо-Богоявленского кафедрального собора. Матушка Мария знала отца

Отец Алексей Кибардин. Вырица. 1957 г.

Алексия еще по его служению в Феодоровском Государевом соборе и Царскосельских дворцовых лазаретах, где в годы Первой мировой войны она вместе с батюшкой и Августейшими Женами заботилась о пострадавших защитниках Отечества.

Когда позволяло здоровье, отец Алексий выходил и прогуливался неподалеку от дома. Обычно его сразу окружали дети, которые своими чистыми душами тянулись к любвеобильному батюшке. В ту пору отец Алексий всегда носил широкий кожаный монашеский пояс, знаменующий умерщвление плоти и неустанную брань со страстями.

5 апреля 1964 года отошел верный служитель Божий к Небесным обителям, в срок, предсказанный ему когда-то вырицким старцем. Веруем, что Божественная любовь соединила в блаженной Вечности отца Алексия с преподобным Серафимом Вырицким и со святыми Царственными Мучениками! Аминь.

*С прихожанами Казанского храма.
Слева направо - протоиерей Михаил Иванов,
протоиерей Василий Раевский и отец Алексий Кибардин*

Примечание

В течение длительного времени в церковных кругах митрополита Иосифа (Петровых) и его последователей причисляли к категории раскольников. К началу XXI века это суждение подверглось существенному переосмыслению. В документах Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года констатировалось: «Нельзя ставить в один ряд обновленческую схизму, приобретающую характер откровенного раскола в 1922 году, с одной стороны, и „правую“ оппозицию, то есть тех, кто по тем или иным причинам не соглашался с церковной политикой митрополита Сергия – с другой... В действиях „правых“ оппозиционеров, часто называемых „непоминающими“, нельзя обнаружить злонамеренных, исключительно личных мотивов. Их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой – о благе Церкви. Как хорошо известно, „правые“ группировки состояли из тех

епископов и их приверженцев среди священнослужителей и мирян, кто, не соглашаясь с церковно-политической линией назначенного митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита (потом Патриарха) Сергия – прекращал возношение имени Заместителя за богослужением и таким образом порывал каноническое общение с ним. Но порвав – с Заместителем Местоблюстителя, они, как и сам митрополит Сергей, главой Церкви признавали митрополита Петра – Местоблюстителя Патриаршего Престола» (<http://www.patriarchia.ru/db/print/422558.html>).

Таким образом, находясь в молитвенном общении с владыкой Петром (Полянским), который, даже пребывая в тюрьмах и ссылках, олицетворял высшую власть в Русской Православной Церкви, «правые» оппозиционеры являлись полноправными членами Церкви, но никак не раскольниками.

На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года и в последующее время были прославлены в лике святых многие известные деятели движения митрополита Иосифа: священномученики – архиепископ Серафим (Самойлович), епископ Виктор (Островидов), епископ Дамаскин (Цедрик), протоиерей Викторин Добронравов, иеромонах Гавриил (Владимиров), мученик профессор Михаил Новоселов, преподобномученица Мария Гатчинская, а также непоминавшие митрополита Сергия: священномученики – митрополит Кирилл (Смирнов), епископ Григорий (Лебедев), епископ Серафим (Звездинский), исповедник епископ Афанасий (Сахаров) и ряд других ярких представителей «правой» оппозиции.

Сам митрополит Иосиф (Петровых) еще в ноябре 1981 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей был причислен к лику святых в составе Собора новомучеников и исповедников Российских.

Священник Игорь Иванов

Русский исход в поэзии военной эмиграции

К 100-летней годовщине эвакуации

Белой армии из Крыма

Русский исход 1920 года. Воины – поэты и эмигранты. Многие из уцелевших носителей уходящей русской жизни выразили свои мысли и чувства по поводу несбывшейся «крымской мечты» и «Белого жребия» в своих поэтических размышлениях. Их стихи почти забыты. А нашим современникам более-менее известны лишь печальные строки Николая Туроверова «Уходили мы из Крыма среди дыма и огня...».

Но тем не менее одной из характерных особенностей отечественной культурной жизни последних лет является, на мой взгляд, устойчивое внимание к наследию русской эмиграции первой волны (1918–1940). Фактически оно не прекращалось еще с первых публикаций 1990-х, но горькие юбилейные даты, начиная со столетия Великой войны, вновь и вновь обращают мысленные взоры наших современников к трагическим событиям Русской Смуты XX века.

И при осмыслении духовных трансформаций русской ментальности того времени особенную роль начинает играть русская словесность писателей-эмигрантов, а среди нее – чеканное (исповедальное, метафизическое, порой пророческое) поэтическое слово, выплавленное в горниле испытаний.

В этой связи важно отметить и своеобразное культурное подвижничество тех, кто в разные периоды истекшего тридцатилетия буквально возродил из небытия забытые имена русских поэтов-эмигрантов. В далеком 1991 г. не где-нибудь, а в московском издательстве «Политиздат» вышел в свет сборник «Ковчег: Поэзия первой эмиграции», составленный поэтом и литературоведом Вадимом Прокопьевичем Крейдом (1936 г.р.)¹. Среди более-менее известных имен (И. Бунин, М. Цветаева, В. Иванов, Г. Иванов, З. Гиппиус, В. Ходасевич, К. Бальмонт, И. Северянин, Саша Черный) в этой книге можно было встретить на тот момент абсолютно незнакомых авторов, таких как

¹ Позже он также издает: Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М., 1995; Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб., 1999.

Ю. Терапиано², А. Несмелов³ (оба служили в Белой армии), Н. Оцуп, С. Мавковский, Дон Аминадо, А. Кондратьев, А. Присманова и Л. Столица.

Откроем этот сборник на страницах со стихами крымчанина Юрия Терапиано. Ностальгически, мистически и метафизически звучит крымская тема в его стихотворении без названия – он обращается к воспоминаниям о жизни до грозного 1914 г. и рокового 1917 г., поминает в молитвах павших и представляет свой вечный черноморский «Китеж-град».

² *Юрий Константинович Терапиано* (1892–1980), уроженец г. Керчи, завершив юридическое образование в Киеве (Университет Св. Владимира) в 1916 г., поступил в Русскую императорскую армию и по окончании школы прапорщиков в 1917 г. начал службу в Москве. Затем был направлен на Юго-Западный фронт. В конце лета 1919 г. после расстрела большевиками родителей Терапиано вступил в Добровольческую армию. Затем служил в Вооруженных силах Юга России. В боях зимы 1919/20 г. был ранен. 2 марта 1920 г. освобожден от военной службы по инвалидности. Весной 1920 г. жил в Феодосии, где входил в литературный кружок «Флак». С 1920 г. – в эмиграции. Два года провел в Константинополе. С 1922 г. – во Франции. Один из основателей и первый председатель Союза молодых поэтов (1925 г.). Член Парижского Союза русских писателей. Соредатор журналов «Новый корабль» (1927–1928) и «Новый дом» (1926–1927), участник собраний «Зеленая лампа» и «Круг». Постоянный автор газет «Новое русское слово» (1945–1955), «Русская мысль» (1955–1980), где вел литературно-критический отдел. В 1947 г. стал инициатором создания литературной группы «Муза», участвовал в ее заседаниях. Редактор ряда антологий зарубежных поэтов. С 1955 г. переехал с женой в Русский дом общества «Быстрая помощь» в Ганьи, выступал с лекциями на литературные, религиозные и философские темы. Опубликовал семь стихотворных сборников: «Лучший звук» (Мюнхен, 1926), «Бессонница» (Берлин, 1935), «На ветру» (Париж, 1938), «Странствие земное» (Париж, 1951), «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963) и «Паруса» (Вашингтон, 1965). Составитель двух антологий эмигрантской поэзии: «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948) и «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-Майне, 1960).

³ *Арсений Иванович Митропольский* (1889–1945), уроженец г. Москвы. Окончил Нижегородский Аракчеевский кадетский корпус в 1908 г. 20 августа 1914 г. мобилизован в Русскую императорскую армию; всю Первую мировую войну провел на Австрийском фронте (не считая недолгого пребывания в госпитале в конце 1914 г.). За время войны А. Митропольский получил четыре ордена. Демобилизован по ранению 1 апреля 1917 г. в чине подпоручика, вернулся в Москву. Находился под следствием как секретный сотрудник охранного отделения, но был оправдан. Осенью 1917 г. принимал участие в борьбе с большевиками в Москве, затем уехал за Урал, где присоединился к войскам Верховного главнокомандующего А. В. Колчака; был адъютантом коменданта Омска полковника Василия Катаева, тогда же получил чин поручика. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. Вместе с войсками генерала В. Каппеля отступал до Читы. В начале весны 1920 г. оказался во Владивостоке, где занялся журналистикой и литературной деятельностью, взяв в качестве литературного псевдонима фамилию боевого товарища, погибшего под Тюменью. В мае 1924 г. вместе с несколькими другими бывшими белыми офицерами пешком (благодаря карте, данной ему во Владивостоке В. К. Арсеньевым) перешел советско-китайскую границу. Поселился в Харбине. Активно сотрудничал в местной русскоязычной периодике (журналы «Рубеж», «Луч Азии»; газета «Рупор» и др.): публиковал рассказы, стихи, обзоры, фельетоны, статьи о литературе. Некоторое время редактировал страницу «Юный читатель Рубежа» (приложение к газете «Рупор»).

Юрий Терапиано

* * *

Летом душно, летом жарко,
Летом пуст Париж, а я
Осчастливлен, как подарком,
Продолженьем бытия.

С мёртвыми веду беседу,
Говорю о жизни им,
А весной опять уеду
В милый довоенный Крым.

И опять лучи, сияя.
Утром в окна льются к нам,
Море Чёрное гуляет.
Припадает к берегам.

И как будто время стало
Занавесочкой такой,
Что легко её устало
Отвести одной рукой.

В другом своем стихотворении – элегии «Эпоха» – он размышляет (посредством обращения к классической и исторической символике) о прошлом, настоящем и будущем отечества и мира. И вряд ли случайно в нем упоминание древнегреческого певца, спасшегося от смерти чудесною силою своего искусства. Здесь можно вспомнить и пушкинскую аллюзию к Ариону: «Лишь я, таинственный певец, / На берег выброшен грозою...». Волею исторических судеб Ю. Терапиано также выброшен на берег чужбины из бурного лихолетья смуты. Но для него Поэзия – это целительная музыка о былом и грядущем. В его элегии *былая музыка* – это и Россия ушедшая (*Эпоха, Атлантида*), и русский мир в изгнании и гонениях (*скифская телега*), и русская традиция (*старинные заветы*), и русская надежда (*новый рассвет, мечта о «земле и воле»*). Но тревогой сквозит последняя строфа – как бы ожиданием неизбежного ядерного апокалипсиса (*ракеты мечут корабли*).

Эпоха

Эпоха отлетела в Лету,
Былая музыка, прости!
Теперь старинные заветы
От печенегов не спасти.

Пусть в мировом переполохе
Нас рок неотвратимый мчит,
Все ж, непокорная эпохе,
Былая музыка звучит.

И чуть на миг звезда надежды
 Над морем вспененным взойдёт.
 Вновь Арион свои одежды
 Просохнуть на скалу кладёт.

И, забыв землетрясение
 И пламя гибели, опять
 Готов хвалу и песнопенье
 Рассвету новому слагать.

Шумят в подполье карбонары:
 «Мы каждый день событий ждём».
 А Зевса щедрого динары
 К Данае сыплются дождём.

Нет дела им до русской боли,
 А там, по-прежнему, страна
 Мечтает о «земле и воле»,
 И верит призракам она.

И только кое-где по снегу
 Кровавый след ведёт в тайгу,
 И ветер скифскую телегу
 Покачивает на бегу.

Над Атлантидой погребённой
 И над Атлантикой с земли
 В полёт космически-взметённый
 Ракеты мечут корабли.

С Атлантидой (а также священным Граалем) сравнивал утраченную Россию и другой поэт и офицер – *Анатолий Величковский* (1901–1981), служивший в Добровольческой армии и эмигрировавший через Польшу во Францию. Были изданы такие сборники его стихов: «Лицом к лицу» (1952), «С бору по сосенке» (1974), «О постороннем» (1979) и «Нерукотворный свет» (1981).

Анатолий Величковский

Моей России больше нет.
 Россия может только сниться,
 Как благотворный тихий свет,
 Который перестал струиться.

Советским людям будет жаль
 Навек исчезнувшего света.
 Россия станет, как Грааль
 Иль Атлантида для поэта.

Мы проиграли не войну,
 Мы не сраженье проиграли,
 А ту чудесную страну,
 Что мы Россией называли.

Расширенную подборку стихотворений Ю. Терапиано можно найти в четырехтомной антологии, увидевшей свет в середине 90-х гг. – «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: В 4-х кн. М., 1994–1997. Составителем этой антологии был писатель, поэт и переводчик Евгений Владимирович Витковский (1950–2020), скончавшийся в год столетия Русского исхода.

В этой подборке есть лиро-эпический цикл «Муза», который Ю. Терапиано посвятил своей жене. В нем мы встречаем строфы, характеризующие то, как менялось восприятие поэтом череды военных катаклизмов первой половины XX в.

В первом стихотворении читаем строки о поражении в русско-японской войне:

Потом – в дыму, в огне, в беде, в позоре
 С разбитых башен русский флаг спадал –
 И опускалась и тонула в море
 Моя любовь среди Цусимских скал.

Во втором стихотворении так говорится о русском исходе из Крыма:

Ты помнишь путь – сугробы ледяные,
 Палящий Юг и в бухте корабли,
 И ту, что стала знаменьем России,
 Полоску исчезающей земли?

В третьем – две строфы показывают примирение поэта с Родиной, сражающейся с фашизмом:

Ты можешь видеть чудные виденья,
 Как потонувший Китеж под водой:
 Пространства нет и нет разъединенья,
 Нет лишних лет, страна моя со мной.

Туман над затемнённою Москвою,
 В кольце осады сжатый Ленинград,
 Мой древний Крым – они перед тобою,
 Они с тобой, как много лет назад.

Четвертое стихотворение цикла нужно привести здесь полностью, чтобы показать любовь, тоску и надежду поэта, всю жизнь мечтающего об обновленной России:

Земля моя, за каменной стеною,
 За крепким частоколом – не пройти:
 Любить всю жизнь любовию одною –
 И вновь – не Ты, и нет к Тебе пути!

Склонись опять над картой, с затруднением
 Ищи слова, знакомые слова;
 Ты, девочка моя, скажи с волнением:
 «Владивосток». «Орёл». «Казань». «Москва».

Задумайся о славе, о свободе
 И, как предвестье будущей зари,
 О русской музе, о родном народе,
 Поэтов русских строфы повтори.

Свобода, честь, Святая Русь – именно за них сражались русские солдаты в первой четверти XX века. Здесь можно вспомнить песню «Пусть свищут пули», написанную Иваном Новгород-Северским⁴. Она распевалась русскими солдатами всю Великую войну, позже став походной песней Корниловского Ударного полка и чуть ли не гимном Белого движения:

⁴ *Иван Иванович Новгород-Северский* (настоящее имя – Ян Пляшкевич; 1893–1969), уроженец Сибири. Детство провел на Амуре, затем жил в Мариинске Томской губернии, учился в Омском механико-техническом училище, окончил военную школу в Иркутске. Далекие предки были переселенцами из древнего Новгорода Северского, этим был подсказан его литературный псевдоним «Новгород-Северский». В молодости исходил и изъездил весь сибирский край от Арктики до Алтая и Приморья. Писать стихи начал в 1913 г. под впечатлением увиденного и пережитого. Участвовал в Первой мировой войне в качестве офицера, был контужен, последствия чего сказывались всю жизнь. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии, был произведен Врангелем в полковники. В 1920 г. через Константинополь эмигрировал в Болгарию, а оттуда – во Францию, в Париж. Еще в Константинополе много писал. Здесь вышла его первая книга «Как растут кресты» (1921). В 1926–1927 гг. учился в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Духовные стихи и воспевание сибирского Севера – основные мотивы его поэтических книг, изданных во французской столице: «Библейские напевы (б. г.)», «Песнь Песней» (б. г.), «Аве Мария» (1958); «Заполярье» (1939), «Тундра» (1939), «Чум» (1939), «Аргышъ» (1939), «Шаманы» (1940), «Айсберги» (1942) и др.

Иван Новгород-Северский

Пусть свищут пули, лётся кровь,
Пусть смерть несут гранаты.
Мы смело двинемся вперёд,
Мы – русские солдаты!

В нас кровь отцов-богатырей,
И дело наше право.
Сумеет честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слёз, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва – нам награда!

Мужайтесь, матери, отцы,
Терпите, жёны, дети.
Для блага Родины своей
Забудем всё на свете.

Вперёд же, братья, на врага!
Вперёд, полки лихие!
Господь за нас, мы победим!
Да здравствует Россия!

Продолжая листать книги издания «Мы жили тогда на планете другой...», можно обнаружить множество новых имен поэтов, участников как Великой войны, так и Белого движения.

Вот, например, задушевные, народно-песенные стихи казака Николая Евсеева⁵, как бы пунктиром очерчивающие суровые вехи его жизненного пути:

⁵ *Николай Николаевич Евсеев* (1891–1974), уроженец г. Борисоглебска Тамбовской губернии, происходил из старинного рода донских казаков Евсеевых, что участвовали в Отечественной войне 1812 г. вместе с агаманом Войска Донского М. Платовым. В 1914 г. закончил юридический факультет Московского университета, затем обучался в Петроградском Михайловском артиллерийском училище, был произведен в офицеры, служил в Донской батарее. С началом Гражданской войны воевал в рядах Белой армии, куда записался добровольцем в Новочеркаске, участвовал в суровом Степном походе. Затем в его судьбе были оборона Крыма, уход в Галлиполи, эмиграция в Турцию, Югославию и Францию. Жил преимущественно в Париже. В 1930-е гг. стал одним из инициаторов Казачьего литературного кружка, печатался в издаваемом этим кружком «Казачьем альманахе», а также в альманахе «Орион», в «Новом журнале» и в журналах «Возрождение», «Грани», «Современник». В 1963 г. вышла его поэтическая книга «Дикое поле», в 1965 г. – второй сборник стихотворений «Крылатый шум». Умер Николай Евсеев в Ганьи под Парижем.

Николай Евсеев

* * *

Помню войну, что шумела когда-то.
Шли за Россию полки умирать.
Рава, Гумбинет, Варшава, Карпаты.
После далёко пришлось отступать.

Тяжкое помню прощание с Крымом,
Всё расставанье с родною землёй,
И пароходов тяжёлые дымы
Над голубой черноморской водой.

Константинополь... Завод под Парижем,
Время махнуло мне быстрым крылом.
Сильные плечи склоняются ниже...
Может быть, лучше молчать о своём.

Что же сказать? И кому это нужно.
Нечем хвалиться пред вами, друзья.
Всё ж драгоценную нитью жемчужной
Жизнь протянулась куда-то моя.

Или вот строки рано ушедшего из жизни молодого поэта Ивана Савина⁶, в которых он из 1923 г. обращается к живым соратникам. Крестношение

⁶ *Иван Иванович Савин* (1899–1927), настоящая фамилия Саволайнен, до эмиграции Саволаин) родился и жил на Полтавщине. С началом Гражданской войны вся семья Савиных встала на сторону Белого движения и почти вся была истреблена в междоусобной войне. Две его сестры умерли от лишений и голода. Два старших брата, михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму, в Симферополе в ноябре 1920 г. Младший брат Николай в возрасте 15-ти лет погиб в бою, сражаясь в рядах синих гусар. Брат Борис был зарублен под Каховкой. Иван, окончив в 1919 г. Зеньковскую мужскую правительственную гимназию, вступил в Добровольческую армию. Служил в 3-м и 2-м кавалерийских полках, в Крыму – в 3-м сводно-кавалерийском полку и в эскадроне 12-го уланского белгородского полка. В ноябре 1920 г., когда Красная армия заняла Крым, Савин находился в лазарете, будучи больным тифом, попал в плен к красным и, чудом избежав расстрела, испытал издевательства, голод и холод (все это он потом описал в автобиографической повести «Плен»). Пройдя через тюрьмы и отделы ЧК, в 1921 г. Савину удалось перебраться в Петроград и оттуда вместе с отцом, благодаря финскому происхождению, эмигрировать в Финляндию весной 1922 г. В 1924 г., живя в Финляндии, он становится собственным корреспондентом целого ряда изданий российского зарубежья: берлинской газеты «Руль», рижской «Сегодня», белградской «Новое время». В хельсинкском ежедневнике «Русские вести» с 1922 по 1926 г. Савиным было опубликовано более 100 рассказов, стихов и очерков. В 1926 г. в Белграде вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладанка», изданный Главным правлением Галлиполийского общества. Иван Савин скончался 12 июля 1927 г. от заражения крови после неудачной операции по удалению аппендицита.

Иван Савин

Иван Савин

здесь сравнивается и с мученическим (*чаша лишений*),
и с воинским подвигом (*ордена стяг*).

* * *

Огневými цветами осыпали
Этот памятник горестный Вы,
Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.

Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, Вы, гордые, выпили
И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.

Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит Ваш последний очаг –
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.

Вспыхнет солнечно-чёрная даль,
И вернетесь Вы, где бы Вы ни были,
Под знамёна... И камни Галлиполи
Отнесёте в Москву, как скрижаль.

А в 1925 г. поэт напишет некое философское размышление о том, что революции повторяются, будучи вызовом духовному аристократизму со стороны блудливой, похабной и циничной черни.

* * *

Всё это было. Путь один
У черни нынешней и прежней.
Лишь тени наших гильотин
Длинней упали и мятежней.

И бьётся в хохоте и мгле
Напрасной правды нашей слово
Об убиенном короле
И мальчиках Вандей новой.

Всю кровь с парижских площадей,
С камней и рук легенда стёрла,
И сын убогий предал ей
Отца раздробленное горло.

Всё это будет. В горне лет
 И смрад, и блуд, царящий ныне,
 Расплавятся в обманный свет.
 Петля отца не дрогнет в сыне.

И, крови нашей страшный грунт
 Засеяв ложью, шут нарядный
 Увьёт цветами – русский бунт,
 Бессмысленный и беспощадный...

Но благородный воин-поэт не был забыт потомками. В 2007 г. был издан сборник стихов и прозы Ивана Савина под названием «Всех убиенных помня, Россия...». В нем впервые были собраны все произведения поэта. Это и единственный прижизненный стихотворный сборник «Ладанка» (1926), и стихотворения разных лет, и автобиографическая повесть «Плен», а также рассказы, очерки и статьи, опубликованные в эмигрантской прессе, письма поэта и драматический этюд «Молодость». Материалы для книги были собраны во многих библиотеках и архивах России и Финляндии.

Говоря дальше о «крымской эпике» в поэзии белых воинов из антологии «Мы жили тогда на планете другой...», конечно, замечаешь, как яркими штрихами она прописана в стихотворениях, наверное, самого известного в широких кругах поэта Русского исхода – Николая Туроверова⁷. Здесь мы видим и «Крым», и «Отплытие», и «Азов». Но в этой статье хотелось бы привести вот такие его стихи:

* * *

Мы ничего ни у кого не просим.
 Живём одни, – быть может, потому,
 Что помним добровольческую осень
 И наше одиночество в Крыму.

⁷ Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), уроженец станицы Старочеркасской. После окончания реального училища поступил в л.-гв. Атаманский полк, где вскоре получил чин хорунжего. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Начав воевать еще семнадцатилетним юношей, он закончил службу в чине подьесаула. В начале 1920-х гг. эмигрировал в Сербию, позднее переехал во Францию. Учился в Сорбонне, долгое время работал банковским служащим. Был председателем парижского Казачьего Союза и редактором его журнала. Он возглавлял также «Кружок поэтов-казаков». Во время Второй мировой войны воевал в Иностранном легионе. Стихи Туроверова публиковались во многих периодических изданиях «русского Парижа». Участник антологий «На Западе», «Муза диаспоры», сборника «Содружество». Первый сборник его стихов, вышедший в Париже в 1928 г., назывался «Путь».

Николай Туруров

Тогда закат раскрыл над нами веер,
Звездой вечерней засияла высь;
С утра мы бились с конницей – на север,
Потом – на юг – с пехотою дрались.

Мы тесно шли, дорогу пробивая.
Так бьёт в утёс девятая волна.
Последний бой! Идёт не так ли стая
Волков, когда она окружена?

И мы прошли. Прошла и эта осень,
Как бег ночной измученных коней, –
Еще не знали, что с рассветом бросим
На пристани единственных друзей.

В 1999 г. в России вышел сборник стихотворений Николая Турурова «Двадцатый год – прощай, Россия!». Приведем здесь строки, непосредственно связанные с этим названием.

* * *

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине
И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год – прощай, Россия!

Своеобразной элегией о покинутом Крыме видится стихотворение (из антологии «Мы жили тогда на планете другой...») другого фронтовика и защитника полуострова – Вячеслава Лебедева⁸:

Крым

На твоём золотом горизонте
Сизым волоком стелется дым.

⁸ Вячеслав Михайлович Лебедев (1896–1969) окончил гимназию в Воронеже, учился в Петроградском институте инженеров путей сообщения. В 1916 г. студентом был призван в армию, воевал на румынском фронте до 1918 г., был ранен в ногу. После демобилизации уехал в Киев. С конца 1918 г. участвовал в Гражданской войне (в том числе в составе Добровольческой армии), в 1920 г., после тяжелого ранения, эвакуировался в Болгарию. С 1922 г. и до кончины жил и работал в Чехословакии, принимая активное участие в литературной жизни Праги, входил в литературные объединения «Далиборка» и «Скит», а также в Союз русских писателей и журналистов в ЧСР.

Свой цветистый крутящийся зонтик
Поднимает над пляжами Крым.

Вспоминаю всё реже и реже,
Словно голову кутаю в муть.
Я и сам синевой был изнежен
И хотел, как и ты, – отдохнуть.

...На вершинах – мохнатые тучи.
По долинам – молчанье и сны.
Словно мукою ствол был искручен
Низкорослой горбатой сосны,

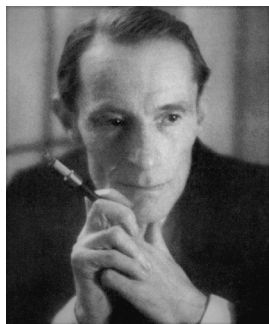
Что казалась печальной и жалкой
На чужой каменистой спине.
Ты жила свою жизнь приживалкой
И такую ж пророчишь и мне!

Гулкий ветер свистит с Приднепровья,
Дикий голос – не наш и не ваш.
Разъярённой, солёной любовью
Заливает твой берег Сиваш.

Все дороги и длинные, и ровны.
Все дороги приводят на юг.
Мы ни в чём пред тобой не виновны,
Но ни в чём у нас нет и заслуг!

В какой-то степени ему вторят философские отточенные строки сонета Георгия Голохвастова⁹:

⁹ *Георгий Владимирович Голохвастов* (1882–1963), уроженец г. Ревеля, происходил из потомственных дворян Ярославской губернии. В марте 1898 г. он был зачислен в пажи кандидатом Высочайшего двора. С ноября 1898 г. воспитывался в Пажеском корпусе. В ноябре 1902 г. окончил Пажеский корпус по 1-му разряду и был произведен в камер-пажи Высочайшего двора. В августе 1903 г. произведен в подпоручики и назначен в л.-гв. Егерский полк. В августе 1911 г. произведен в штабс-капитаны и назначен командиром роты. В августе 1914 г. в рядах л.-гв. Егерского полка выступил на фронт Первой мировой войны. Осенью, после болезни, был назначен начальником учебной команды. С октября 1915 г. находился в действующей армии. В апреле 1916 г. был командирован в запасной батальон. В октябре прошел медицинское освидетельствование в Красносельском лазарете и был причислен к 3-й категории. С декабря служил в Главном управлении Генерального штаба. Был произведен в полковники. В январе 1917 г. был командирован за границу. После большевистского переворота решил не возвращаться в Россию. В 1920 г. приехал в Нью-Йорк, в котором жил до самой кончины. Писать стихи начал в России, печататься – в США. В 1924 г. вместе с В. Ильяшенко, Д. Магула и Е. Христиани издал первый коллек-

Георгий Голохвастов

На переломе

В душе ни ропота, ни горьких сожалений...
Мы в жизни знали всё. Мечтавшийся давно
Расцвет искусств – был наш; при нас претворено
Прозрение наук – в триумф осуществлений.

Мы пили творчества, любви, труда и лени
Изысканную смесь, как тонкое вино,
И насладились мы, последнее звено
В цепи взлелеянных веками поколений.

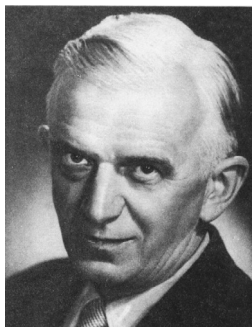
Нахлынул мир иной. С ним – новый человек.
Под бурным натиском наш утончённый век
В недвижной Красоте отходит в область мифов.

А мы, пред новизной не опуская век,
Глядим на пришлецов, как в древности на скифов
С надменной жалостью смотрел античный грек.

А в кристально-чистых и при этом несколько фантазмагорично-символических строках Антонина Ладинского¹⁰ мы видим, как привычный уклад,

тивный сборник русских американских поэтов – «Из Америки». В 1931 г. был издан сборник «Полусонетов» Голохвастова, включивший триста семистиший, написанных в 1920–1930 гг., и среди них – венки септетов с магистралом и несколько «сюит», то есть небольших поэм, состоящих из полусонетов. Со временем Голохвастов был избран председателем нью-йоркского русского Общества искусств и литературы, а в 1937 г. – вице-председателем американского Пушкинского комитета. В 1938 г. тиражом 300 экз. было издано главное произведение Голохвастова – эпическая поэма в 8 000 стихов «Гибель Атлантиды». В 1944 г. вышла книга Голохвастова «Жизнь и сны».

¹⁰ *Антонин Петрович Ладинский* (1895–1961) родился в семье чиновника Псковской губернии. Не окончив юридического факультета Петроградского университета, ушел вольноопределяющимся на фронт Первой мировой войны. Во время Гражданской войны присоединился к Белой армии, дослужился до чина подпоручика. Получил тяжелое ранение, в 1920 г. эвакуировался в Египет, откуда в 1924 г. переехал в Париж. Сменил множество профессий, с конца 1920-х гг. служил в редакции газеты «Последние новости» телефонистом. В качестве корреспондента в 1930-е гг. совершил несколько путешествий по Европе и Ближнему Востоку. В эти же годы издал несколько поэтических сборников, затем обратился к исторической прозе, опубликовав романы «XV легион» (1937) и «Голубь над Понтом» (1938). Во время Второй мировой войны собирал материалы для романов об Анне Ярославне и Владимире Мономахе; занял активно просветскую позицию. В 1946 г. в числе первых эмигрантских деятелей получил советское гражданство. В сентябре 1950 г. был депортирован из Франции, некоторое время жил в ГДР, где работал переводчиком на предприятии в Дрездене. В 1955 г. вернулся в Москву. Дебютировал своими историческими романами, выходившими в СССР под названиями «В дни Каракаллы» (1961) и «Когда пал Херсонес» (1959). В 1961 г. незадолго до кончины Ладинский был принят в Союз советских писателей. Книги «Анна Ярославна – королева Франции» (1961) и «Последний путь Владимира Мономаха» (1966) вышли посмертно.

Антонин Ладинский

детский уют, свободное творчество, утонченность и аристократизм отношений исчезают под натиском стихийной, холодной, дремучей и жестокой силы.

Зима

На зимнем окошке у Блока
 Хрустальная роза цвела,
 Орёл над аптекой высоко
 Расправил два чёрных крыла.
 Прекрасная Дама смотрела
 Сквозь слёзы на шедший с небес
 На снег бертолетово-белый,
 На чёрные ветви деревьев.
 Дымились над каждой квартирой
 Дымки благодетельных труб,
 В морозном лесу под секирой
 Звенел государственный дуб,
 Звенел на морозе столетий
 И медленно падал в сугроб,
 И топал, как в детском балете,
 Медведь косолапый: топ-топ.
 Но буря дохнула жестоко
 На льды фантастических зим –
 На зимнем окошке у Блока
 Растаяла роза, как дым.

О потерянной стране (как об утраченном счастье), о потерянном для родины поколении (как о чуждых новому строю людях) и о вечности искусства размышлял и князь Василий Сумбатов¹¹:

¹¹ Князь Василий Александрович Сумбатов (1894–1977) принадлежал к княжескому роду грузинского происхождения. Летом 1914 г. князь Сумбатов отправился вольноопределяющимся на фронт Первой мировой войны. Служил в 88-м Петровском пехотном полку, после ранения получил чин унтер-офицера. После окончания ускоренных офицерских курсов в Пажемском корпусе произведен в офицеры, служил в 3-м гусарском Елисаветградском полку Ее Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Награжден орденом Михаила Архангела, Георгиевским крестом 4-й степени. В сентябре 1916 г. в трудных боях на ковенском направлении Сумбатов был тяжело ранен в голову и контужен. Лечился в Царскосельском лазарете, вернулся в Москву. Бывший сослуживец помог ему скрыться от преследования новых властей в гимназии для мальчиков, директор которой – Н. А. Веригин – принял его в семью. Летом 1918 г. Сумбатов обвенчался с его дочерью Еленой. Осенью того же года молодые отправились в расположение белогвардейских армий, добрались до Севастополя; там в апреле 1919 г. родилась их первая дочь Наталья, которую крестили уже на борту парохода, увозившего

Василий Сумбатов

«Гиперборей»

Ахматова, Иванов, Мандельштам, –
 Забытая тетрадь «Гиперборей» –
 Приют прохожим молодым стихам –
 Счастливых лет счастливая затея.

Сегодня я извлёк её со дна
 Запущенного старого архива.
 Иль сорок лет – еще не старина?
 И уцелеть среди них – совсем не диво?

«Октябрь. Тетрадь восьмая. Девятьсот
 Тринадцатого года...» Год заката,
 Последний светлый беззаботный год.
 Потом – не жизнь, – расправа и расплата.

Тетрадь – свидетель золотой поры,
 Страницы, ускользнувшие от Леты.
 Раскрыл, читаю, а глаза мокры, –
 Как молоды стихи, как молоды поэты!

И как я стар! Как зря прошли года!
 Как впереди темно, и как пустынно сзади!
 Как жутко знать, что от меня следа
 Никто не встретит ни в какой тетради.

Но вот уже многие годы вопреки этому пессимизму забытые имена возвращаются. Так, в 2006 г. в Смоленске вышел в свет сборник «Белая лира: Антология поэзии Белого движения», в котором, например, были опубликованы стихотворения таких воинов-поэтов, как Михаил Залесский¹², Вадим

молодую семью в эмиграцию. После полугодичного пребывания на одном из Принцевых островов (о. Халки) им разрешили выехать в Рим, где у жены был родственник – священник православного храма отец Христофор. В 1922 г. в Мюнхене выходит первый сборник «Стихотворения В. Сумбатова», в который вошли поэма «Без Христа» (о революционном беспределе) и стихи о детстве и юности. Затем были такие издания: «Стихотворения» (Милан, 1957) и «Прозрачная тьма: Стихи разных лет» (Ливорно, 1969).

¹² Михаил Николаевич Залесский (1905–1979) с 14 лет воевал в рядах Белой армии. Поступил в Донской кадетский корпус, с которым эвакуировался в Королевство сербов, хорватов и словенцев. После окончания корпуса поступил на химическое отделение Загребского университета. С юных лет писал стихи. После войны работал в Институте по изучению СССР в Баварии. Был председателем группы Народно-трудового союза. Переселившись осенью 1949 г. в США, жил и работал в Сан-Франциско. Регулярно печатался в калифорнийских изданиях как историк и литературный критик. Автор книги «Слава казачья» (Сан-Франциско, 1978). Посмертно издана его книга «Златоцвет» (Мюнхен, 1981). Все свои трудовые средства завещал Фонду Свободной России.

Родионов¹³, Сергей Пинус¹⁴, Борис Бета, Сергей Войцеховский, Николай Надежин и др.

Стихотворение «Казачий исход» М. Залесского полно мужественной грусти о расставании с родиной:

Ветер песню завёл над курганами
 И в Таманских замолк камышах...
 Потемнел под седыми туманами
 Черноземный разъезженный шлях.
 Степь покрылась подвод вереницами,
 Точно вышли на битву полки...
 То, простившись с родными станицами,
 Покидали Кубань казаки...
 <...>

Стихотворение В. Родионова передает горечь от разрухи в братоубийственной войне:

* * *

В пылу борьбы непримиримой,
 Теснимый яростным врагом,
 Я сжёг дотла свой кров родимый,
 Я сам спалил свой отчий дом.
 Огонь лизал родную кровлю,
 А я глядел, глядел без слёз...
 Я над чувствительной любовью
 Любовь жестокою вознёс.

¹³ *Вадим Николаевич Родионов* (1890–1963) происходил из старинной донской фамилии. По завершении среднего образования поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет. Окончив его, он был зачислен на службу в канцелярию Совета Министров России. С началом Великой войны Вадим Родионов поступил вольноопределяющимся в л.-гв. Атаманский полк. В составе полка принимал участие в сражениях и мировой и Гражданской войны, а затем в ноябре 1920 г. ушел в зарубежье. В эмиграции жил в основном во Франции. В. Н. Родионов был добровольным попечителем больных от Комитета Русского Красного Креста. С ранних лет интересуясь литературой, он завел много друзей в литературных кругах, но по свойственной ему скромности, никогда не выступал в печати. И. Бунин и И. Шмелев были в числе его близких друзей и очень ценили его талант.

¹⁴ *Сергей Александрович Серапин* [псевдоним – Сергей Пинус] (1875–1927) происходил из семьи поморов, большую часть жизни провел на Дону и долгие годы служил преподавателем русского языка в Усть-Медведицком Платовском реальном училище, печатался во многих журналах. С начала XX в. стал известен как поэт-переводчик, издав двухтомную антологию «Французские поэты. Характеристики и переводы» (СПб., 1914). В 1919 г. был принят в Великое Войско Донское. После отступления в Крым был приглашен на должность второго редактора казачьей газеты «Сполох». В 1920 г. оказался в эмиграции в Турции, затем перебрался в Софию, где редактировал журнал «Казачьи думы» и газету «Русь».

И брату, плававшему горько,
 Сказал безжалостно:
 «Не плачь, Пускай пылает.
 Лишь бы только
 Не пировал в нём наш палач.
 Придёт пора – построим новый,
 А нынче сердце закалим
 Огнём решимости суровой,
 Бездомным жребием своим».

Стихотворение С. Пинуса с документальной точностью и поэтическим символизмом передает ужасы Гражданской войны:

* * *

Крестила мельница крылами.
 На двух крылах – два человека.
 Какими славимся делами,
 Запомните отныне и до века.
 Два казака подъяты к небу.
 То – сельская Голгофа, братцы!
 Молитесь той земле и хлебу,
 Два имени в свои вносите святцы.
 Крестила мельница над долом,
 Чертила страшные заклатья,
 И умирающим символом
 В страданье крестном умирали братья.
 Крестил ветряк родное поле.
 Кропили жертвы земь кроваво
 И край напутствовали к воле
 Всю даль благословив на труд и право.

Подобную зарисовку из будней смуты можно увидеть и в одном из юношеских стихотворений М. Каратеева¹⁵:

¹⁵ *Михаил Дмитриевич Каратеев* (1904–1978) родом из дворян Орловской губернии, являвшихся потомками удельных князей Карачевских. Юношей участвовал в Гражданской войне, имел три ранения. Кавалер Георгиевского креста. В 1920 г. с войсками генерала Врангеля эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Югославию, где в 1921 г. окончил Крымский кадетский корпус. В Болгарии окончил Сергиевское артиллерийское училище с производством в подпоручики по конной артиллерии. Учился Белградском университете (1924), затем в Лёвенском университете в Бельгии (1929–1933), закончив его с дипломом инженера-химика и докторской степенью. Получил от «Корпуса Императорской армии и флота», одной из белоэмигрантских военных организаций, звание штабс-капитана. Затем перебрался в Южную Америку с первыми группа-

Красная звезда

Людскою кровью грязны панели,
 Здесь лишь недавно закончен бой,
 Ещё порою разрыв шрапнели
 Дымком повиснет над головой.

Стрельба и крики. Матросы взяли
 Вокзал и город. Дома в огне,
 – «Что там, товарищ? Кого поймали?
 – «Должно быть, белый». – «Давай к стене!»

Короткий выстрел... Потоки брани,
 Вершит победу звериный пир.
 На всех достанет кровавой дани
 И сытым красный уснёт вампир.

Всю ночь расстрелы, грабёж, облавы.
 Несут добычу на поезда,
 А в чёрном небе, взойдя кроваво
 Пятью лучами горит звезда.

Здесь же можно привести и стихотворение Владимира Смоленского¹⁶ из сборника его сочинений, изданного в 2001 г. в Москве («О гибели страны единственной...»: стихи и проза):

ми русских переселенцев из Европы. Жил в Парагвае, Аргентине и Уругвае, занимаясь литературной работой, был сотрудником журнала «Военная быль». Написал несколько исторических романов из русской истории – «Ярлык великого хана» (1958), «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)» (1962), «Богатыри проснулись» (1963), «Железный хромец» (1967), «Возвращение» (1967), а также такие книги, как: «Из нашего прошлого» (1968), «Арабески истории» (1971), «По следам конквистадоров (Русские в Парагвае)» (1972), «Белогвардейцы на Балканах» (1977).

¹⁶ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961) родился в семье потомственных донских казаков, его отец служил полковником в жандармском полицейском управлении и был расстрелян большевиками в 1920 г. Владимир с 1919 г. воевал в Добровольческой армии, с которой и эвакуировался из Крыма в 1920 г., затем жил в Тунисе, потом во Франции, где два года работал на металлургических и автомобильных заводах. Получив стипендию, отучился в гимназии и поступил в Высшую коммерческую академию, после окончания которой работал бухгалтером. В 1947 г. вместе с Ю. П. Одарченко и А. Е. Шайкевичем редактировал литературный альманах «Орион», входил в ряд литературных объединений (Союз молодых поэтов и писателей, «Перекрёсток» и др.) Считался одним из лучших чтецов русского Парижа. Выпустил три небольших сборника стихов: «Закат» (1931), «Наедине» (1938), «Собрание стихотворений» (1957). Посмертно вышел его сборник «Стихи» (1963).

Владимир Смоленский

Над Чёрным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.

Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,

И Ангел плакал над мёртвым ангелом...
– Мы уходили за море с Врангелем.

Но тем не менее устами одного из молодых поэтов будет произнесена и слава русскому воинству, боровшемуся по мере своих возможностей за идеалы Святой Руси. Вот строки не служившего и не воевавшего, но вдохновленного подвигами русской армии в Крыму *Алексея Владимировича Гессена* (1900–1925), написанные в 1922 г. в Праге:

Слава светлому Воинству Крыма,
Победившему тягостный плен,
Тем, чьи очи не слепли от дыма,
Тем, чья верность не знала измен.
Тем, чья мощь под ударами крепла
И в сраженьях не гнулся чей меч,
Кто сумел и под грудой пепла
Нехладеющим сердце сберечь.
Тем, кто, преданный мукам безмерным,
Тем, кто, зноем и жаждой томим,
Оставался бестрепетно-верным
Нерушимым обетам своим.
Вам, чьи очи не слепли от дыма,
Вам, чьи жизни стгорали дотла, –
Белокрылому Воинству Крыма –
Хвала!

Также полны были бодрого настроения и надежды на торжество Белой Идеи стихи о южных изгнанниках офицера Балтийского флота – *Владимира Дитерихса фон Дитрихштейна*¹⁷, написанные им в 1921 г.:

¹⁷ *Владимир Владимирович Дитерихс фон Дитрихштейн* (1891–1951) родился в семье контр-адмирала Российского императорского флота, окончил Морской корпус (1911), с сентября 1914 г. служил вахтенным начальником на эскадренном миноносце «Достойный»; в 1915 г. обучался летному делу на 2-й авиационной станции Службы свя-

Владимир Дитерихс фон Дитрихштейн

Белый жребий

Мерцает Мраморное море.
 Чуть слышен плеск в ночной тиши.
 О, путь в серебряном узоре,
 Сомненье злое разреши!

Разочарованность сурова,
 Но дух борьбы неумолим.
 Призывное пылает слово
 Над белым жребием моим.

Свобода снится верным белым
 И в белокаменной Москве,
 И всем, кто вновь поверит смелым,
 В Имперском граде на Неве.

Сей ночью мгlistой Всадник Медный
 Летит над гладью чёрных вод,
 И гневен Пётр, стезёй победной
 Воззвавший к славе свой народ!

В самом деле, ведь перед ноябрем исхода 1920 г. была и весна чаяний на победу¹⁸. Была надежда, был пафос, была борьба. Вот как об этом впоследствии напишет генерал Николай Всеволодович Шинкаренко¹⁹:

зи Балтийского флота, зачислен в морские летчики, в 1917 г. назначен начальником 3-го воздушного дивизиона 1-й воздушной бригады. Будучи в РККФ с 1918 г., служил командиром эсминца «Сокол» и при этом стал одним из инициаторов создания подпольной военной организации «Великая Единая Россия». В 1919 г. Владимир Владимирович, предупрежденный об аресте за борьбу против большевизма, бежал в Финляндию и был принят на службу в Отдельный корпус Северной армии генерала Н. Н. Юденича (затем – в штабе Северо-Западной армии). В 1920 г., с окончанием военных действий, поселился в Эстонии, в Таллине. В 1923 г. В. В. Дитерихс (вместе с женой), через Королевство сербов, хорватов и словенцев, выехал в Абиссинию (Эфиопия), где служил до 1930 г. в качестве военного советника. Затем переехал во Францию, где, окончив в Париже Высшую химическую школу, работал в области сельского хозяйства. Сотрудничал в различных научных и общественных организациях. Был известен своими трудами в области бактериологии и как талантливый художник.

¹⁸ См., например: *Немирович-Данченко Г. В.* В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 12.

¹⁹ *Николай Всеволодович Шинкаренко* (псевдоним – Николай Белогорский) (1890–1968) происходил из потомственных дворян – сын генерал-лейтенанта Всеволода Ивановича Шинкаренко (1861–1918). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1912), затем служил добровольцем в Болгарской армии, участвовал в войне против Турции (1913), был награжден болгарским орденом «За храбрость». Участник Первой мировой

Николай Шинкаренко

Генералу Врангелю

<...>

Помните дни мая, выход наш из Крыма?
 Как за поездом бежали казаки?
 А теперь мечта архистратига скрылась в клубах дыма.
 За чужой неласковой оградой Русские полки.

Ваши казаки под стражей сенегальцев,
 И корниловцы в тоскливых лагерях.
 Но с тех пор, как Ваша армия – лишь армия скитальцев,
 Даже Русский ветер скован и не смеет дуть в степях.

И в тот скорбный миг, когда Вас победили,
 Вашей родины окрепли кандалы;
 И свобода умерла в тот час, когда морские мили
 Начали считать Вы, глядя на солёные валы.

Как я жду, чтоб Ваша армия воскресла!
 Конница пойдёт, удилами звеня;
 Вы оставите каюту и привинченные кресла, –
 В поле так весенне, – сядете Вы снова на коня...

<...>

Да, в 2020 г. исполняется столетие не только «крымской осени», но и «крымской весны» генерала Петра Николаевича Врангеля, который, вступив в должность правителя и главнокомандующего вооруженными силами Юга России 4 апреля 1920 г., спустя несколько дней обозначит приоритеты своей политики на встрече с представителями прессы:

«Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности.

Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, – вот основные задачи власти».

<...>

«Теперь о причинах наших бывших неудач.

Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась.

и Гражданской войн. В 1920 г. – генерал-майор, командир отдельной конной бригады. После эвакуации из Крыма жил в Сербии, Германии, а с конца 1920-х гг. – во Франции. Занимался литературным трудом. Воевал добровольцем в войсках генерала Франко в Испании в 1936–1937 гг. После окончания гражданской войны в Испании постоянно проживал в Сан-Себастьяне. Автор книг «Тридцать щепок крушения» (Берлин, 1924), «Марсова маска» (Берлин, 1934), «Вчера» (1965) и др.

Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику, „русскую“ вне всяких партий, проводилась политика „добровольческая“ какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать „добровольцев“, врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

<...>

«Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе.

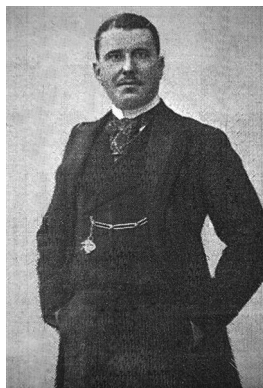
Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не кончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда»²⁰.

Насколько эти мысли актуальны и для современной России – отдельный вопрос для дискуссии. Но столетие назад, вероятно, революционная эйфория, классовая ненависть, а затем и животный страх за жизнь свою и близких затмили, к сожалению, у многих россиян и здравый смысл, и знания, и совесть, и способность к созидательной деятельности. А уходящие ушли – организованно и четко. Чтобы в изгнании выжить, вырастить и научить своих потомков и передать русскую традицию тем, кто захочет и сможет ее свободно усвоить.

Покидая Россию на пароходе «Самара» осенью 1920 г., Сергей Бехтеев²¹ написал такие два прощальных стихотворения.

²⁰ Врангель П.Н. Воспоминания. М., 2012. С. 321–322.

²¹ Сергей Сергеевич Бехтеев (1879–1954) родился в родовом селе Липовка (ныне Задонского района Липецкой области) в дворянской семье, окончил Императорский Александровский Царскосельский лицей. В 1903 г. издал свой первый сборник стихов, который посвятил императрице Марии Федоровне. Служил в Кавалергардском полку, участвовал в Первой мировой войне. Февральскую революцию застал, будучи в отпуске на Кавказе. Большевистский режим он не принял, поскольку до конца оставался монархистом, верным Царю. С 1918 г. воевал в Добровольческой армии. В ноябре 1920 г. покинул Крым с войсками генерала Врангеля. В эмиграции жил сперва в Сербии (до 1929 г.),

Сергей Бехтеев

Изгнанники

На сердце вновь тоска и горе.
Замолк вдали последний бой:
Вокруг шумит седое море
И гонит плещущий прибой.

Исполнив честно долг заветный,
Плывём мы грустно в край чужой;
На мачте вьётся флаг трёхцветный,
Последний знак земли родной.

Последний символ прежней славы,
Величья царственной страны,
Эмблема гордая державы,
Погибшей в омуте войны...

На сердце скорбь, на сердце горе.
А вокруг, куда ни кинешь взор,
Одно бушующее море
И необъемлемый простор.

Прости

Гремит гроза! Ликует Тора!
Всё ближе, ближе красный смерч.
Прощай, прекрасный край Босфора,
Прощай, задумчивая Керчь!

Дымятся трубы, винт железный
Бросает белый хвост назад.
Прощай, наперсник шумной бездны,
Красавец гордый Митридат.

Тебя мы с болью покидаем,
Окончив долгий тщетный бой,
И с тихой скорбью оставляем
Последний клочок земли родной.

Синеет даль, клубятся волны,
Туман скрывает берега;
Сердца и мысли думой полны.
На радость дерзкого врага.

потом переехал во Францию и поселился в Ницце, где и провел все свои оставшиеся годы, состоя ктитором храма во имя Державной Иконы Божией Матери. В эмиграции С. С. Бехтеевым издано девять сборников стихов и автобиографический роман в стихах «Два письма» (1925).

В глазах раскинулся широко
 Простор безбрежного пути,
 И шепчем мы с тоской глубокой:
 «Отчизна милая, – прости!»

В течение месяца Бехтеев пребывал в Турции. В ноябре 1920 г. на пароходе «Херсон», проплывая мимо святыни древних христиан – бывшего храма Святой Софии, обращенного турками в мечеть, он написал замечательное по глубине и проникновению стихотворение «Царьградская всенощная»:

Царьградская всенощная

Сияла ночь над дремлющим Стамбулом;
 Тонули в мгле уступы дальних гор;
 И волны синие с спокойным, стройным гулом
 Гнал гордо вдаль чарующий Босфор.
 Горели звезд червонные лампы,
 Купаясь в зеркале серебряных зыбей,
 И в дымке высились заснувшие громады
 С лесами мачт бессчётных кораблей.
 Сияла ночь над куполом Софии,
 Над колыбелью первых христиан,
 Встречая нас, изгнанников России,
 Восточной сказкой гордых мусульман...
 Замолк вдали последний грохот битвы,
 И в тишине над плещущей волной
 Неслись с судов вечерние молитвы,
 И пели мы с измученной душой.
 И слушали нас древние твердыни,
 Седой Царьград и трепетный Босфор,
 И пел в слезах у ног своей Святыни
 Незримый православный хор.
 А там, из мглы туманного простора,
 Где над мечетью искрилась луна,
 Преданья старые лазурного Босфора
 Шептала нам скользкая волна.
 И снилось нам – с таинственного берега,
 Из зарева огней, из мрака диких скал
 Державный призрак вещего Олега
 Над нами щит победно простирал.

Духовные, метафизические вопрошания, размышления и озарения свойственны русской поэзии, стремящейся узреть промысел Божий в частной и общественной жизни не только во дни мирного благобытия, но и в тяжкую годину невзгод и испытаний, которыми так обильна история русского народа.

Илья
Голенищев-Кутузов

Вот стихотворение, которое написал в 1923 г. Илья Голенищев-Кутузов²². В его строках мы видим и перекличку с пушкинским «Пророком», и аллюзии к символике поэтов-акмеистов. Мир воспален – он как горит в болезненной горячке с алым румянцем на лицах нового поколения, проваливаясь в бездну тьмы и зла. Но Ангел возвещает победу Света и надежду для тех, кто, претерпев всedневную боль до конца, спасется в принятии Господней Воли. Ведь именно в духовном обновлении и есть подлинное обновление человека.

Обновление

Как слабых тянет бездны зев,
 Меня влекут и мучат выси.
 И он – Архангел, Дух и Лев –
 Ко мне явился в Танаисе.
 Я пал, боясь, как человек,
 Его увидеть свет и лики,
 Но поднял он меня и рек:
 «Я здесь по манию Владьки.
 Ещё не грянул грозный Свет
 Над воспалённым алым миром,

²² Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969), правнучатый племянник фельдмаршала М. И. Кутузова, в детстве жил и учился в Симферополе. С 1920 г. – в эмиграции в Болгарии, затем в Югославии. В 1921 г. окончил 1-ю русско-сербскую гимназию, в 1925 г. – Белградский университет по специальности «романская филология и югославская литература». В 1923–1925 гг. возглавлял созданный по его инициативе поэтический кружок «Гамаюн». Преподавал французский язык в Никшиче (1925) и Дубровнике (1925–1929). В 1929 г. принял югославское гражданство. В 1929–1934 гг. жил в Париже, учился в Высшей школе исторических и филологических наук при Сорбонне. Активно печатался в русской периодике как поэт, журналист, эссеист, критик. В 1933 г. защитил докторскую диссертацию о ранних влияниях итальянской литературы Возрождения на французскую словесность XIV–XV вв.; в том же году в Белграде вышла подготовленная им «Антология новой югославянской лирики», где в качестве переводчиков выступили сам Голенищев-Кутузов, А. П. Дураков и Е. Л. Таубер. В мае 1934 г. был избран приват-доцентом Белградского и Загребского университетов. С 1941 г. участвовал в антифашистском движении «Народный фронт»; был узником концлагеря «Баница» (1941–1944). С 1944 г. воевал в партизанском отряде и в рядах Народно-освободительной армии. В августе 1946 г. получил советское гражданство, с 1947 г. начал выступать в советской печати. В 1949 г., во время кризисной ситуации между СССР и титовской Югославией, был арестован, провел четыре года в тюрьме. В 1954–1955 гг. – профессор русского языка Института им. Ленина при Будапештском университете (Венгрия). Летом 1955 г. переехал в СССР. Был принят в ИМЛИ АН СССР. Профессор МГУ (1956–1958). Член Союза писателей СССР (1965), член редколлегии серии «Литературные памятники».

Но ты изрёк святой обет
 Пред Древом, Ликом и Потиром.
 Всё в бездне. Дни темны и злы,
 Но жди, но жажди обновления.
 И знай, что Свет не встретит мглы,
 Что Бог не терпит дней паденья».

И вот надежду для людей
 Несу путём вседневной боли,
 Поняв, что в мире нет святей
 Господней Непреклонной Воли.

Это духовное обновление с юности искал и нашел Иван Виноградов²³ – воин Христов и русский воин, чей жизненный путь ярко свидетельствует о действии Божьего промысла. Вот строки, которые он написал в 1919 г., дав обет Господу, что, если выживет, примет монашеский постриг.

²³ *Иван Васильевич Виноградов* (1895–1981) родился в семье учителей в деревне Хотыницы в ста километрах от Санкт-Петербурга. В 1912 г. окончил реальное училище и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1915 г. в числе слушателей Духовной академии был призван на срочные курсы офицеров. В октябре 1916 г. был направлен на Румынский фронт, в боях был ранен, после госпиталя вернулся в строй, занимал должность командира роты. Весной 1918 г. в составе отряда полковника М. Г. Дроздовского участвовал в походе из Ясс до Новочеркасска. С мая 1918 г. воевал в армии генерала А. И. Деникина. Был дважды ранен, перенес тиф. Одновременно с военной службой состоял псаломщиком при штабной походной церкви. В 1920 г. эвакуирован из России вместе с белыми войсками, проживал в Румынии, Болгарии. В 1926 г. поступил в открывшийся в Париже богословский институт преподобного Сергия Радонежского, через год принял постриг с именем Исаакий. Вел активную работу как пастырь, богослов, преподаватель. В 1936 г. возведен в сан архимандрита. 24 мая 1945 г. был захвачен советскими контрразведчиками и вывезен в СССР. Военный трибунал судил архимандрита Исаакия за принадлежность к «Галлиполийскому землячеству» и РОВС – Русскому общевойсковому союзу. Отец Исаакий был приговорен к заключению сроком на десять лет и этапирован в Карагандинский лагерь, где он был обречен погибнуть. Но вскоре пришло спасение: ему объявили, что приговор отменен. Епископу Сергию (Королеву), наместнику Русской Православной церкви в Праге, удалось доказать, что отец Исаакий никогда и ничем не помогал фашистским оккупантам. Благодаря епископу Сергию и патриарху Алексию I отец Исаакий 4 мая 1946 г. вышел на свободу. В 1958 г. был направлен Патриархом в Елец настоятелем Вознесенского собора. В 1962 г. власти вознамерились разрушить собор, но настоятелю удалось его отстоять. Был известен как пастырь высокой духовной жизни, усердный молитвенник, мудрый наставник веры и яркий проповедник. Он составлял тропари и молитвы, сочинял духовные стихи. Впоследствии его проповеди и духовные произведения были опубликованы в этих изданиях: Под сенью любви: Архим. Исаакий (Виноградов) / Сост.: А. В. Окунева. М., 2000; Прага: Русский взгляд / Сост.: Н. Л. Глазкова. М., 2003. С. 440; Офицер, монах и пастырь: Архим. Исаакий (Виноградов) / Сост.: А. В. Окунева. М., 2005.

Иван Виноградов

* * *

Я рыцарь и монах. Такое сочетанье
Необычайно в наш практичный век,
Когда монахом быть нет у людей желанья,
От рыцарства далёк наш человек.

Но я, как Дон-Кихот, храню в душе стремленье
Бороться за мечту и верить в идеал.
Не лучше я других, но веру в Провиденье
И в справедливость я не потерял.

Нельзя на свете жить, надежды не имея.
Надеждой светлую и я всегда живу,
Мечту неясную так бережно лелея,
И видя сны, нередко наяву.

Как рыцарь, я готов, не пожалев ни жизни,
Ни сил своих, со злом бороться до конца.
И отдал я себя служению Отчизне:
Ведь смерть не так страшна в сиянии венца.

Когда ж настанет день надежды исполненья
И выйдет из беды Святая наша Русь,
Я брошу тяжкий путь военного служенья
И в келлии монахом затворюсь.

И позабуду я испытанные битвы,
И прежних дней нечистоту и смрад
В словах божественной задумчивой молитвы,
В сиянии мерцающих лампад.

У воина-молитвенника будет и путь эмигранта, и пастырские труды, и тяготы заключения после репатриации, и радость освобождения с разрешением служить на родине... Будет у него и утешительное видение в тяжкое время 40-х годов. Вот незатейливые, но столь духовно значимые строки архимандрита Исаакия (Виноградова):

* * *

Из глубины веков встаёт передо мною
Прекрасный образ князя Вячеслава.
Его венчает воинская слава,
Но больше славен жизнью он святою.

Архимандрит
Исаакий (Виноградов)

Во дни суровые чужой над нами власти
 Меня сподобил ты и своего виденья,
 Благословив молитву и терпенье
 И предсказав, что кончатся все страсти.

<194?>

Что можем мы ответить этим воинам-поэтам, защитникам Белой Идеи? Чем воздать им в благодарность за их духовное, социальное, литературное подвижничество, которым они жили, скитаясь на чужбине или же вернувшись на родину? Прежде всего, конечно, молитвенным поминовением, затем памятью, изучением их творчества и размышлением над смыслами, идеями, заветами, которые они нам оставили в своей надежде на духовное и культурное обновление русской жизни в теперешней России. Главное – увидеть ум, душу и сердце человека, при этом восстанавливая историческую справедливость и честь верных сынов Отчизны.

Литература

1. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: В 4-х кн. / Сост. Е. В. Витковский. М., 1994–1997.
2. Бехтеев С. С. Грядущее. СПб., 2002.
3. Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. сведений В. Крейд. М., 1995.
4. Врангель П. Н. Воспоминания М., 2012.
5. Голенищев-Кутузов И. Н. Благодарю, за всё благодарю. Собрание стихотворений / Сост., подготовка текста, примеч. И. Голенищевой-Кутузовой. Предисловие С. Гардзонио. Pisa; Томск; М., 2004.
6. Ковчег: Поэзия первой эмиграции / Сост. В. Крейд. М., 1991.
7. Ладинский А. П. Собрание стихотворений. М., 2008.
8. Под сенью любви: Архим. Исаакий (Виноградов) / Сост. А. В. Окунева. М., 2000.
9. Савин И. «Всех убиенных помяни, Россия»: стихи и проза. М., 2007.
10. Смоленский В. А. О гибели страны единственной...»: стихи и проза / Вступ. ст. и сост. В. Леонидова. М., 2001.
11. Сумбатов В. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / Сост. Л. Алексеевой; науч. ред. и подготовка текста В. Резвого. Предисл. и биограф. справка С. Гардзонио. М., 2006.
12. Туроверов Н. Н. Двадцатый год – прощай, Россия! М., 1999.

Бессмертие, усталость, тишина...

Поэт Владимир Смоленский

Владимир Смоленский

А у нас на Дону
Ветер гонит волну
Из глубин голубых в вышину,
И срываясь с высот,
Он над степью плывёт,
И тогда степь, как лира, поёт.
И выходит казак
На порог, на большак,
В всероссийский безвыходный мрак,
Сердце в смертной тоске,
Сабля в мёртвой руке
И кацапская пуля в виске.

Так начинается одна из баллад Владимира Смоленского, поэта «парижской ноты», представителя поколения белой молодежи, сожженного в пекле Гражданской войны.

Помните фильм «Неуловимые мстители»? Как атаман Сидор Лютый казнит комиссара Щуся на глазах у его сына? А теперь представьте другую картину: комиссар Щусь убивает жандармского полковника на глазах у его семьи. Расстреливает в связанного офицера обойму маузера, напоследок прицеливается в стоящего рядом подростка, сына убитого. Осечка... «Повезло тебе, щенок!» – смеется комиссар и приказывает бойцам уничтожить захваченное имение.

Увы, приведенный выше рассказ – это уже не кино. Все так и случилось однажды в старом дворянском гнезде близ Луганска, у самого Дона. Тело полковника Смоленского лежало на черной, обугленной земле, и тускло блестя золотые погоны в зареве жадного, всепоглощающего огня. Потрясенный мальчишка глядел вслед уходящему красному отряду: «Ладно, комиссар, даст Бог, мы еще встретимся!»

Средь цветущих садов
Бедный рыцарский кров,
Подожжённый руками рабов,
Полыхает в ночи,
Отзвенели мечи,
Замутились донские ключи.

Но подобный орлу,
 Прорываясь сквозь мглу,
 Не подвластный ни страху, ни злу –
 Медный крест на груди –
 Дон в крови позади,
 Дон небесный ещё впереди.

Встретились они осенью 1920 г. в Крыму, во время отчаянной контратаки белых на прорвавшуюся пехоту Фрунзе. А может, это только показалось Володе? Да нет, слишком глубоко врезались в его память мутные, словно подернутые плесенью глаза убийцы и плоское безбровое лицо! Даже много лет спустя, в шумном, суетливом Париже слышались ему вновь и вновь – визгливая матерная брань и треск комиссарской кожанки, с размаху вспоротой штыковым ударом...

Но вот и окончен последний бой Владимира Смоленского. На переполненном корабле бывшего Императорского флота покинул он берега родины, уйдя в изгнание.

Над Чёрным морем, над Белым Крымом
 Летела слава России дымом.
 Над голубыми полями клевера
 Летели горе и гибель с севера.
 Летели русские пули градом,
 Убили друга со мною рядом,
 И ангел плакал над мёртвым ангелом:
 – Мы уходили за море с Врангелем.

Строки эти, написанные молодым поэтом как эпитафия Белой борьбе, сразу же стали известны в кругах русской эмиграции. А первая книга эпопеи Вацлава Михальского «Весна в Карфагене» содержит эпизод, где их поют на маршевый ритм гардемарин Морского корпуса в Бизерте – тунисском портовом городе, ставшем последним пристанищем кораблей врангелевской эскадры. Там, в Тунисе – тогда французской колонии, Владимир прожил два года, а затем перебрался в столицу Русского зарубежья, Париж.

Разумеется, недавний белогвардеец мечтал заниматься литературой и всего себя посвятить писательскому делу. В свои двадцать с небольшим он увидел и пережил столько, что впечатлений хватило бы на тысячи книжных страниц. Но жизнь диктовала иное: денег на учебу в университете у Владимира не было, да и гимназическое образование было еще не закончено. Вскоре, правда, ему выделил стипендию один из эмигрантских фондов, – это позволило, завершив курс в русской гимназии, поступить в коммерческую школу, стать бухгалтером на винной фабрике.

Когда Владимир уже вошел в литературное общество русского Парижа и был представлен Владиславу Ходасевичу, тот с присущим ему сарказмом

спросил: «Вы, что же, на фабрике чужие бутылки считаете?» Владимир промолчал, но обиделся крепко. Ведь эмигранты, голодая, не гнушались любой работой. А за баранкой ночного такси сидел даже генерал – лейтенант Эрдели, знаменитый кавалерист, герой Ледяного похода.

Ну, а с Владиславом Фелициановичем у Владимира вскоре установились вполне дружеские отношения. Молодой поэт считал Ходасевича своим учителем, был участником литературной группы «Перекресток», защищавшей принципы «неоклассицизма».

Нина Берберова вспоминала позже: «Как и у Ходасевича, в нем была какая-то прирожденная легкость, изящество... Худенький, с тонкими руками, высокий, длинноногий, со смуглым лицом, чудесными глазами, он выглядел всю жизнь на десять лет моложе, чем на самом деле был».

Еще один словесный портрет Владимира оставила поэтесса Зинаида Шаховская: «Смоленскому было тогда двадцать пять лет, и задумчивое, и бледное его лицо, тембр голоса, весь его романтический облик меня восхитил».

По ночам, в полутьме мансарды, глядя на сверкающий огнями Париж, Владимир писал стихи, напряженно работая над словом, отыскивая единственно верные образы, свою неповторимую интонацию. Памятью он возвращался в детство, в светлое и почти сказочное прошлое.

Закрой глаза, в виденье сонном
 Восстанет твой погибший дом –
 Четыре белые колонны
 Над розами и над прудом.
 И ласточек крыла косые
 В небесный ударяют щит,
 А за балконом вся Россия,
 Как ямб торжественный, звучит.
 Давно был этот дом построен,
 Давно уже разрушен он,
 Но, как всегда, высок и строен,
 Отец выходит на балкон.
 И зоркие глаза прищуря,
 Без страха смотрит с высоты,
 Как проступают там, в лазури,
 Судьбы ужасные черты...

Образ убитого отца постоянно возникает в стихах молодого поэта. Трагедия, пережитая в юности, суровой тенью легла на жизнь и творчество Владимира. И даже после Второй мировой войны, когда значительная часть русской эмиграции прониклась духом советского патриотизма, поэт остался верен себе, идеалам Белого движения. А потому строфы его, обращенные к родной земле, пульсируют жестокой, пронзительной болью.

Я знаю, Россия погибла,
 И я вместе с нею погиб –
 Из мрака, из злобы, из гибла
 В последнюю гибель загиб.
 Но верю, Россия осталась
 В страданье, в мечтах и в крови,
 Душа, ты стократ умирала,
 И вновь воскресала в любви!
 Я вижу, крылами блистая,
 В мансарде парижской моей,
 Сияя проносится стая
 Российских моих лебедей.
 И верю, предвечное Слово,
 Страдающий, изгнанный Спас,
 Любовно глядит и сурово
 На руку, что пишет сейчас.
 Недаром, сквозь страхи земные,
 В уже безысходной тоске,
 Я сильную руку России
 Держу в моей слабой руке.

«Владимир Смоленский писал ясную, несложненную поэзию, иногда сильную», – заметил в мемуарах Роман Гуль. К этому следует добавить, что среди своих сверстников-литераторов Смоленский быстро получил безусловный авторитет, став в тридцатые годы председателем Союза молодых писателей и поэтов Парижа. По многим отзывам, он мастерски читал стихи, и «когда он выступал в Русской консерватории, – свидетельствует поэт Кирилл Померанцев, – большой зал был всегда полон, иногда и переполнен». Но, видимо, не только манера чтения привлекала людей на вечера Владимира Смоленского, и в стихах его было что-то отвечающее сокровенным чувствам русских изгнанников.

«У него был массовый читатель, – писал критик Юрий Иваск, – обездоленные эмигранты, читая его стихи, проклинали большевиков или же – вздыхали. Плакали, но и улыбались сквозь слезы, вспоминая об утраченной родине. Смоленский – мелодический поэт, склонный к мелодраматизму, к театральности...»

Осталось немного – миражи в прозрачной пустыне,
 Далёкие звёзды и несколько тоненьких книг,
 Осталась мечта, что тоской называется ныне,
 Остался до смерти короткий и призрачный миг.
 Но всё-таки что-то осталось от жизни безумной,
 От дней и ночей, от бессонниц, от яви и снов,

Есть Бог надо мной, справедливый, печальный, разумный,
 И агнец заколот для трапезы блудных сынов.
 Из нищей мансарды, из лютого холода ночи,
 Из боли и голода, страха, позора и зла
 Я выйду на пир и увижу отцовские очи,
 И где-нибудь сяду, у самого края стола.

В 1931 г. у Владимира Смоленского вышел в свет первый стихотворный сборник – «Закат». Тираж мизерный – шестьсот экземпляров. Но в условиях эмиграции важен был сам факт появления книги. И не меньшее значение имели отзывы на нее со стороны живых классиков Серебряного века – З. Гиппиус, В. Ходасевича, Г. Иванова, Г. Адамовича... Все они, подчас враждовавшие друг с другом, являлись для эмигрантской литературной молодежи высшими судьями. Мнение кого-либо из мэтров было сродни пропуску в большое искусство или, напротив, справке о бездарности.

Книгу Смоленского приняли хорошо. Георгий Иванов, первый поэт эмиграции, на похвалы крайне скупой и редко кого выделявший из общего ряда, отозвался об авторе сборника как о «новой восходящей звезде». Единодушным было и признание читателей, – разумеется, из аудитории Русского зарубежья, а она в тридцатые годы насчитывала многие тысячи людей, зачастую весьма образованных, ценивших поэзию высокой пробы. Им, знавшим муку прощания с родиной, важна была подлинность чувств и переживаний. И даже когда поэт писал о любви, его читатели безошибочно узнавали душевный надрыв белогвардейца, ничего общего не имеющий с романсовой истерикой киношных героев.

Уходи навсегда, исчезай без следа в темноте,
 Из которой я вызвал тебя вдохновеньем и страстью,
 Я не в силах тебя удержать на такой высоте –
 На такой высоте разрывается сердце на части.
 На такой высоте слишком страшно, и трудно дышать,
 Я тебе возвращаю свободу, моя дорогая, –
 Так срываются звёзды, что больше не в силах сиять,
 Так снижается пламя, в ночи ледяной догорая.
 Я прощаюсь с тобой, я тебе улыбаюсь в слезах,
 Я тебе улыбаюсь, от сердца тебя отрывая...
 Ты сияла надеждой в моих безнадежных мечтах,
 Я прощаюсь с тобою, любя и уже забывая.

Атмосфера эмигрантского бытия, сумбурный уклад существования русской литературной богемы Парижа, где душа поэта разрывалась между двумя крайностями, двумя полюсами: ностальгией по утраченной родине и вынужденным вращением в чужую среду, в иную культуру, – все это по-своему влияло на личность Владимира Смоленского, и влияло губительно.

«Он не жалел себя, – писала Нина Берберова, – пил много, беспрестанно курил, не спал ночей, ломал собственную жизнь и жизнь других... Он влюблялся, страдал, ревновал, грозил самоубийством, делая стихи из драм своей жизни и живя так, как когда-то – по его понятиям – жили Блок и Леонид Андреев, а вернее всего – Аполлон Григорьев, и думал, что иначе поэту жить и не след».

Однако все это не было чем-то исключительным. Так или примерно так жили многие литераторы-эмигранты, нередко погибая от вина, от болезней, а по сути – от безысходности.

Какое там искусство может быть,
 Когда так холодно и больно жить.
 Какие там стихи – к чему они,
 Когда, как свечи, потухают дни,
 Когда за окнами и в сердце тьма,
 Когда ночами я схожу с ума...

«Если он еще жив, – писал о Смоленском беспощадный Владислав Ходасевич, – то только потому, что в нем еще бродит воспоминание о мире, которого он уже не застал, который уже находится за его горизонтом и лишь оттуда пускает свои последние лучи веры, любви, „идеала“...»

Не потому ли и в наши дни нового XXI века, в новую постсоветскую эпоху так современно звучат стихи поэтов первой русской эмиграции, что и мы в общем-то живём как бы вне своей страны? Это ощущение трудно передать словами, но, помня легенду о невидимом граде Китеже, можно сопоставить с исчезнувшим древним городом ту историческую православную Россию, нашу духовную родину, что была уничтожена в 1917 году. А потом на протяжении почти века уничтожалась и извращалась в людских умах и душах сама память о ней. И сейчас отблеск «последних лучей веры и любви» пробивается к нам из книг тех давних изгнанников, что образовывали когда-то русские колонии по всему свету, сохраняя свой язык, культуру, память о прошлом.

Недаром исконные парижане смотрели на Владимира Смоленского и его друзей как на выходцев из затонувшей Атлантиды. И русским юношам было больно и странно ощущать на себе настороженные взгляды европейцев, для которых рассказы о красном терроре, голоде и безумных пролетарских вождях были сродни сказкам о людоедах и Синей Бороде. Но жизнь брала своё, литература становилась судьбой.

В 1938 году Владимир Смоленский издаёт вторую стихотворную книгу –

«Наедине». Преобладающей в ней стала тема одиночества, медленного умирания человека, оторванного от родной земли. Стихи поэта обрели подлинно трагическое звучание, тональность «парижской ноты» (выражение Георгия Адамовича).

Прости, если можешь, – недаром ты плакал ночами,
 Недаром томился, недаром надежда лгала...
 Лишь смерть не прощает, она за твоими плечами
 Косу поднимает и два раскрывает крыла.
 Прости, если можешь, измену, прости равнодушие,
 Убийцу прости, если можешь, прости дурака,
 И страх, и дневную тоску, и ночное удушие,
 И чёрное дуло, что стынет, дрожа, у виска.
 О, страшная стужа и жажда в пустыне безводной,
 О, крик безответный, похожий на плач или смех!
 Прости этот мир безнадежный, бесстыдный, бесплодный,
 В котором ты стал бессердечнее, может быть, всех.
 Прощая, прощайся со всеми мечтами земными,
 Со всеми людьми и с любовью, сгоревшей дотла...
 Лишь смерть не прощает, она за плечами твоими –
 Печальна, правдива, крылата, бесстрашна, светла.

Тончайший ценитель поэзии, автор не менее ярких стихов и в прошлом тоже солдат Белой армии, Юрий Терапиано так писал в рецензии на новую книгу Смоленского: «Настоящий поэт в отличие от стихотворцев, порой формально очень одаренных, обладает верным инстинктом, направленным к существу жизни. Он не берет жизнь только на ее поверхности, но инстинктивно устремлен через нее внутрь, к существу, к внутреннему смыслу, – что и дает возможность через сюжет проникать к основной теме. Любовь, смерть, тоска, ощущение бессмыслицы жизни, возмущение плоскостью и низостью земного и острое чувство его недостаточности, порою – даже гражданское волнение – все у Смоленского просвечивает этим внутренним устремлением».

В томлении смертном, на смятой постели,
 Хрипя, задыхаясь, томясь
 От боли и страха... Но ангелы пели,
 Над комнатой душной кружась.
 Никто их не видел, и пеня не слышал, –
 Все знают, что ангелов нет, –
 Томилась душа и стонала всё тише,
 И гаснул за окнами свет.
 Но ангелы пели, кружась над душою,
 Целуя запекшийся рот,
 О вечном блаженстве, о вечном покое,
 О славе надзвёздных высот.

Как и все русские эмигранты, Владимир Смоленский пристально следил за событиями, происходившими в советской России. Политические процессы тридцатых годов, казни и репрессии, неисчислимы жертвы ГУЛАГа на-

ходили живой отклик в стихах поэта. Одни из самых пронзительных – «Стихи о Соловках» – заключали в себе творческое кредо автора:

Но для того избрал тебя Господь
 И научил тебя смотреть и слушать,
 Чтоб ты жалел терзаемую плоть,
 Любил изнемогающие души.
 Он для того тебя оставил жить
 И наградил свободою и лирой,
 Чтоб мог ты за молчащих говорить
 О жалости – безжалостному миру.

В сущности – это ведь пушкинская формула. Но в данном случае Смоленский не был эпигоном, свое убеждение он выстрадал, и потому строки его через столетие стали созвучны стихам великого поэта России.

Ну, а если сравнить представителей молодого крыла литературы Первой русской эмиграции (вообще – это тема отдельного исследования) с их старшими предшественниками из Серебряного века, то первое – и главное! – отличие, которое сразу же бросается в глаза, это своего рода возвращение к Богу младших эмигрантов. И Владимир Смоленский, и целый ряд его сверстников, в большинстве прошедших еще мальчишками через Гражданскую войну (Иван Савин, Николай Туроверов, Юрий Софиев, Николай Кудашев...), уже не писали об «огненных грезах Люцифера» или «дьявольских соблазнах». Подобная символистская мишура в их душах была выжжена адовым пламенем братоубийственной бойни. И действительность оказалась куда страшнее самых черных фантазий Брюсова или Блока.

Конечно, молодых литераторов русского Парижа тянуло друг к другу. Воскресные обсуждения новых книг и стихов, начатые на квартире у Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, продолжались, как правило, в кафе, иногда ночи напролет. «Помню Монпарнас, – писал годы спустя Владимир Смоленский, – где мы, тогда изгнанные из России поэты, встречались, спасая себя от одиночества и пытаясь еще стихами что-то спасти...» Но порою накачивало отчаяние. И тогда ветер последнего времени легким ознобом охватывал сердца и души эмигрантов.

Будут жить в тесноте – тесной станет земля, как тюрьма, –
 Будут знать, что ни Бога, ни ада, ни вечности нет,
 Выше туч из бетона и стали построят дома,
 И большой дирижабль долетит до далёких планет.
 И когда зазвонит над кружащимся миром труба,
 И когда над землёй небеса распахнутся как двери,
 И погаснут огни, и откроются в склепах гроба –
 То никто ничего не поймёт и никто не поверит...

Современник Смоленского и его парижский знакомый, писатель Василий Яновский признавался в своей книге «Поля Елисейские»: «Мы сидели в кафе в одинаковой позе, в одинаковой комбинации, с почти одинаковыми речами десятилетия, словно давая судьбе возможность хорошо прицелиться. И она жестоко ударила по нам».

Вторая мировая война, немецкая оккупация Парижа, потери друзей и близких, наконец – 1945 год, приход к власти социалистов во главе с де Голлем, репатриация тысяч русских эмигрантов, поверивших советским призывам и расплатившихся за это жизнями и свободой... Все перечисленное напрямую коснулось и Владимира Смоленского. Нет, репатриантом он не стал. Всея душой приветствуя падение нацистской Германии, поэт не мог поверить в духовную эволюцию советской системы, не видел к этому оснований. В 1950-е годы Смоленский стал работать над воспоминаниями, публикуя их в журнале «Возрождение», тогда – крупнейшем печатном органе российской эмиграции. Свое отношение к происходящему на родине он выразил предельно жестко: «Было бы отвратительно, если бы большевизм „удался“, и в результате русской трагедии, страшных русских страданий, гибели русского духа, гражданеподобные советские рабы, вполне удовлетворяясь мещанским своим благополучием, жрали бы каждый день по бифштексу – догнали бы Америку – предел чайний своих обезьяноподобных вождей...» Не правда ли, с поправкой на нынешнюю «демократию» мысль эта звучит вполне современно!

Но все же родина, Россия, в ее духовном и историческом значении для поэта неизменно оставалась единственно прекрасной и великой.

Кричи не кричи – нет ответа,
 Не увидишь – гляди не гляди,
 Но всё же ты близко, ты где-то
 У самого сердца в груди.
 Россия, мы в вечном свиданье,
 Одним мы усилием живём,
 Твоё ледяное дыханье
 В тяжёлом дыханье моём.
 Меж нами подвалы и стены,
 И годы, и слёзы, и дым,
 Но вечно, не зная измены,
 В глаза мы друг другу глядим.
 Россия, как страшно, как нежно,
 В каком неземном забыты
 Глядят в этот мрак безнадежный
 Небесные очи твои.

В 1957 году вышла из печати третья книга Владимира Смоленского «Собрание стихотворений», ставшая его последним прижизненным изданием. Там под одной обложкой поэт объединил стихи из двух предыдущих книг и

те, что были написаны в период сороковых – пятидесятих годов. Последний, завершающий, раздел книги назывался «Счастье».

«Смоленский прошел через большой внутренний опыт за все эти годы, – гласила одна из рецензий, – в его новых стихах, наряду с отрицательным мироощущением, появились и другие, утверждающие ноты».

Наедине с самим собой
 Бессонницей томлюсь и снами,
 Бессмыслицу зову судьбой,
 А жалобу и боль – стихами.
 И жду, когда придёт рассвет,
 Который больше не разбудит,
 И знаю, что спасенья нет,
 И верю, что спасенье будет.

Одна из надежд Смоленского в последние годы его жизни была связана с творчеством Бориса Пастернака. На поэта-эмигранта произвели глубокое впечатление стихи из романа «Доктор Живаго». В них он увидел возвращение России ко Христу, к утраченным некогда духовным ориентирам. Пастернаку герой этого очерка посвятил стихотворение, в котором вновь сказал о предназначении поэта:

Господь с тобой. Страдай, мечтай, владей
 Почти нечеловеческою силой
 Писать о жизни, о сестре твоей
 Над братскою бескrestною могилой.

Близко знавший Смоленского поэт Кирилл Померанцев так размышлял о творчестве своего друга: «Мир, в котором мы живем, казался ему абсолютным злом, перестав существовать со времени русской революции, с тех пор, как перестала существовать Россия. Это значит, что Смоленский отказывался признавать существующее за сущее, настоящее за реальное... и все же он живет. Потому что знает, что он поэт – тот обреченный Избранник, который обязан жить для того, чтобы ценою своей жизни утвердить свое творчество и засвидетельствовать миру, что дела его злы, встать на защиту тех, кто лишен возможности говорить».

И сливается голос мой
 С голосами глухими народа
 Над его огромной тюрьмой,
 Над тесной моей свободой.

Сам же Владимир Смоленский утверждал: «В мире, в котором „мы мучаемся“, всегда или почти всегда побеждает зло. Но в глубине сознания поэт

знает, что должно победить добро. В этой борьбе погибает поэт, но побеждает поэзия... Из пепла возникает Феникс, из героической попытки Психеи противостоять злу возникает поэзия». Этот отрывок из статьи о Георгии Иванове очень ярко и резко выявляет позицию самого Владимира Смоленского, бескомпромиссную в какой-то «последней прямоте».

В 1960 году Владимир Алексеевич был уже неизлечимо болен. Болезнь горла протекала мучительно, прикованный к постели, он не мог говорить, но даже в таком положении писал стихи, общался со знакомыми, выводя слова мелом на дощечке.

*Между жизнью и смертью прослойка –
Ледяная больничная койка.*

В таком положении его застала Нина Берберова, знавшая поэта еще с далекой юности. В книге «Курсив мой» она вспоминает, как по просьбе Смоленского рассказывала ему о своих поездках по миру, об Америке, о Ниагарском водопаде и прочих чудесах. Поэт смотрел на нее глубокими, запавшими глазами и только писал на дощечке: «Еще!»

Владимира Алексеевича Смоленского не стало 8 ноября 1961 года. Он умер в возрасте шестидесяти лет и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. В 1994 году вышел первый сборник его стихов в России с символическим названием «Жизнь ушла, а лира все звучит». Воистину это так, – стихи поэта живут и после его ухода.

Плывёт луна в серебряном огне,
Плывёт душа, качаясь в звёздной пыли.
И далеко внизу – на самом дне –
Шумит толпа, гудят автомобили.
Земное утверждая бытие,
Ребёнок плачет и стучит рабочий.
Плывёт душа по волнам вечной ночи
В последнее пристанище своё.
На ледяной постели, у окна,
Спит человек, скрестив на сердце руки,
В его глазах, открытых в смертной муке,
Бессмертие, усталость, тишина...

Белые и красные

Блаженны миротворцы...

В последние годы интерес к подлинному смыслу красно-белого противостояния, развязанного в России в годы братоубийственной Гражданской войны её врагами, существенно возрос. Свидетельством того являются многочисленные дискуссии на православных сайтах, где споры современных красных и белых весьма горячи и продолжительны.

Самую большую полемику вызывают, как правило, такие темы, как оценка личностей и деятельности большевистских вождей (Ленина и Сталина), политические репрессии, голодомор, советские праздники, Вторая мировая война, большевистская топонимика и ряд других. Однако яростные споры, как правило, бывают малопродуктивными и нередко заканчиваются на ноте взаимных унижений и оскорблений. На чём же основано столь непримиримое противостояние, что лежит в основе конфликта мнений и убеждений враждующих сторон? Существует ли определяющая линия, способствующая умиротворению противников, возможен ли вообще вектор мира и согласия? Или же, как писал философ Иван Ильин в статье «Белая идея», эта борьба (белого с красным) не стихнет вовек, а будет непрерывно возрастать, и при построении новой России «пройдут определённые Свыше сроки, исчезнут коммунисты, революция уйдёт в прошлое; а Белое дело, возродившееся в этой борьбе, не исчезнет: дух его сохранится и органически войдёт в бытие и строительство Новой России». Наш выдающийся философ считал Белую идею идеей религиозной, созревшей «в духе русского православия», и смысл её (идеи) видел в борьбе «с сатанинским началом в его личной и общественной форме».

Однако, как представляется, эта концепция всё же была слишком идеальной, и её опровергло само время. Ведь в реальной жизни краски часто смешиваются, имеют множество оттенков и тонов, а порой и вовсе искажаются и даже перепутываются. Оттого под красными знамёнами могут оказаться (и оказывались) подлинные герои, а под белыми – негодяи и предатели, и наоборот. Конечно, ни один уважающий себя православный священник под красные знамёна в годы Гражданской войны не встал, становились лишь под белые. Однако Святейший патриарх Тихон умолял и красных, и белых прекратить братоубийство и в том был, конечно же, абсолютно прав (хотя в душе и симпатизировал белым, посылая тайное благословение на борьбу с красными Верховному Главнокомандующему адмиралу Колча-

ку. Но это была его личная, а не общецерковная позиция, которую он озвучивал в качестве православного Патриарха).

Самое удивительное, что русские, ещё недавно единым строем защищавшую Россию и воевавшую с внешним врагом в годы Первой мировой, вдруг поделились на заклятых недругов, став красными и белыми, и начали методично истреблять друг друга на радость тем же врагам. Нас пытались раньше убедить, что Гражданская война – это война сословий, что якобы в стане белых были лишь буржуи, дворяне и другие угнетатели трудового народа. Однако в действительности среди белых было немало рабочих, крестьян, казаков, мещан, купцов и других лиц. Так, у белого генерала Каппеля весомую часть войск составляли рабочие с Воткинского и Ижевских заводов, а в стане красных было немало высокопоставленных офицеров высшего ранга. Непостижимо, но факт – по разные стороны оказывались порой родные братья, близкие родственники, хорошие добрые в прошлом друзья...

На русском государственном флаге – триколоре – присутствуют оба цвета, символизирующих противоборствующие стороны. И если красный цвет с психологической точки зрения означает возбуждение, энергию, вплоть до агрессии, кипение страстей, напор, то белый цвет есть цвет чистоты и святости. Как писал В. И. Даль, «народ называет белым: Веру свою, Царя и Отечество» (*Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 153*). Третий цвет русского флага – синий, символизирующий умиротворение и покой. В своё время была выдвинута интересная версия, что синий цвет – это символ православной монархии, которая удерживает два других цвета от непримиримого противостояния.

Победа красной идеи в мировой истории всегда была впечатляющей, но пагубной для народа. Как писала мне в частном письме художник-иконописец из Санкт-Петербурга Ксения Вышпольская, борьба красного и белого прослеживается уже в древнейшей истории человечества. «На заре 4 тыс. до н. э. в Древнем Египте была война между папирусом и скальным цветком. Воевали за объединение Верхнего и Нижнего Египта. Белый цветок папируса символизировал Нижний Египет, а красный скальный цветок – Верхний Египет. Победили правители Верхнего Египта, но столицей объединенного государства всё-таки стал Мемфис, расположенный в дельте Нила. Ведь культура в Нижнем Египте в то время была намного выше. После этой войны в Египте начался период, именуемый Древнее Царство. В Среднем и Новом Царстве столицей уже были Фивы, расположенные в Верхнем Египте, и многотысячная история этой страны закончилась, когда Египет в 640 г. н. э. завоевали арабы».

В Священном Писании символика цветов имела очень большое значение, причём белый цвет означал радость, невинность, а красный – грех (ср. Ис. 1:18: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если

будут красны, как волну убелю»; или псалом 50: «...Омыеши мя, и паче снега убелюся»). Священное Писание повествует нам о неких кровожадных «мужах кровей» (красных мужей): «Да не погубиши с нечестивыми душу мою, и с мужи кровей живот мой» (Пс. 25:9) и рассказывает о гонителе своего брата Иакова Исаве, сына Исаака и Ревекки. Исав, что означает также Эдом (красный), был родоначальником эдомитян (или идумеев). Это были одни из самых воинственных и страшных народов своего времени. Именно из этого племени вышел и кровожадный Ирод Великий, первый преследователь Христа и виновник избиения вифлеемских младенцев. Этого «мужа кровей», как, впрочем, и его сына Ирода Антипу, обезглавившего Иоанна Крестителя и издевавшегося над Спасителем (Лк. 23:11), а также Ирода Агриппу, внука Ирода Великого, повелевшего казнить апостола Иакова и заключить апостола Петра в темницу (Деян. 12:1–3), и некоторых других представителей этого рода, с полным основанием следует отнести к праотцам всех будущих красных мужей. Потомки Исавы и Ирода, судя по всему, уцелели среди рассеянного некогда богоизбранного народа. Возможно, именно эти генетические красные потомки Исавы (ибо Исав был красным в буквальном смысле слова от рождения, см.: Быт. 25:25) и дали современному миру впоследствии ту лютую человеконенавистническую красную касту, составившую ядро всех будущих мировых революций. Далее следовали красные масонские проекты, «красный катехизис» Гессе, Маркс, Энгельс, Ленин... Священник Олег Стеняев видит в Книге Откровения Иоанна Богослова в образе багряного зверя апокалиптический символ коммунизма (см. доклад иерея Олега Стеняева «Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона») и сравнивает коммунистическое мировоззрение с родом психического помешательства.

Говоря о красных как носителях сатанинской антихристианской идеи, я вовсе не испытываю к ним ненависти. Очень многие соблазнились в своё время красной идеей, но не все смогли вырваться из лап цепкого гипнотического транса и донныне. Великим достижением лучших русских мыслителей и современных православных богословов является опровержение красной утопии, разоблачение её подлинной антихристианской сущности.

Сейчас Россия переживает период глубокого осознания своего прошлого. Открывается невиданное доселе информационное поле. К сожалению, поток информации не только колоссально велик, но и содержит массу искажений и откровенной лжи. Отделять зерна истины от плевел и есть задача добросовестных исследователей. По большому счёту, победить должна Правда Божия, поиском которой должны заниматься, отбросив личные амбиции, лучшие умы России. И нынешние белые и красные обязаны осознать свою великую ответственность перед Богом и единой Россией и понять, что время искусственного разделения одного

народа на белых и красных подходит к концу, что оно на руку лишь нашим внешним и внутренним врагам. Ведь дирижёр этого разделения испокон веков всё тот же, кто расколол Россию, отделив от неё Украину и Белоруссию, словно пирог искромсал на куски Югославию, добился независимости и отделения Черногории и Косово от Сербии и т. д. Как мне кажется, сейчас больше чем когда-либо нам следует уделять внимание изучению истории России, особенно по учебникам старого дореволюционного времени. А из политической (сверхстрастной и разделительной) плоскости нужно перейти в плоскость нравственную, духовную, изживая болезни партийщины и словоблудия. Лучшим средством к тому было бы обращение к основам Православия, русской культуре, славянскому языкознанию, краеведению, отеческим традициям. Потому так своевременны ныне всевозможные союзы любителей русской старины, исторические клубы, матицы¹, общеобразовательные православные чтения; необходимы также контакты с потомками русских эмигрантов, хранящих ещё немало духовных и художественных ценностей русской культуры для будущей России, возрожденной в духе Святой Руси. «Блаженны миротворцы», – говорил Спаситель. И эти вечные Слова, без сомнения, имеют отношение и ко всем нам, ныне живущим.

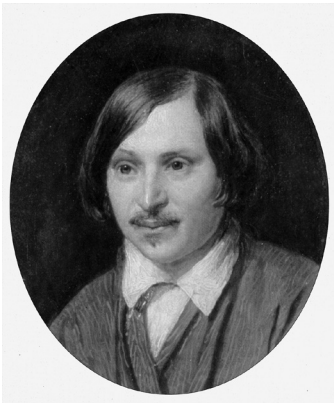

¹ Матица – название национальных культурно-просветительных обществ, созданных рядом славянских народов в эпоху их национально-культурного возрождения в XIX веке.

И. А. Виноградов

Неизвестный адресат статьи Н. В. Гоголя «Близорукому приятелю»

К 200-летию Ю. Ф. Самарина

Николай Васильевич Гоголь

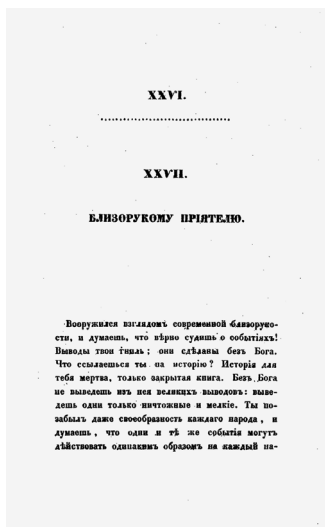
ВЫБРАННЫЕ МѢСТА
ИЗЪ
ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ
НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.
1847.

*Выбранные места из переписки
с друзьями Николая Гоголя.
Титульный лист*

Круг известных адресатов итоговой книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) составляют граф А. П. Толстой, А. О. Смирнова, Н. М. Языков, В. А. Жуковский, С. П. Шевырев, граф Матв. Ю. Виельгорский, графиня Л. К. Виельгорская. Кроме того, в книге заключен целый ряд скрытых (но узнаваемых) адресных назиданий друзьям и знакомым – М. П. Погодину, К. С. Аксакову, А. А. Иванову, князю П. А. Вяземскому, В. Г. Белинскому.

Первый, наиболее очевидный круг адресатов устанавливается, главным образом, по тем инициалам, которыми сопроводил сам Гоголь названия некоторых из своих литературных посланий. Однако несколько писем в книге не имеют таких опознавательных помет. К числу этих посланий относится статья откровенно славянофильского содержания, помещенная в «Выбранные места...» с полемическим названием «Близорукому приятелю». В этой статье, датированной самим Гоголем 1844 г., писатель обличает своего корреспондента за следование мнениям западных писателей-экономистов в осмыслении финансовых проблем России, а также выговаривает приятелю за игнорирование в его рассуждениях участия Промысла в русской истории. Вопрос о том, к кому обращал Гоголь это послание, составляет одну из загадок гоголевской книги.

*Выбранные места
из переписки с друзьями
Николая Гоголя.
С. 189. Статья
«Близорукому приятелю»*

*Юрий Федорович
Самарин*

Хотя подсказок по поводу адресата статьи «Близорукому приятелю» автор не оставил, есть основания полагать, что она является ответом на не дошедшее до нас письмо, отправленное в 1844 г. Гоголю Юрием Федоровичем Самаринным (1819–1876), известным впоследствии славянофилом, публицистом, философом, крупным общественным и государственным деятелем

В то время, в середине 1840-х гг., Ю. Ф. Самарин только начинал свое служебное и общественное поприще. 3 июня 1844 г. он защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844) и в августе того же года переехал в Петербург, предполагая поступить здесь на службу либо в Министерство юстиции, возглавляемое графом В. Н. Паниным, либо в Министерство внутренних дел, находившееся в ведении Л. А. Перовского. Об этих планах сам Самарин незадолго до отъезда из Москвы сообщал своему двоюродному брату, князю Д. А. Оболенскому: «Куда поступлю, еще не знаю, к Панину или к Перовскому; но вероятнее ко второму»¹. Планы Самарина не были гадательными: они определялись давними связями при дворе его отца. В первой половине 1820-х гг. действительный статский советник, шталмейстер и камергер Федор Васильевич Самарин (1784–1853) состоял в придворном штате при вдовствующей Императрице Марии Федоровне. В 1819 г. последняя, вместе с сыном, Императором Александром I, была восприемницей при крещении первенца

Федора Самарина Юрия – будущего славянофила. Мать Ю. Ф. Самарина, Софья Юрьевна, была фрейлиной Императрицы, дочерью сенатора и поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого, статс-секретаря Императора Павла I.

27 октября 1844 г. Ю. Ф. Самарин поступил на службу «к Панину», т. е. в Департамент Министерства юстиции, где пребывал, в ожидании штатной должности, до 20 февраля 1845 г. После этого он сменил место службы и пе-

¹ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. С. 74.

ревелся в Правительствующий Сенат, на должность старшего помощника Первого департамента Сената; в конце 1845 – начале 1846 г. служил одним из секретарей в канцелярии Общего Собрания первых трех департаментов Сената². Позднее, в феврале 1846 г., состоялось намеченное Самариным еще летом 1844 г. определение «к Перовскому» – в Министерство внутренних дел³.

К самым первым месяцам пребывания Самарина в Петербурге относится его знакомство и сближение с Александрой Осиповной Смирновой, в свою очередь бывшей ранее фрейлиной при Императрице Марии Федоровне (восприемнице Самарина). Кроме того, А. О. Смирнова была давним другом и постоянным корреспондентом Гоголя, а также целой плеяды других известных поэтов и писателей: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, князя В. Ф. Одоевского, князя П. А. Вяземского, М. Ю. Лермонтова. После сближения Самарина со Смирновой и начинается его общение с Гоголем.

В ту пору Гоголь и Самарин были уже знакомы, хотя не близко. Еще в декабре 1839 г., а именно с 23 числа, последний, в числе других гостей, слушал у Аксаковых авторское чтение второй и третьей глав первого тома «Мертвых душ»⁴. Еще дважды, 6 января и 29 марта 1840 г., Самарин видел Гоголя у Аксаковых,

Граф В. Н. Панин

Граф (с 1849 г.) Л. А. Перовский

Александра Осиповна Смирнова

² Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1846 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1846>. Ч. 1. С. 88. – «Состояние чинов по 1-е Декабря 1845 г.».

³ Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1847 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1847>. Ч. 1. С. 9, 154. – «Состояние чинов по 1-ое Декабря 1846 г.»; Самарин П. <Примечания> // Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. С. 135, 147, 160.

⁴ Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 3. С. 376–377.

а затем два раза, 9 мая 1840 г. и 9 мая 1842 г., присутствовал на именных обедах писателя в саду у М. П. Погодина. Тем не менее, по словам С. Т. Аксакова, вспоминавшего об именованной обеде 1840 г., с Самариним Гоголь «был знаком еще мало»⁵. Именно встреча в 1844 г. в Петербурге со Смирновой дала возможность Самарину впервые обратиться к Гоголю с письмом.

Вскоре по приезде в Петербург, 10 сентября 1844 г., он сообщал в Москву своему близкому приятелю и единомышленнику, славянофилу Константину Аксакову: «Самое замечательное, по моему мнению, лицо в Петербурге это – Александра Осиповна Смирнова; с нею я выдаюсь часто и толкую о Гоголе. <...> Они в постоянной переписке. <...> До него дошла моя диссертация, которую он читал в последнее время»⁶. 3 ноября 1844 г. Смирнова извещала Гоголя: «Самарин – удивительная жемчужина в нашей молодежи. Он может сравниться душою с Михаилом Михайловичем <Виельгорским>, а умом его выше»⁷. Спустя три недели, 26 ноября⁸, она сообщала писателю: «У меня для вас лежат два пакета книг, остановка за оказией. Между ними и „Феофан“ от Самарина (имеется в виду диссертация Самарина. – И. В.). Маленькое письмо от него при сем распечатано за неприличность своего облачения...» (XII, 538). Из дальнейших слов Смирновой явствует, что вместе с письмом (которое, к сожалению, не сохранилось и до нас не дошло) Самарин через нее отправил Гоголю еще одно послание – какую-то свою статью (она тоже неизвестна). Прочитав первая самаринскую статью, Смирнова замечала: «Самарина статья мне очень полюбилась, в ней много прекрасного. Но мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано» (XII, 538).

До настоящего времени упоминание Смирновой в письме к Гоголю о какой-то «статье» Самарина не привлекало внимания исследователей. Вопрос о том, что это была за статья, оставался открытым. Как следует из ответного письма Гоголя к Самарину от 24 декабря (н. ст.) 1844 г., и письмо, и статью его он тогда получил: «Благодарю вас за письмо и за усердное желание попотчевать меня вашим Феофаном, которым я, однако, уже попотчевал <себя> сам прежде. В книге много ума и видны большие средства, которыми наградила Бог автора. <...> Как из этого сочинения, так и из других писанных вами и находя<щихся> в рукописи (если только присл<анное> Аксаковым мне о М<ертвых> д<ушах> есть ваше), видно то, что автору следует писать о многом, наиболее относящемся к современным вопросам...» (XII, 552).

⁵ *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 3. С. 432.

⁶ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 143.

⁷ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 12. С. 504. Здесь и далее сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. В дальнейшем, за исключением отдельных случаев, ссылки на него даются в тексте с указанием римской цифрой – тома и арабской – страницы.

⁸ Письмо, по-видимому, было отправлено позднее, 3/15 декабря 1844 г. (см.: *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 4. С. 621).

Очевидно, что, упоминая, во множественном числе, о «находящихся в рукописи» статьях Самарина, Гоголь подразумевал при этом не только самаринскую статью о «Мертвых душах», полученную им в мае 1843 г. от К. С. Аксакова (эта статья хорошо известна; она относится ко второй половине октября 1842 г.), но и другую – очевидно, отправленную писателю Самаринным через Смирнову в ноябре 1844 г.

По всей видимости, вторая – несохранившаяся – статья Самарина получила ответ Гоголя дважды: не только в виде уже приводившейся краткой записки к Самарину от 24 декабря 1844 г., но и в качестве развернутой публичной статьи «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». На то, что письмо «Близорукому приятелю» является ответом на неизвестную статью Самарина, указывает сразу целый ряд обстоятельств.

Во-первых, и в письме к Самарину от 24 декабря 1844 г., и в статье «Близорукому приятелю» 1844 г. Гоголь подчеркивает незаурядный «ум» своего корреспондента – «действительно замечательный и великий» (VI, 134). (На выдающийся ум Самарина указывала и Смирнова в цитированном выше письме к Гоголю от 3 ноября 1844 г.⁹)

Другой объединяющий Самарина и неизвестного адресата статьи «Близорукому приятелю» признак – занятия русской историей. 10 сентября 1844 г., спустя месяц по приезде в Петербург, Самарин сообщал К. С. Аксакову: «Я... продолжаю заниматься русскою историею. Пишу статью о Новгороде¹⁰...»¹¹ По поводу обращения своего корреспондента к русской истории Гоголь в статье «Близорукому приятелю» замечал: «Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, – и только закрытая книга. Без Бога не выведешь из нее великих выводов...» (VI, 134). (Тут же Гоголь сообщал и о том, что предмет его статьи являются не те вопросы, которые он мог бы, к примеру, обсуждать с приятелем в устных беседах, но те, что были изложены в полученном

⁹ М. П. Погодин еще при окончании Самаринным в 1838 г. Московского университета также отмечал: «На четвертом курсе первое место принадлежит Юрию Самарину. Он имеет много сведений, обладает средствами для приобретения новых, рассуждает логически, говорит ясно и складно. Трудов много и дельных» (*Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1892. Кн. 5. С. 139). Сам Самарин, окончивший курс университета первым кандидатом, сообщил тогда матери: «Некоторые полагают, что я вышел первым... <...> Я довольствуюсь тем, что нахожусь в числе лучших...» (*Комаровская А. В. Ю. Ф. Самарин. Университетские годы // Богословский сборник. Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ)*. Вып. 7. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 296).

¹⁰ П. Ф. Самарин указывал: «Здесь разумеется статья „Вече и Князь“, которая была окончена Ю<рием> Ф<едоровичем> в начале 1845 года и послана была А. С. Хомякову. <...> Статья эта не была напечатана. В настоящее время сохранилась только вторая ее часть, в которой выясняется понятие о княжеской власти, сложившейся в древней Руси» (*Самарин П. <Примечания>*. С. 143). См. также: *Скорородова С. И. Проблема власти и общества в работе Ю. Ф. Самарина «Князь» и ее влияние на представителей «московского направления» // Преподаватель XXI век. 2012. № 1. С. 266–275.*

¹¹ [*Самарин Ю. Ф.*] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 143.

от неизвестного письма: «...Не слышу в словах письма твоего, несмотря на весь блеск ума и остроумья, чтобы Бог присутствовал в твоих мыслях в то время, когда ты писал его...»; VI, 134.)

Судя по содержанию гоголевской статьи, в исполненном «ума и остроумья» послании «близорукого приятеля», наряду с размышлениями о русской истории, были также рассуждения о финансах. Эту составляющую послания своего корреспондента Гоголь тоже оценил резко критически: «Мысли твои о финансах основаны на чтении иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли» (VI, 134). Самарину, несмотря на славянофильские взгляды, действительно не был чужд интерес к финансовым вопросам. Причем он рассматривал их – так же, как и адресат гоголевской статьи «Близорукому приятелю», – не только опираясь на русскую историю, но и на учения современных «французских и английских экономистов»¹². В письме к А. Н. Попову от июля 1849 г. мыслитель, в частности, сообщал: «...Занимаюсь политической экономией и финансами. Вам можно это сказать, а <Константин> Аксаков поступил бы со мною за это, как с чернокнижником»¹³. (О своем интересе к финансовым и экономическим проблемам Самарин упоминал также в письмах к С. П. Шевыреву от апреля-мая 1846 г.¹⁴ и к А. С. Хомякову от августа 1849 г.¹⁵)

Кроме того, на Самарина в статье «Близорукому приятелю», по видимому, указывают слова Гоголя о широких честолюбивых планах своего корреспондента. Из статьи явствует, что «близорукий приятель» намеревался совершить блестящую государственную карьеру и вынашивал в связи с этим масштабные преобразовательные проекты.

Младший брат Самарина, П. Ф. Самарин, отмечал: «Ю<рий> Ф<едорович> поступил на службу по министерству юстиции 27-го октября 1844 года в качестве чиновника, причисленного к департаменту министерства, впредь до открытия в том департаменте приличной званию его штатной должности»¹⁶. Сам Самарин в письме к Аксакову от середины ноября – начала декабря 1844 г. (т. е. в период отправления к Гоголю письма и статьи) сообщал: «Ты, вероятно, знаешь, что я на службе, хотя еще не занимаю штатного места. Пока меня припишут к столу, я буду составлять доклады»¹⁷. В том же письме Юрий Федорович размышлял: «Мне кажется, что все мы мало пишем... <...> Я теперь попал в среду совершенно новую и вижу, до какой степени то, что мы принимаем за известное, за допущенное, за доказанное, – для большинства людей умных вовсе неизвестно,

¹² [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 430.

¹³ Там же. С. 300.

¹⁴ Там же. С. 440.

¹⁵ Там же. С. 430–433.

¹⁶ Самарин П. <Примечания>. С. 143.

¹⁷ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 144.

не доказано, даже не понятно. – Я продолжаю заниматься русской историей понемногу»¹⁸.

Вероятно, в предвкушении повышения по службе Самарин, не имея в то время даже штатного места, однако вполне рассчитывая на родственные связи при дворе, стал строить некоторые планы, которые смог бы осуществить, получив соответствующую его способностям должность. Можно предположить, что опыт одного из «докладов», составлять которые ему поручили по службе, – «умного» обзора с планами широких государственных преобразований, – содержащего даже не один, а несколько административных проектов, Самарин в те дни и отправил, в виде статьи, Гоголю, желая знать мнение писателя о характере и направлении своей предполагаемой служебной деятельности. О подобных обширных проектах государственного масштаба, в которых, впрочем, по критической гоголевской оценке, видна была «скорее боязнь, нежели предусмотрительность» (VI, 134), в статье «Близорукому приятелю» упоминается дважды: «Ты позабыл даже своеобразие каждого народа... <...> Не вижу и в проектах твоих участия Божьего... <...> ...В твоих нынешних проектах видна... боязнь...» (VI, 134).

Отправить Гоголю статью универсального, масштабного характера Самарин должен был именно в самом начале своей службы – в октябре-ноябре 1844 г., т. е. именно тогда, когда и состоялась передача им Смирновой двух не дошедших до нас его посланий, – о письме и статье Самарина Смирнова сообщила Гоголю 26 ноября 1844 г. Ибо вскоре, уже в декабре, Самарин на деле убедился, что от его трудов по составлению служебных докладов творческой инициативы никто не ждет: их написание превратилось для него в сухую формальность, и вера в возможность придать своей должностной деятельности всеобъемлющий характер остыла. Вероятно, пережив тогда небезболезненное разочарование, Самарин, прослуживший в Министерстве юстиции лишь полтора месяца, 16 декабря 1844 г. советовал А. Н. Попову: «Вот вам мой совет, основанный на опыте: ученые занятия должны идти своим чередом, служебные – своим; они никогда не встретятся и не сольются»¹⁹. 21 декабря 1844 г. он же писал отцу: «...Вы спрашиваете меня, в чем состоят мои занятия по службе. Мне присылают из департамента в запечатанных конвертах дела... <...> Я составляю из них извлечения, разбиваю нескладные, бесконечные периоды на несколько коротеньких, <...> потом даю свое мнение. Все это поступает прямо к Данзасу²⁰, который перечитывает, иногда советует кое-что дополнить, исключить или переменить, и, наконец, все это поступает к гр<афу> Панину. Дальнейшая участь моих докладов мне неизвестна»²¹.

¹⁸ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. С. 147.

¹⁹ Там же. С. 270.

²⁰ Борис Карлович Данзас (1799–1868), знакомый А. С. Пушкина, бывший декабрист, директор Департамента Министерства юстиции в 1839–1844 гг., впоследствии сенатор.

²¹ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 312.

Борис Карлович Данзас

Очевидно, что для человека с широкими планами и амбициями работа над такими «докладами» представлялась рутинной и формальной и вовсе не могла составлять то важное дело, на которое, поступая на службу, рассчитывал Самарин. Позднее, 8 мая 1846 г., Смирнова извещала о нем Гоголя: «Его положение самое трудное, самое тяжкое; он служит по желанию отца и служит с ужасным убеждением, что ничего нельзя сделать для России» (XIII, 321). В сентябре 1845 г. Самарин, перейдя к тому времени на службу в Сенат, писал Аксакову: «...Я завален работою... <...> Всего досаднее то, что время и труды пропадают даром. В этой кипе бумаг, которую я перечитал, знаю наперед, – недобросовестная, умышленная

ложь или вранье; читаешь и чувствуешь, что тебя надувают, а делать нечего. Завтра наскоро, поверхностно расскажешь все это, а тебя не только не будут слушать, даже не возьмут на себя труда принять вид, что слушают. С какою оскорбительною небрежностью все это делается, ты себе представить не можешь. (Внимание, которого требовал для себя начинающий чиновник, могло выглядеть в глазах его начальника – а им вновь оказался Б. К. Данзас – посягновением едва ли не на сенаторские полномочия. При решении всех дел право голоса предоставлялось только сенаторам. – *И. В.*) За этим бездельем проходят дни, недели и месяцы. <...> ...Объявляю, что я скоро, скоро оставлю Петербург и уж навсегда»²² (намерение оставить Петербург Самарин тогда, однако, не осуществил).

Странное «совпадение», что в Сенате Самарин вновь оказался в подчинении у Б. К. Данзаса, объясняется тем, что последний в начале 1845 г., незадолго до Самарина, тоже был переведен из Министерства юстиции в Сенат и был назначен здесь обер-прокурором Первого департамента и управляющим канцелярией Общего Собрания первых трех департаментов²³. Одним из младших секретарей этой возглавляемой Данзасом сенатской канцелярии и стал вскоре Самарин. Очевидно, Данзас просто «взял» Самарина с собой на новое место службы. 9 января 1845 г. Юрий Федорович сообщал отцу:

²² [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 166.

²³ См.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1845 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1845>. Ч. 1. С. 103; Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1846 год. СПб.: При Императорской Академии наук, <1846>. Ч. 1. С. 87.

«Я через день езжу к Данзасу, который все еще не успел очистить мне места»²⁴. Таким образом, с переходом в Сенат для Самарина ничего не изменилось. «Оскорбительная небрежность», с какой начальник выслушивал его доклады в Сенате, вероятно, случалась и раньше, в период их службы в Министерстве юстиции. По-видимому, Самарин рассчитывал, что с получением в новом учреждении штатного места он приобретет больше полномочий. Однако этого не произошло. Понятно, почему, став чиновником Сената, он продолжил поиски служебного места и к началу 1846 г. определился, по давнему намерению, в Министерство внутренних дел, «к Перовскому».

Надо сказать, что позднее отрицательный чиновно-бюрократический опыт Самарина весьма пригодился Гоголю. Писатель внимательно прислушался к его советам, когда тот, после авторского чтения первой главы второго тома «Мертвых душ», 4 марта 1850 г., высказал ряд замечаний по поводу описания начала служебной деятельности гоголевского героя Тентетникова. Очевидно, на чтение Самарин был приглашен Гоголем не случайно. Кроме него, на чтении присутствовал еще лишь хозяин дома, А. С. Хомяков. Самарин приехал тогда в Москву из Киева в связи с болезнью отца и был здесь только три недели, с 19 февраля по 10 марта 1850 г. По-видимому, чтение в значительной мере было адресовано не столько Хомякову, сколько именно Самарину – как уже достаточно опытному к тому времени чиновнику (Самарин служил тогда при киевском военном губернаторе Д. Г. Бибикове), а также как человеку, который уже был у Гоголя «на карандаше». С неслужившим Хомяковым, постоянно проживавшим в Москве, Гоголь виделся здесь много раз, однако читал ему второй том лишь однажды – в тот день, когда в гостях у того был Самарин.

Сразу после чтения Самарин отправил Гоголю письмо, где делился своим горьким служебным опытом: «...Первое соприкосновение с службою почти всегда бывает решительно минутою в жизни человека и определяет его надолго, если не навсегда. <...> ...Некоторые, испытав все... продолжают, однако, служить, но смотря на службу уже не как на средство действовать на жизнь, приносить пользу, а как на предмет, достойный во всей его мерзости изучения... как на одну из коренных болезней нашего времени» (XV, 312). Разбирая образ Тентетникова, Самарин указывал, что «впечатление», произведенное на героя начатой им службой, изображено Гоголем «не... совсем верно», ибо «эта деятельность представлена... слишком ничтожною и ограниленною»: «Т<ентетнико>в – человек, получивший ученое образование; на службу определяет его дядя, действ<ительный> стат<ский> советник; поэтому должно полагать, что он принят был в министерство на тех же правах, на которых поступают все молодые люди, прошедшие полный курс наук и не лишенные вовсе протекции. Но от таких людей теперь уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют

²⁴ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 315.

прямо в столоначальники, или в помощники столоначальников... Нелепость настоящего устройства всех наших департаментов и канцелярий заключается совсем не в том, что образованным людям задаются механические занятия, что участие их в делопроизводстве ограничено, а совершенно в противном. <...> Их мучит... отрешенность от жизни... отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела по бумагам, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет, преступная легкость, с которою оно обделывается. В этом случае страдает не самолюбие, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросают службу, или – как Тентетников – приучаются смотреть на нее как на дело второстепенное» (XV, 311–312).

Прочитав замечания Самарина, Гоголь внес тогда в поэму весьма существенные исправления (выделенные далее строки появились в гоголевской рукописи прямо по замечаниям Самарина): «Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какие требуются для... исполнения многообразных обязанностей помещика,.. верить это место невеже управителю, а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, предпочесть настоящему управлению это бумажное, фантастическое управление провинциями, отстоящими за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наде<ать> только кучи несообразностей и глупостей»²⁵; «...И стал он, по примеру других столоначальников, решать на бумаге дела людей, живущих за три тысячи верст, чуть не предписывать законы, правил<а>. Чувство самолюбивой гордости в нем сильно зашевелилось. Но честолюбие продолж<ало> <занимать его не долго>. Слава Богу, ослеплен <был> не до того. Случай привел увидеть, в каком виде исполняется на деле то, что красно на словах, и дыбом поднялся у него на голове <волос>. С ужасом увидел, сколько может наделать вреда [всякий,] даже и стремящийся пр<иносить> пользу. Как безумны столоначальники, думающие, что они могут заглазно управлять и заочно решать. Он охладил вдруг честолюбивое стремление»²⁶.

Каковы бы ни были действительные причины разочарования Самарина в службе, однако его охлаждение к деятельности в Министерстве юстиции наступило не сразу. Поначалу, в октябре-ноябре 1844 г., он еще надеялся на воплощение своих честолюбивых замыслов. Но именно против широких преобразовательных планов начинающего карьеру чиновника и выступал Го-

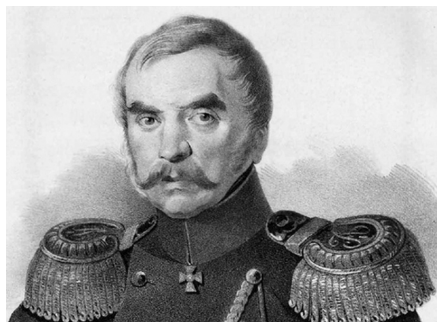
²⁵ Цит. по автографу: Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 8. – Ср.: V, 381.

²⁶ РГБ. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 6. – Ср.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1951. Т. 7. Мертвые души. II / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович. С. 290.

голь – и в упомянутой «тентетниковской» главе второго тома поэмы, и – еще ранее – в статье «Близорукому приятелю». Возражая против намерения превратить государственную службу в поприще для воплощения давних заветных идей, Николай Васильевич предупреждает своего «близорукого» корреспондента: «Не заводи этих улучшений, которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность, и помни, что всяким малейшим неосмотрительным поступком можно произвести теперь большее зло».

Вероятно имея в виду честолюбивые замыслы двадцатипятилетнего Самарина, его небеспочвенные – питаемые и отцовской протекцией, и собственными достоинствами – надежды на повышение, Гоголь в статье «Близорукому приятелю» замечал: «Ты метишь в государственные люди, и будешь человеком государственным, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тем строже теперь смотри за собой» (VI, 134).

Карьера Самарина действительно была стремительной. 9 февраля 1846 г., еще будучи по-прежнему в чине титулярного советника, он получил, наконец, желаемое повышение. По его прошению, поданному 14 января 1846 г.²⁷, из Правительствующего Сената он был переведен в Министерство внутренних дел, стал здесь чиновником особых поручений 8-го класса при министре Л. А. Перовском, 19 января 1846 г. был удостоен звания камер-юнкера²⁸ и причислен, как ранее его отец, к придворному штату. 27 января 1846 г. он уже сообщал Аксакову: «Я... перешел в министерство внутренних дел...»²⁹ К. Н. Лебедев, чиновник и литератор, служивший в 1844–1847 гг. в Министерстве юстиции, а в 1849 г. в Сенате (впоследствии стал сенатором), в конце марта 1849 г. записал в своем дневнике: «Нынче много толкуют о молодом человеке Юрии Самарине. Начав службу у нас, этот барич и баловень Московский, с замечательными способностями и познаниями, перешел в М<инистерство> В<нутренних> Дел по содействию зятя Виельгорских Веневитинова...»³⁰ (А. В. Веневитинов, брат поэта Д. В. Веневитинова, статский советник, был в то время управляющим канцелярией Департамента Министерства внутренних дел.)

Кастор Никифорович Лебедев

²⁷ Самарин П. <Примечания>. С. 168.

²⁸ Там же. С. 172.

²⁹ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 168.

³⁰ [Лебедев К. Н.] Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1910. № 11. С. 356.

Строго говоря, «предсказание» Гоголя о том, что Самарин будет «человеком государственным», никакого действительно предвидения в себе не заключало. Даже если предположить, что писателю ничего не было известно о родословной Самарина, то к моменту публикации письма «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах...» о быстром продвижении молодого человека по службе он уже знал. Смирнова 21 февраля 1846 г. сообщала Гоголю: «Самарин очень рад вашему письму <от 3 января (н. ст.) 1846 г.>; он камерюнкером сделан» (XIII, 287). О своем служебном повышении Смирновой, находившейся на тот момент в Калуге, сообщил сам Самарин, который тогда же, в середине февраля 1846 г., отправил письмо с таким же известием Гоголю: «Я переменил службу, перешел в Министерство Внутренних Дел и прикомандирован был к комитету по лифляндским делам: теперь я завален делом. <...> Вероятно, через месяц или два, я поеду в Ригу...» (XIII, 337). (Со службой в Риге, куда Самарин выехал 21 июля 1846 г., связан один из самых ярких эпизодов в его государственной деятельности.)

Немаловажно также то, что ко времени публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголю были известны и исповедальные слова Самарина в другом его послании, относящемся к более позднему времени, к середине января 1846 г. Это письмо, на которое Николай Васильевич отвечал несколько месяцев спустя, 6 июля (н. ст.) 1846 г., по-видимому, и стало для писателя окончательным аргументом в пользу помещения статьи «Близорукому приятелю» в готовящуюся книгу. Намек на принятое тогда Гоголем решение он сам оставил в ответном письме к Самарину: «Благодарю вас весьма много за ваше письмо. Я его читал с большим любопытством. Ответ на него будет потом... <получен> вами [несколько удивит<ельным> и довольно вами] неожиданным образом» (XIII, 353). Эти гоголевские строки позволяют наконец с достаточной уверенностью утверждать, что послание «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» было адресовано именно Самарину.

Исповедальное письмо Самарина к Гоголю, от середины января 1846 г., – то, что послужило заключительным толчком к помещению статьи «Близорукому приятелю» в гоголевскую книгу, – было ответом на письмо к Самарину самого Гоголя. 3 января (н. ст.) 1846 г. он обращался к молодому славянофилу: «Вы были *ненадежны*, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие, будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь, вы спасены; спасла вас сестра (Гоголь имеет в виду А. О. Смирнову. – И. В.) и *любовь во Христе*, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем» (XIII, 240).

В ответном, исповедальном, письме Самарин, соглашаясь с Гоголем, подробно изложил ему свою «историю болезни»: «И вы, и многие другие считали меня *ненадежным*,.. на меня смотрели... как на больного, осужденного на

смерть, и которого никто не берется лечить, зная, что труды пропадут даром. <...> Болезнь моя принадлежит к числу самых обыкновенных в наше время... это одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю... <...> ...У меня есть убеждения, но нет ни веры, ни любви. <...> Я знаю, как это случилось. <...> Случайно попались мне в руки некоторые произведения современной французской литературы; я помню, как сильно они потрясли меня. Горделивое восстание личного духа против мирового порядка предстало мне в идеальном образе современной поэзии; его неотразимый соблазн пленил меня. <...> ...Я успел откинуть от себя все сочувствия, врожденные и привитые воспитанием, всю покорность к религиозным началам, к семейным обычаям... <...> Таким образом был я приготовлен, когда я встретился с нашими общими знакомыми (Самарин, выпускник Московского университета 1838 г., общался в Москве со славянофилами К. С. Аксаковым, А. С. Хомяковым, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, А. И. Кошелевым, с западниками А. И. Герценом, Т. Н. Грановским и др. – И. В.); мысль моя, развившись односторонне на счет других способностей, приобрела ту непреклонную, холодную последовательность... которая позволила мне стать с ними в уровень и принять самостоятельное участие в бесконечных спорах. <...> Отстранив живое сочувствие и приступив к христианству с требованиями логического постижения, я должен был дойти до того же, до чего дошла новейшая философия, т. е. до совершенного отрицания не только христианства, но вообще всякого бытия первоначального, независимого от знания. За этим крайним пределом отрицания возникает требование воссоздать разрушенное... <...> Таким образом... я дошел до признания живой истины и необходимости живого ее постижения, но самое это признание было... только... точнее творение мысли. <...> ...Тут только я понял всю цену... отвергнутого мною. Я сам обессилил в себе душевный орган живого постижения; я был равнодушен к найденной истине³¹. <...> Только с переезда моего в Петербург приобрело это для меня всю достоверность и ясность пережитого опыта. Здесь все мне было чуждо, если не прямо враждебно... <...> Я имел дело с безмолвным, неосязаемым врагом; не опровержениями он подрывал мои убеждения; он грозил пересоздать меня с ног до головы, приманками он склонял меня на уступки. И, к стыду своему, я понял, как много я мог уступить и как легко, понял, как слабо одно холодное убеждение против давления света. Это была самая опасная минута – спасла и поддержала меня встреча с А<лександрой> О<сиповной> С<мирновой>. Она оценила

³¹ Отец Самарина, Федор Васильевич, 18 февраля 1847 г., в свою очередь, писал сыну в Петербург: «У тебя со вступлением в университет в 1834–1844 (годах), в течение 10 лет, столько было различных проходящих фаз мышления, опасных для молодого человека, что нельзя было пропускать их без внимания; отсюда возникали прения и споры, <...> что они бесконечны – тому служит доказательством продолжение их до сих пор...» (Комаровская А. В. Ю. Ф. Самарин. С. 283).

во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания; я сделался равнодушен к свету и ко всем его приманкам; я совершенно отстал от него и навсегда» (XIII, 333–337).

Судя по всему, признания Самарина о его душевном кризисе, связанном с пагубным увлечением западной литературой, и стали тогда для Гоголя решающим побуждением ко включению в «Выбранные места...» письма «Близорукому приятелю». Послание, адресованное одаренному, способному юноше, неразумно увлекающемуся плодами новейшей односторонней мысли, показалось писателю необходимым ради предостережения от такой опасности других молодых людей.

Дополнительным важным аргументом в пользу того, что адресатом письма «Близорукому приятелю» был именно Самарин, может служить само содержание гоголевского послания – в сопоставлении его с биографическими данными, касающимися Самарина.

По приезду в Петербург короткое общение Юрий Федорович завязал только со Смирновой. Привычка делиться в общем кругу приятелей возникающими мнениями по тем или иным общественным вопросам, сложившаяся в Москве, почти не имела выхода – и письмо к Гоголю, вероятно, продиктовано было этой душевной потребностью доверить кому-то свое суждение. В одном из своих ранних писем из Петербурга, от начала февраля 1845 г., Самарин жаловался Аксакову: «Здесь решительно не с кем переговорить, даже поспорить. <...> ...Здесьний мыслящий человек получил другое воспитание, .. вся жизнь его, мысль, сочувствия, деятельность направлены не в ту сторону, в которую смотрим мы. Охота спорить пропадает...»³²

Далее в том же письме Самарин замечал: «Я занимаюсь теперь русскою историею и чувствую потребность воздержаться на время от общих выводов и общих построений; я хочу подвергнуть исследованию все наши положения: об отсутствии завоевания, об отсутствии аристократии, о значении личной власти и т. д. Для этого нужно пройти все источники русские и иностранные...»³³

По-видимому, переехав из Москвы в Петербург, мыслитель под влиянием новых впечатлений – вступив тогда в борьбу «с безмолвным, неосязаемым врагом», с искусительными «приманками» петербургской жизни – стал испытывать некоторые сомнения в верности недавно отстаиваемых славянофильских убеждений и вследствие этого предложил Константину Аксакову для их проверки обратиться не только к русским, но и к «иностранному» источникам.

Но именно за подобные колебания, за склонение к чуждым, не применимым к русской жизни западным воззрениям и упрекает Гоголь своего «близорукого приятеля»: «Россия не Франция; элементы французские – не рус-

³² [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 155.

³³ Там же. С. 156.

ские. <...> Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламосить его чужеземным навозом» (VI, 134).

В числе сходных черт, объединяющих Самарина с адресатом гоголевского назидания «Близорукому приятелю», обращает на себя внимание и содержащийся в нем упрек «приятелю» в схоластическом мышлении: «Ты горд чужим, мертвым умом, а выдаешь его за свой» (VI, 134). За пристрастие к схоластике Гоголь в те же годы многократно обличал друга Самарина, Константина Аксакова, имея в виду, в частности, «немецкий» стиль диссертации последнего о Ломоносове – «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Надо сказать, «схоластические», сходные недостатки собственной магистерской диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович...» сознавал в ту пору уже и сам Самарин. 2 октября 1844 г. он советовал Аксакову, заканчивавшему свое исследование о Ломоносове: «Воспользуйся моим опытом: избегай, по возможности, философской терминологии, а к тем словам, которых никак заменить нельзя, прилагай объяснение в скобках. Со всех сторон я слышу обвинения: зачем в моей диссертации так много иностранных, непонятных выражений»³⁴. Тем не менее окончательно от указанного недостатка Самарин в то время, очевидно, еще не избавился, чем и вызвал на себя критику Гоголя, поставившего его – по неизжитой приверженности славянофила-«любомудра» к схоластике – в один ряд с Константином Аксаковым.

Завершается послание «Близорукому приятелю» упреками адресату в гордости: «Ты горд – говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты горд; сторожи над собой и спасай себя от гордости...» (VI, 134). Сами по себе эти гоголевские строки свидетельствуют о том, что статья, обличающая «близорукого», неразумного приятеля в чтении «иностранных книг» и «английских журналов», была адресована не только западникам, но и славянофилам, – к числу которых принадлежал Самарин, – и даже относилась к последним в еще большей мере, чем к первым. В другой статье «Выбранных мест из переписки с друзьями», в письме «Споры», Гоголь отмечал: «...Дух гордости обуял обоими. Всякий из них уверен, что он окончательно и положительно прав... <...> Кичливости больше на стороне славянистов... <...> Разумеется, что таким строптивым хвастовством вооружают они еще более противу себя европистов, которые давно бы готовы были от многого отступить, потому что и сами начинают слышать многое, прежде не слышанное, но упорствуют, не желая уступить слишком раскозырявшемуся человеку» (VI, 52).

В заключительной статье «Переписки с друзьями» «Светлое Воскресенье» Гоголь восклицал: «Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. <...> Поразительно: в то время, когда уже было

³⁴ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 144.

начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду...» (VI, 201). Убеждая современников – и далеких от него западников, и близких ему «восточников» – в том, что только о христианской любви «следует» всем «заботиться», что только «она одна» есть «истинно верная и доказанная истина» (XV, 50) (ср.: 2 Фес 2: 10), Гоголь главное свое обличение обращал прежде всего к тем, кто был более способен его понять – к близким к христианству славянофилам.

Очевидно, именно поэтому, восставая против разъедающих общество гордости и кичливости, в последних строках адресованной Самарину статьи он настаивает на необходимости для «близорукого приятеля» пройти серьезное – очистительное – испытание: «Моли Бога

Михаил Петрович Погодин

о том... чтобы встретилась тебе какая-нибудь невыносимейшая неприятность на службе, чтобы нашелся такой человек, который сильно оскорбил бы тебя и опозорил... в виду всех... и разорвал бы за одним разом все чувствительнейшие струны твоего самолюбья. Он будет твой истинный брат и избавитель. О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!» (VI, 135).

Можно предположить, что, публикуя статью в книге, представляя самонадеянность «близорукого приятеля» на суд публики, Гоголь преследовал именно цель «разорвать», «за одним разом», «чувствительнейшие струны самолюбья» юного Самарина. Такую же «публичную оплеуху» получил, как известно, от Гоголя в «Переписке с друзьями» – в статье

«О том, что такое слово» – его друг и единомышленник историк М. П. Погодин, которого писатель укорил за профанацию заветных, одинаково важных и дорогих для них обоих христианских и славянофильских идей. Обиженный обличением, Погодин отвечал Гоголю: «Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив оплеуху в одну ланиту, подставлять со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи?» (XIV, 92) (см. также: XIV, 96, 137). Погодин, безусловно, имел в виду здесь не только прямо адресованное ему название в статье «О том, что такое слово», но и строки об «оплеухе» в статье «Близорукому приятелю».

На совершенно тождественное «обличительное» отношение Николая Васильевича к двум друзьям – Погодину и Самарину – говорит, в частности, в его книге и то, что в статье «О том, что такое слово», с критикой Погодина, и в статье «Близорукому приятелю», адресованной Самарину, он употреблял

ет один и тот же запоминающийся образ. О Погодине Гоголь пишет: «Тридцать лет *работал* и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорей,.. что ни находил на пользу просвещения... русско-го... И... ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом...» (VI, 21–22; курсив мой. – И. В.). «Близорукому приятелю» – Самарину – Гоголь выговаривает: «...Ты стремишься <...> быть похожим на тех государственных людей... которые имели в себе все для того, чтобы сделать множество добра, которые... *работали, как муравьи, всю свою жизнь*, и при всем том не осталось после них никакого следа...» (VI, 135; курсив мой. – И. В.).

Обличение в статье «Близорукому приятелю» Самарина, *патриотически* настроенного чиновника, в приверженности к *западным* мнениям, в свою очередь, абсолютно тождественно неизменному, на протяжении целого десятилетия, обличению в *западничестве* признанного *патриота* и радикального *славянофила* Константина Аксакова. Во всех этих критических выступлениях, адресованных Гоголем его друзьям и единомышленникам, сказывалась особая позиция писателя как славянофила-«государственника»³⁵ – мыслителя, противопоставляющего свой христианский, примирительный, «охранительный» образ мыслей взглядам оппозиционно, подчас воинственно и даже «революционно» настроенных приятелей. В конце 1845 г. Самарин не без горькой иронии писал Аксакову об их московских беседах: «Мы вели такие разговоры... что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении»³⁶.

Для понимания характера гоголевской критики в адрес славянофила Юрия Самарина особенности твердой, давней позиции Гоголя как славянофила-«государственника» имеют первостепенное значение. Вопреки распространенному мнению, будто писатель находился «между» противоборствующими течениями его времени³⁷ – «между стульями» западничества

³⁵ См. подробнее: Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69; Виноградов И. А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224.

³⁶ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 152. В свете высказывалось даже мнение о западных истоках славянофильского движения – мнение не совсем безосновательное. Западное славянофильство, прежде всего польское, возглавляемое А. Мицкевичем, свою главную цель полагало в отторжении от России Южной Руси (см. подробнее: Виноградов И. А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207). Об этом Самарин также сообщал Аксакову: «У <Д. П.> Бутурлина собраны были отцы отечества; за партией виста сказано было вот что: в Москве оказываются признаки вредного политического движения, зачинщиками в нем поляки, они умышленно затевают дело ко вреду России, а другие пристали к ним по глупости» ([Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 152).

³⁷ См., в частности: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. – Писатель. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 375.

и славянофильства, – Гоголь в действительности не только всецело принадлежал к стороне «восточников», но во многом и превосходил последних в духовном, религиозно-политическом, консервативном отношении. Известно, что славянофильству была присуща изрядная доля радикализма и оппозиционности. Не одобряя этих черт близкого ему по духу общественного течения, Гоголь, будучи еще более резким критиком западных воззрений, предъявлял определенные претензии и к некоторым представителям славянофильской партии – той партии, к которой в главном принадлежал сам. Возражая на оппозиционные настроения друзей, он, вслед за Н. М. Карамзиным и С. С. Уваровым, во главу угла славянофильства ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Именно это объясняет глубоко «охранительное» отношение Гоголя к российской государственности.

В статье «Споры» Гоголь замечал: «Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине» (VI, 51–52).

Сдержанная, рассчитанная на публичную огласку и умирение общественной вражды, эта гоголевская характеристика славянофилов и западников чаще всего приводится в доказательство того, что Гоголь будто бы находился «между» двумя течениями. Но в частном письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г., в котором Гоголь был свободен от соображений публичности, от задачи искоренения ненависти в обществе, он следующим образом уточнял свою характеристику западников: «...Ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые *частности* распространяют на *общее*, исключения выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, во всяком предмете видят *тело* его, а не *дух*, и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои суждения о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они сравнивают его. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда... многие из них сами обратились <бы> на истинный путь...» (XIII, 85–86).

Согласно этим строкам Гоголя, западникам, несмотря на относительную справедливость «их некоторых выводов», еще только предстоит обратиться на тот «истинный путь», по которому давно следуют славянофилы. Но в то же

время и «восточники», находящиеся на «истинном пути», по Гоголю, пока не обладают достаточным потенциалом для выполнения задачи общенационального строительства. Хотя и в меньшей мере, они тоже еще не дозрели для того, чтобы быть достойными проводниками «русского духа по русской земле» (XIII, 388). Процесс только в самом начале: «...Мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись...» (VI, 51). Для чаемого построения жизни по самобытным, православным началам сделано до сих пор крайне мало: «...Славянисты... хвастуны; из них каждый... найденное им зернышко раздувает в репу» (VI, 52). На эту скудость вклада славянофилов в общее дело, кстати сказать, указывал и Самарин в письме к Аксакову из Петербурга в Москву в феврале 1845 г.: «Мы еще ничего не доказали или очень немного; все, что мы утверждаем о нашей истории, о нашем народе, об особенностях нашего прошедшего развития, все это угадано, а не выведено»³⁸. Словом, хотя западники, несомненно, от истины дальше, однако мировоззрение и раздражающая многих скороспелая деятельность «славянистов» тоже еще не способны «внести в самые огрубелые души святыню» народной жизни – «вызвать нам... нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские» (VI, 196).

Самарин по прочтении в 1847 г. гоголевской «Переписки с друзьями»³⁹, возможно, понял, что адресатом статьи «Близорукому приятелю» был именно он. 4 марта (н. ст.) 1847 г. еще один из друзей Гоголя, славянофил Ф. В. Чижов, сообщал ему из Рима в Неаполь: «Самарин писал только одно, что получил вашу книгу, что благодарит вас, хоть говорит: „сильно хотелось бы поспорить“» (XIV, 222).

В феврале 1847 г. Самарин писал К. С. Аксакову из Риги: «Говорить ли о книге Гоголя? Она произвела на меня тяжелое и грустное впечатление, такое грустное, какого я давно не испытывал. Прочтя ее, я написал было длинное письмо, которого не послал и в котором почти слово в слово говорил то же, что ты. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная из всех гордостей, затемняет его сознание о его призвании. Слова его не ложатся в душу. <...> Как он всем стал чужд!»⁴⁰

В черновике неотправленного письма к самому Гоголю Самарин так передавал свое впечатление от его книги: «Это впечатление так неприятно

³⁸ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 156.

³⁹ Самарин получил книгу от Гоголя в середине января 1847 г., вероятно, через Ар. О. Россета, брата Смирновой. 29 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь, будучи за границей, писал П. А. Плетневу в Петербург, где выпускались «Выбранные места из переписки с друзьями»: «...Тот же час по выходе книги... отдай... Арк<адию> Россету три экземпляра с письмом» (XIII, 398). Упомянутое письмо Николая Васильевича к Россету не сохранилось, но о назначении экземпляров можно догадываться вполне определенно: они готовились для самого Россета, для его сестры Смирновой и, по-видимому, для Самарина.

⁴⁰ [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. С. 189–190.

и тяжело, что оно становится преградой между Вами и мною и мне было бы совестно скрывать его от Вас. С первых же слов Вашей книги меня как бы оттолкнули от Вас»⁴¹.

Так или иначе, но несомненно и то, что назидание Гоголя «Близорукому приятелю» носит не только личный, адресный, но и собирательный характер. Поскольку конкретному адресату, Самарину, Гоголь лично посылать его не собирался, то, создавая литературное послание, он, вероятно, придал ему более общий, универсальный характер – какие-то вопросы заострив, какие-то оставив без внимания. В литературный замысел вошло лишь то, что непосредственно касалось служебной деятельности Самарина, – и, в частности, совсем не было затронуто то, на что, прочитав статью Самарина, обращала в 1844 г. внимание Смирнова («...мне показалось, что более передумано об истине христианской, чем перечувствовано»; XII, 538). Можно сказать, что письмо Самарина послужило Гоголю лишь поводом для создания статьи. Аналогичным образом пространное гоголевское письмо к Смирновой об обязанностях губернаторши, которое было начато писателем 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге и закончено месяц спустя, 6 июля (н. ст.) 1846 г., в Карлсбаде, адресовалось, безусловно, не только самой Александре Осиповне, но всей России: отправленное адресату, оно, с названием «Что такое губернаторша», вскоре было включено Гоголем в «Выбранные места из переписки с друзьями» (письмо не было пропущено цензурой). Это же касается и других писем в этой книге.

Статья «Близорукому приятелю», будучи ответом на послание Самарина, тоже задумывалась Гоголем отнюдь не для одного конкретного лица: она в значительной мере адресовалась всем западникам – первоочередным сторонникам иностранных мнений, а также тем, кто так или иначе, из окружения Николая Васильевича и вне его, был заражен западным влиянием⁴². Именно западничество Гоголь называет в статье «взглядом современной близорукости», напоминая этим свой отзыв о западниках в письме «Споры» – о тех, что рассуждают о России, подойдя «слишком близко к строению», «говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами» (VI, 52). При этом очевидно и то, что, несмотря на собирательный характер статьи «Близорукому приятелю», ее создание было прямо связано с периодом кратковременной службы Самарина в Министерстве юстиции и, конкретно, с его статьей, посланной Гоголю в декабре 1844 г. через Смирнову.

⁴¹ Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 142. См. также: Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 620.

⁴² В 1847 г. в письме к Белинскому Гоголь отмечал: «...Мы все кто в лес, кто по дрова. Один смотрит в Англию, другой в Пруссию, третий во Францию. <...> <Как же не> образоваться посреди <такой разладицы вор>ам и всевозможным <плутням и неспра>ведливостям...» (XIV, 386).

Источники и литература

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. 522 с.
2. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 3. 1837–1841; 2018. Т. 4. 1842–1844; 2018. Т. 5. 1845–1847. 672 + 704 + 928 с.
3. Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.
4. Виноградов И. А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // *Studia Litterarum*. 2017. № 4. С. 182–207.
5. Виноградов И. А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1951. Т. 7. Мертвые души. П / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович. 435 с.
7. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
8. Ефимова М. Т. Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 135–147.
9. Комаровская А. В. Ю. Ф. Самарин. Университетские годы // Богословский сборник. Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ). Вып. 7. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 273–298.
10. [Лебедев К. Н.] Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1910. № 11. С. 353–376.
11. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. – Писатель. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 1. 616 с.
12. Самарин П. <Примечания> // Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. С. 135–443 (в тексте и подстрочных примечаниях).
13. [Самарин Ю. Ф.] Сочинения Ю. Ф. Самарина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1911. Т. 12. Письма 1840–1853. 478 с.
14. Скороходова С. И. Проблема власти и общества в работе Ю. Ф. Самарина «Князь» и ее влияние на представителей «московского направления» // Преподаватель XXI век. 2012. № 1. С. 266–275.

Лев Толстой и революция

«Религиозная» философия с нигилистической подкладкой

Христианство Толстого было недоразумением.
Он говорил о Христе, а имел в виду Маркса.

Освальд Шпенглер¹

Толстой – один из величайших гениев мировой художественной литературы. Если сразу после выхода в свет романа «Война и мир» читатели еще не поняли всё величие этого романа-эпопеи, то после блестящих статей о «Войне и мире» Н. Н. Страхова, смело назвавшего его роман шедевром мировой литературы, и особенно после выхода второго великого романа, «Анна Каренина», за Толстым прочно закрепилась слава выдающегося художника слова. А когда появились переводы главных романов Толстого на европейские языки, они получили всемирное признание, которое не ослабевает до сих пор.

Но познавшему славу писателя Толстому этого было мало: ему очень хотелось показать себя не только мастером художественной словесности, но и мыслителем. Уже в своих гениальных романах он время от времени пускался в философские рассуждения, хотя придирчивые критики находили, что эти размышления не слишком органично вписываются в повествовательную ткань произведений, а самые строгие из них писали даже, что эти «инкрустированные» размышления представляют собой самые слабые места замечательных романов. Тем не менее тот же Страхов, близкий к Толстому, вполне искренне считал, что великий писатель имеет способности к философскому мышлению, хотя отказывал в этом особом даре таким известным литераторам, как К. Д. Кавелин и М. Н. Катков².

Однако гениальный талант изобразительности трудно сочетался у Толстого с даром мышления. Мучительные поиски им смысла жизни привели к тому, что духовные искания практически вытеснили художественное творчество. Впрочем, ответами умозрительной философии Толстой также не собирався довольствоваться – у него не было склонности к метафизической философской мысли традиционного типа. Философию он понимал как ис-

¹ Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 201.

² Страхов Н. Н. Философские очерки. Изд. 2-е. Киев, 1906. С. IV.

кание разумных оснований мироустроения, правил нравственного поведения, и после драматического духовного переворота пришел к тому, что стал ощущать себя учителем праведной жизни, даже религиозным пророком.

Для России это не удивительно: как писал позже В. В. Розанов, «по количеству пророков Россия, конечно, есть самая пророчесственная страна...»³. Наши выдающиеся писатели очень часто, достигнув большого успеха в художественной литературе, начинали пророчествовать. Здесь Толстому было на кого равняться. Пророческие нотки звучали у Пушкина, Лермонтова, славянофилов, не говоря уже о позднем Гоголе времен «Переписки с друзьями». Рядом с Толстым были и Ф. М. Достоевский, выступивший в 1881 г. с пророческой речью о Пушкине, и Владимир Соловьев, который пророчествовал то о всемирной теократии, то о приходе Антихриста. Томился в забвении еще один, тогда совсем не признанный пророк, «страстный реакционер» К. Н. Леонтьев, который предсказывал самый мрачный ход мировой истории и нравился Толстому тем, как он «бьет стекла». И неудивительно, что у выдающегося писателя само собой вызрело желание примкнуть к этой характерной традиции русской литературно-философской мысли. Но пророки – первооткрыватели новых великих истин, и под пророческим духом подразумевается нечто оригинальное, небывалое и глубокое. Толстой же как мыслитель до положения «мудреца» своего времени явно недотягивает, прежде всего, по одной причине: его псевдопророческое учение – лишь вульгарная интерпретация Евангелия, которое он трактует слишком буквально и превращает в школу нравоучительного рационализма, сводя религию к этическим правилам разумно-здорового поведения.

Обычно представляют, что назидательно-проповеднические нотки зримо проявились у Толстого лишь после известного духовного поворота 1870-х гг. Однако, как это ни поразительно, замысел своего пророческого предназначения подспудно зрел в душе Толстого задолго до его религиозно-проповеднических трактатов. 4 марта 1855 г., задолго до «Войны и мира», когда ему не исполнилось и тридцати, и он еще заглядывал в церковь, Толстой сделал в дневнике такую важнейшую запись: ««Нынче я причащался. Вчера разговор о божест<венном> и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь»⁴.

Что же это за «громадная» мысль? Поразительным образом она совпадает с тем, к чему Толстой пришел и что попытался осуществить четверть века спустя после долгих и мучительных раздумий: «Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей

³ Розанов В. В. Когда начальство ушло. М., 1997. С. 404.

⁴ Толстой Л. Н. Дневник. 1855 г. // Толстой Л. Н. ПСС. Т. 47. С. 37.

будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»⁵. Создание на основе христианства новой мировой религии без мистики и чудес, дающей душевное равновесие в земной жизни, – это буквально то, что и попытался осуществить Толстой в последние десятилетия своей жизни.

* * *

Если посмотреть на религиозно-этическое учение Толстого, созданное им в начале 1880-х гг. с философской стороны, то оно сразу наводит на мысль об отсутствии глубины и самостоятельности мысли.

В деистической философской системе Толстого признается Бог, который рассматривается лишь как некое отвлеченное высшее начало, Творец мира, установивший его законы, но остающийся по отношению к человеку чем-то внешним и совершенно непознаваемым. Никакой связи между человеком и Богом, согласно Толстому, быть не может (вспомним, однако, что само латинское слово *religio* и означает «связь»). Знание «мира иного» нам не дано, и поэтому мы остро нуждаемся в таком мировоззрении, которое позволит нам жить, не впадая в отчаяние от ее бессмысленности, т. е. религия рассматривается исключительно как форма морального самосовершенствования в мире, путь к жизненному благу. Таким образом, рационалистическая «вера» Толстого, ничего не знающая о бессмертии и искуплении, отвергающая чудеса и таинства, является скорее не религиозным, а моралистическим учением, сводом этических наставлений для праведной жизни, лишь имитирующей внешние признаки религии. Даже авторы предисловия к религиозно-философским трактатам Толстого в Полном собрании его сочинений прямо указывают на это внутреннее противоречие взглядов Толстого: «Итак, толстовская “вера” – только синоним силы жизни, осмысленного существования, условие сознающей свое назначение деятельности»⁶.

Легко убедиться также, что и относительно новизны религиозно-философское учение Толстого не представляет собой ничего оригинального: это эклектическая смесь самых разных идей. Все религии, как он убеждает своих читателей, говорят об одном и том же. Не случайно сам Толстой обнаруживает точки соприкосновения своего «мироразумения» с учениями Сократа, Конфуция, Будды, Шопенгауэра и прочих вселенских мудрецов. Даже дружески расположенный к Толстому Страхов четко указывает в письме к И. С. Аксакову на сектантскую принадлежность мировоззрения писателя-проповедника: «Затем, в догматическом отношении он, конечно, большой еретик; он квакер в практическом учении и унитарий в метафизическом»⁷. Американские квакеры, как сообщает сам

⁵ Толстой Л. Н. Дневник. 1855 г. // Толстой Л. Н. ПСС. Т. 47. С. 37.

⁶ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 23. С. X.

⁷ И. С. Аксаков и Н. Н. Страхов. Переписка. М.; Оттава, 2007. С. 135.

Толстой в трактате «Царствие Божие внутри вас», прислали ему свои книги, брошюры и журналы, из которых он увидел, что секта квакеров практикует учение о непротивлении злу насилием уже двести лет. Что же касается унитариев, или антитринитариев, отвергающих, как и Толстой, концепцию Троицыного Бога (Пресвятую Троицу), они существуют как еретическое направление со времен арианства.

Религиозная сторона учения Толстого находится в несомненной зависимости от философии протестантизма. Многие идеи он черпал, как следует из его переписки со Страховым и В. В. Стасовым, из сочинений Г. Арнольда, Л. Тишендорфа и других лютеранских теологов. Кстати, именно по этой причине религиозное учение Толстого имело несравненно большую популярность в протестантских странах Западной Европы и в Америке, нежели в России.

Вера Толстого в Бога имеет несомненную пантеистическую окраску: она ограничивается признанием высшего начала как некоего повелевающего абстрактного «Хозяина» и души, сливающейся после смерти с мировым целым.

Через пессимизм Шопенгауэра, черпавшего вдохновение в буддизме, Толстой пришел к изучению восточной философии, обратившись к сочинениям Лаоцзы и других восточных мудрецов. Учение Толстого о непротивлении злу насилием, его опора на нравственный закон, взгляды на бессмертие и индивидуальность (точнее, его очевидный пессимизм и вытекающая из него проповедь отречения от недостойной действительности, обожествление небытия, а также подчеркнутый имперсонализм), как и его аскетические тенденции, перекликаются скорее с буддистской, чем с христианской философией. Можно говорить о созвучности многих идей Толстого, выраженных, в частности, в трактате «О жизни», с метафизическими идеями буддизма.

Учение Толстого, который последовательно убирал из мировоззрения все иррациональное, имеет также сходство и с позитивизмом. В 1885 г., в беседе с учителем детей И. М. Ивакиным, Толстой вспоминает о встрече с последователем философии Конта неким В. Фреем (псевд. В. К. Гейнса). Огюст Конт, как известно, провозгласил себя первосвященником «Религии Человечества» – «новой религии» без Бога, исповедовавшей «культ Человечества», служения людскому благу. Сам Толстой определяет собственное мирозерцание как похожий на взгляды Фрея и Конта религиозный позитивизм: «Видите, позитивизм есть разный. Есть научный – вот это Литтре, Вырубов, а то есть религиозный, воззрения которого близки к моим!»⁸ Религиозность здесь, как и в случае философии Конта, весьма условная: подобно Конту и другим позитивистам, Толстой опирался исключительно на «разумение», т. е. на рассудок.

Наконец, этический радикализм «христианского» по своим внешним признакам мировоззрения Толстого с его полным отрицанием государственных

⁸ Ивакин И. М. Воспоминания о Толстом // Серия «Литературное наследство». Т. 69: Лев Толстой. М., 1961. Кн. 2. С. 77.

институтов, власти, армии и Церкви во имя свободы личности обнаруживает определенное сходство с анархизмом воинствующего атеиста-революционера Михаила Бакунина. Николай Бердяев утверждал в 1907 г., что отрицающий государство и культуру Толстой – самый последовательный и самый радикальный анархист, и заявлял даже (не без одобрения), что «революционный анархизм Бакунина бледнеет от сравнения с анархическим учением Л. Толстого»⁹.

Таким образом, религиозно-философское учение Толстого представляет собой не единую систему воззрений, а эклектическую смесь самых разнообразных и неоднородных, преимущественно заимствованных идей, не последнее место среди которых занимают нигилистические элементы.

* * *

Уже сама сердцевина нравственного учения Толстого – не плод самостоятельной работы мысли, а прямое заимствование из Нагорной Проповеди с очевидной тенденцией к ее полному упрощению. В богословской литературе не раз подчеркивалось, что отражающая нравственное учение Христа Нагорная проповедь – не свод моральных истин, исполнение которых, согласно Толстому, является высшим благом человеческой жизни, а нравственное основание целостной системы христианской веры в вечную жизнь и Царствие Небесное. Но проповедующий любовь «пророк непротивления», не знающий Божией благодати и не признающий Креста, сводит глубочайшее содержание Нагорной проповеди к букве прописных истин, неукоснительное исполнение которых он представил в виде основного закона жизни в вере.

Религиозно-этическое учение Толстого самым подробным образом изложено в его сочинениях, прежде всего в таких, как «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1882), «В чем моя вера?» (1882–1884), «Исследование догматического богословия» (1884), «Царство Божие внутри нас» (1890–1893).

Из этих сочинений видно, что Толстой подошел к изучению вопроса о религии и вере очень основательно. Он «перелопатил» огромное количество литературы, добыть которую ему с готовностью помогали многие и особенно преклонявшиеся перед его талантом сотрудники Императорской публичной библиотеки Н. Н. Страхов и В. В. Стасов. Изучив Священное Писание, Толстой отверг Ветхий Завет, но пришел к выводу, что христианское учение, изложенное в Евангелиях от Матфея, Иоанна, Луки и Марка, содержит бесценные зерна подлинной веры. Однако для того, чтобы выявить учение во всей полноте и ясности, он посчитал абсолютно необходимым очистить зерна от плевел. Толстой остался недоволен традиционным переводом Нового Завета и решил свести воедино изложение евангельских событий и истин в собственном переводе.

⁹ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб. 1907. С. 139.

Это был, конечно, очень самонадеянный поступок. Составляя собственный евангельский свод, который явно по цензурным соображениям получил скромное название «Соединение и перевод четырех Евангелий», Толстой стремился избавить евангельский текст от затуманивающих, по его мнению, смысл наслоений, дать простое и ясное учение, понятное народу. При всем великом уважении к гениальному романисту, «Евангелие Толстого» (а именно так зачастую называли занявшегося не своим делом еретическое творение великого писателя) представляет собой нечто совершенно курьезное.

Забавные детали о том, как Толстой заново «переводил» Евангелие, можно почерпнуть из страниц воспоминаний И. М. Ивакина¹⁰. Не церемонясь с текстом и специально выискивая с помощью этого учителя классических языков (сам писатель «знал мало по-гречески») такие значения слов, которые должны были подтвердить его взгляды, «религиозный реформатор» решительно убирал все, что касалось чудес. Ивакин вспоминал: «Иногда он прибегал из кабинета с греческим Евангелием ко мне, просил перевести то или другое место. Я переводил, и в большинстве случаев выходило согласно с общепринятым церковным переводом. „А вот такой-то и такой-то смысл придать этому нельзя?“ – спрашивал он и говорил, как хотелось бы ему, чтоб было... И я рылся по лексиконам, справлялся, чтобы только угодить ему, неподражаемому Л. Н...»¹¹. Толкования Церкви были для Толстого неубедительны, и он давал свои. Так, вместо «логоса» он использовал термин «разумение» (или, точнее, «разумение жизни»), и вывел предельно рационалистическое определение Создателя: «Разумение есть Бог». Не признавая «возвестившего о благе» Иисуса Христа воплотившимся Богом, он усердно счищал с евангельского текста «чудесный налет» в духе Штрауса или Ренана и подгонял перевод под свое учение. В то же время Толстой был наивно уверен, что добился высокой точности: «Это такая точность, никакому Страхову не уступит»¹².

* * *

Но наиболее интересное произведение из проповеднических книг Толстого – его «Исповедь» (1879–1882). В ней на конкретных жизненных эпизодах раскрывается противоречивый духовный путь писателя, в то время как остальные религиозно-философские «трактаты» наполнены весьма спорными и категоричными рационалистическими суждениями или начетническим выискиванием в евангельских текстах таких высказываний, которые противоречили бы современной ему церковной практике. Толстой считал

¹⁰ Ивакин И. М. Воспоминания о Толстом // Серия «Литературное наследство». Т. 69: Лев Толстой. М., 1961. Кн. 2. С. 21–124.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Там же. С. 42.

себя человеком верующим, и путь его к вере, как он ее понимал, был тернист и крут. На этом пути он решительно отвергал то, чему раньше поклонялся. В своем искании Бога он отрекся даже от художественного творчества, определив его как занятие пустое и праздное.

Надо отметить, что Толстой прилагал огромные усилия, чтобы найти истину, и он отверг церковное богословие и православную веру не сразу. Но общение с церковными иерархами и крупными богословами не дало ему ни малейшего удовлетворения, да и не могло удовлетворить ввиду его крайнего рационализма. Толстой остался совершенно глух к самым основам Православия, изложенным хотя бы в Символе веры. Он никак не мог уразуметь идею Пресвятой Троицы, «Единосущной и Нераздельной», с наивностью и упрямством доказывая ее абсурдность с точки зрения здравого смысла. Соответственно он отрицал и божественность Христа, а это уже означало скрытую духовную катастрофу: так как вся «религиозная» постройка его «христианского» учения, созданная титаническим усилием ума и воли, жидлась на песке безверия. Не осознавая этой трагедии, Толстой с энергией, присущей его могучей творческой личности, и с категоричностью, присущей скорее пропагандисту, нежели серьезному мыслителю, пустился во все тяжкие, проповедуя свое учение и «разоблачая» Церковь, которая, по его мнению, вопреки заповедям Христа, слишком срослась с государством.

Впрочем, существуют мнения, что на самом деле подлинный духовный рост Толстого отразился в его «Дневнике», а «Исповедь» – всего лишь пропагандистское сочинение, в котором жизненный путь Толстого показан как его последовательное восхождение к своему религиозно-этическому учению.

Главное, что взял Толстой у Христа, – проповедь *любви и непротивления злу насилуем*. Однако постепенно и не очень заметно эта проповедь все более принимала характер антигосударственной политической агитации, в которой он сближался с диссидентской деятельностью сектантов и политических оппозиционеров, революционеров-нигилистов. Правда, революционеры отрицательно относились к идеям Толстого из-за неприятия им насилия как метода социальной борьбы. Толстой действительно на словах отвергал насильственные действия. Но в то же время свое учение о «непротивлении злу насилуем» он использовал как мощную ударную силу, с помощью которой надеялся победить нестроения этого мира.

Много говоря в своих статьях-проповедях о любви и непротивлении, Толстой на деле агрессивно выступал против властей, разрушая опоры государственности. У Толстого, в глубине души претендовавшего на создание новой религии или, по крайней мере, на «правильное» истолкование христианской веры, появилось огромное количество восторженных почитателей. Но было у новоявленного «пророка» и немало идейных противников, в том числе среди тех, кто восторгался его гениальными романами. Разногласия проникли и вглубь семьи. Видя нигилистическую подоплеку его проповеднических

сочинений, С. А. Толстая в 1892 г. писала мужу с упреком: «Погубишь ты нас всех своими задорными статьями. Где же тут непротивление и любовь?»¹³ А позже она прямо писала в «Дневнике» об одной из новых художественных работ писателя: «...дальше будет опоэтизирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует»¹⁴.

* * *

Справедливости ради следует признать, что при всех очевидных противоречиях Толстой скорее все же был искренен в своих духовных исканиях. И если ему и был присущ грех гордыни, как об этом убедительно пишут многие из его современников, то он таился в глубинах его противоречивой души. Главная особенность учения Толстого состояла в том, что оно имело религиозную форму, и он выступал перед людьми как человек *верующий*. Помимо искренности и убежденности Толстого, его учение привлекало жаждущих веры своей простотой. Страстно убеждая людей строить свою жизнь по воле Бога, он своим нравственным примером делал многих людей лучше и благороднее. Невольно прислушиваясь к искреннему голосу Толстого, даже бывшие радикалы и атеисты начинали проникаться христианским духом. Толстой много сделал для усиления религиозных настроений среди интеллигенции. Помимо толстовцев, верных последователей моралистического учения, иногда даже более ортодоксальных, нежели сам Толстой, интерес к его идеям испытывали многие известные в литературном мире люди, среди которых могут быть упомянуты, например, Н. С. Лесков, Н. Н. Страхов, В. В. Стасов, М. А. Новоселов, М. О. Меньшиков, С. Н. Дурылин. Однако огромный авторитет, который приобрел Толстой как учитель и проповедник, был бы невозможен без того огромного нравственного и эстетического влияния, которое продолжали оказывать его гениальные художественные произведения.

Правда, следует отметить и еще одну очень важную составляющую небывалого успеха его проповеди в обществе. Русское культурное общество второй половины XIX в. было настроено очень либерально, а среди значительной части молодежи царили и более радикальные настроения, вплоть до жажды революционных преобразований в духе социализма. Получилось так, что эти нигилистические настроения подпитывались в пропагандистской деятельности Толстого, призывы которого к преобразованию общества путем морального совершенствования на деле представляли собой поощрение бунтарства.

В процессе формирования своего учения Толстой, следуя букве евангельского текста в собственной интерпретации, последовательно отверг все основные социальные институты. Он отверг Церковь, которая не устраивала его непонятными для него догматами и таинствами, а также слишком тесными

¹³ Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 490.

¹⁴ Дневник Софьи Андреевны Толстой. 1897–1909. М.: Север, 1932. С. 242.

связями с государством. Он отверг и государство, которое, по его мнению, было антихристианским, так как опиралось на насилие. Он отверг армию на том пацифистском основании, что войны, убийство противоречат христианскому учению. Наконец, автор гениальных романов отверг даже искусство как праздное занятие, ничего не дающее для нравственного совершенствования.

Внешне проповедуя христианское учение, Толстой выработал анархистско-нигилистическое учение, неуклонно следуя которому он стал активным противником Церкви и государства. Великий писатель использовал свою всемирную славу для проповеди бунта и неповиновения.

* * *

Самой реакционной личностью, олицетворением ретроградства и своим основным идейным противником Толстой, подобно многим, считал обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Их первое столкновение состоялось в 1881 г., после убийства террористами Царя-Освободителя. Победоносцев отказался передать по просьбе Н. Н. Стрехова, с которым был знаком, письмо Толстого наследнику престола Александру III с просьбой о помиловании убийц. Позже он объяснил причину отказа Толстому так: «...прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос»¹⁵.

Победоносцев после религиозного поворота Толстого не раз высказывался о его новых взглядах, о которых был хорошо осведомлен, крайне отрицательно. Так, он писал графу Д. А. Толстому 26 декабря 1882 г.: «Граф Толстой в последние годы вдруг переменял еще раз свою фантазию, впал в религиозную манию. Это разрешилось совершенным его отчуждением от христианства в смысле верования. Он составил перифраз Евангелия с комментариями, исполненными цинизма, в котором, опровергая и учение о личном божестве и о божественности Христа Спасителя, проповедует христианскую мораль в рационалистическом смысле»¹⁶.

Толстой часто отзывался о Победоносцеве как о главном виновнике всех бед России. Одна из самых резких характеристик содержится в его письме к Николаю II, отправленном в Петербург в декабре 1900 г.: «Вы, наверное, не знаете и одной тысячной тех ужасных, бесчеловечных, безбожных дел, которые творятся вашим именем. <...> Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю, – Победоносцевым»¹⁷. Хотя эти страстные слова осуждения в ос-

¹⁵ Цит. по: Толстой Л. Н. ПСС. Т. 63. С. 59.

¹⁶ Государственный литературный музей. Летописи. Кн. 12. М., 1948. С. 208.

¹⁷ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 72. С. 516.

новную редакцию письма не вошли, они вполне выражали отношение Толстого к обер-прокурору Св. Синода.

Не имея прямого доступа в печать из-за цензурных запретов и одновременно чувствуя свою безнаказанность, Толстой считал подобные критические письма к официальным лицам одним из наиболее действенных форм выражения своих социальных протестов. Такие письма редко становились достоянием печати, в отличие от его публицистических статей и книг, печатавшихся за границей или размноженных на гектографе в огромном количестве экземпляров. Ответы на свои письма от высокопоставленных лиц Толстой также получал далеко не всегда, но эти письма укрепляли Толстого в чувстве значимости своей общественной деятельности. Сочинения Толстого становились все нетерпимее к властям и церкви, и почти все они подвергались цензурным запретам. С 1880-х гг. вышло огромное количество литературы, показывающей антиправославный и нигилистический характер учения Толстого. Но это не помогало, так как запрещенная литература привлекала к себе повышенный интерес и расходилась подпольно в огромном количестве экземпляров. Власти не знали, как поступить со всемогущим писателем-бунтарем.

В феврале 1901 г. на заседании Св. Синода было принято вынужденное решение отлучить Толстого от Церкви. В советское время было принято считать, что инициатором отлучения Толстого был именно К. П. Победоносцев. Так, даже в Полном собрании сочинений Толстого, в предисловии к тому писем за 1901 г. утверждается: «По инициативе Победоносцева и с благословения Николая II синод приказал предать имя Льва Толстого, „еретика и веротступника“, „проклятию и анафеме“»¹⁸. Однако это совершенно не соответствует действительности. Во-первых, отлучение, или анафема, не есть проклятие. Определение Св. Синода лишь заявляло от лица Церкви, что сам Толстой своими произведениями и своей общественной деятельностью поставил себя вне православной Церкви. Во-вторых, Победоносцев, который действительно крайне отрицательно относился к деятельности Толстого, не был инициатором осуждающего постановления. Что же касается царя, он, согласно исследованиям, даже не был поставлен в известность о работе по созданию акта отлучения и, следовательно, не был сторонником крайних мер по отношению к взбунтовавшемуся писателю. А умный, рассудительный Победоносцев не мог не понимать, что в результате запретных мер популярность Толстого после этой меры только вырастет. Было очевидно, что власти не хотели скандала.

Бывший чиновник особых поручений при Св. Синоде, миссионер В. М. Скворцов в категорической форме засвидетельствовал в 1915 г., что Победоносцев инициатором отлучения Толстого не был: «Для меня лично не представляет сомнения, что К. П. Победоносцев не был ни инициатором,

¹⁸ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 73. С. XXVI.

ни сторонником отлучения от Церкви “яснопольского философа-богоборца”¹⁹. Подробно разобрав историю отлучения, Скворцов сообщал, что Победоносцев заявлял уже после более раннего предложения священника И. Фуделя запретить служить панихиду по Толстому (тяжело болевшему в то время): «Мало еще шуму-то около имени Толстого, а ежели ему теперь, как он [о. И. Фудель – В. Ф.] хочет, запретить служить панихиду и отпевать Толстого, то ведь какая подымется смута умов, сколько соблазну будет и греха с этой смутой? А по-моему, тут лучше держаться известной поговорки: не тронь...».

В печати велась обличительная кампания по адресу церковной власти, которая-де боится открыто высказать свое отношение к еретичеству великого писателя. Непосредственным толчком к синодальному акту, как пишет Скворцов, послужил доклад Д. С. Мережковского «Отношение Льва Толстого к христианству» на заседании Философского общества Санкт-Петербургского Императорского университета, где он обличал писателя за то, что в основу своих этических воззрений он полагает идею земного счастья и благополучия, и особенно шумная защита Толстого от этих нападок лектора со стороны либерального священника Григория Петрова. Инициатива об издании акта 20–22 февраля 1901 г., как заявил Скворцов, исходила от первенствующего члена Св. Синода митрополита Антония (Вадковского) «и совершенно неожиданно и в настойчивой форме». Победоносцев после решения, принятого членами св. Синода, лишь написал проект синодального постановления. Был выпущен правительственный циркуляр о запрещении печатать в газетах телеграммы и известия о выражении сочувствия отлученному от Церкви гр. Л. Н. Толстому. 24 февраля в Москве состоялась грандиозная демонстрация в поддержку Толстого. Отлучение, как и предполагал Победоносцев, имело обратный эффект. С. А. Толстая писала в «Дневнике»: «Бумага эта вызвала негодование в обществе, недоумение и недовольство среди народа. Льву Николаевичу три дня делали овации, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы, письма, адреса»²⁰. Опальный кумир либерально настроенной публики был буквально вознесен до небес и стал символом социального протеста, своего рода некоронованным королем.

Эту необычную ситуацию выразительно обрисовал в своем «Дневнике» 29 мая 1901 г., через три месяца после отлучения Толстого, Алексей Суворин: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Тол-

¹⁹ Скворцов М. К истории отлучения Л. Н. Толстого // Колокол. 1915. № 2850. 10 ноября. С. 1–2.

²⁰ Толстая С. А. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 15.

стой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост»²¹. Последняя фраза – не преувеличение ради красного словца. Власти явно пребывали в растерянности. Толстого можно было бы отправить в ссылку, но репутация «апостола правды», которая и без того была чрезвычайно высока, выросла бы настолько, что это не могло не привести к опасному росту антигосударственных настроений. Тем более что сам Толстой был готов и даже стремился пострадать за идею: он осознавал, что репрессии еще более вознесли бы его в глазах либерально настроенного общества.

Одним из наиболее действенных мероприятий, которые предпринимал Толстой, по-прежнему были его критические письма к официальным лицам. 16 февраля 1902 г. Толстой обратился к царю с длинным письмом-прошением, именуя монарха «любезный брат» – он мотивировал это тем, что обращался «не столько к царю, сколько к человеку и брату»²². Письмо было направлено прежде всего против политики насилия. Толстой уверял, что самодержавие является отжившей формой правления, что православие устарело и «наиболее духовно развитые люди народа» отступают от него и подвергаются преследованиям. Он свидетельствовал о нищете и голоде народа, о всеобщем недовольстве правительством и враждебном отношении к нему, о религиозных гонениях, о запретах цензуры. Толстой требовал от имени «русского народа» прекратить административный произвол, насилие и гонения и уничтожить право земельной собственности и признать землю общим достоянием, передать фабрики и заводы в общее пользование рабочих. Толстой выступал как бы противником революции: он уверял, будто отмена земельной собственности «уничтожит всё то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу и правительству». Предлагая царю «вступить на новый путь жизни», Толстой как бы выступает с предупреждением об опасности, но на самом деле поощряет недовольство. Письмо было передано Николаю II, однако ответа на него Толстой, естественно, не удостоился. Это письмо-воззвание, известное лишь в черновике, является убедительным свидетельством той огромной роли, которую играл Толстой в развитии революционной смуты накануне смуты 1905 г.

Под видом евангельского проповедника Толстой неумоимо обличал существующий строй и призывал к революции. Его сочинения, расходившиеся огромными тиражами, представляли особый соблазн именно потому, что разрушительная пропаганда велась в форме христианской проповеди. Более того, Толстой неизменно заявлял, что он является противником насильственных

²¹ Суворин А. С. Дневник. Пг., 1923. С. 82.

²² Толстой Л. Н. ПСС. Т. 73. С. 185–191.

действий, и тем самым привлекал не только оппозиционно настроенных политиков-радикалов, но и жаждущую подлинной веры молодежь.

Поэтому власти были поставлены перед необходимостью показать, что псевдорелигиозное учение Толстого не имеет ничего общего не только с православием, но и с настоящим христианством вообще. Литература против Толстого лилась почти непрерывным потоком, но она была бессильна одолеть авторитет великого писателя, снискавшего ореол гонимого пророка. Критика, запреты и преследования не только не остановили Толстого, но и добавили ему сил в борьбе против существующего строя. На протяжении последнего десятилетия своей жизни Толстой, купаясь в неофициальной, т. е. настоящей народной славе, неустанно обличал правительство, бичуя его постыдную политику репрессий.

Эта слава только усиливалась из-за того, что революционная риторика имела пристойный вид евангельской проповеди философии любви и непротivления злу. В этом отношении идеи Толстого чрезвычайно противоречивы. В своих сочинениях он убеждал, что отрицает революционный путь преобразования мира, и, видимо, действительно верил, что лишь «духовная революция» в соответствии с его учением способна принести избавление обществу от «зла» и предотвратит «революционную бурю». Но Толстой не желал замечать, что носители «зла» в его учении и в прокламациях революционеров были схожи. И чем отчетливее слышался гул приближающихся революционных битв, тем настойчивее он выступал с проповедью непротivления злу насилем. Толстой призывал «одуматься», «опомниться», имея в виду сторонников революционного насилия... Только парадокс заключался в том, что чем громче кричал Толстой о «непротivлении», тем сильнее звучали в его речах призывы к недовольству и неповиновению.

Провозглашенный Толстым путь ненасильственной «духовной» революции был многими услышан, но накануне революционной смуты 1905 г. наибольший резонанс в обществе получили именно обличительные идеи Толстого.

11 марта 1910 г. Толстой с явным сочувствием отзывался в «Дневнике» о революции 1905 г. и, предвидя неизбежность новых социальных потрясений, оправдывал их: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. <...> И вытравить это сознание уже нельзя. И что же делает наше правительство, стараясь подавить неистребимое сознание претерпеваемой неправды, увеличивает эту неправду и вызывает все большее и большее злобное отношение к этой неправде...»²³

1 ноября 1905 г., когда вся Россия озарилась пламенем пожаров, музыкальный и художественный критик Владимир Стасов послал Толстому восторженное, как всегда, письмо, в котором торжественно объявлял его пророком разразившейся в России революции:

²³ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 58. С. 24.

«Я поспею сказать вам в настоящую минуту только еще одно: приходило или нет вам в голову, что все нынешние торжественное освобождение России от самодержавия, деспотизма вековечного и безобразия постыдного происходит – по завету никакому иному, как ВАШЕМУ? Приходило Вам это в голову или нет? А между тем – это именно так, и история однажды запишет это на своих скрижалях какими-то бриллиантовыми буквами. Не вы ли всегда учили, не вы ли указывали на единственную возможность освободиться от всех человеческих бедствий, безумий и несправедливостей, насилий и варварств (военной службы, налогов, тюрем, палачей, каторг, судов и т. д. и т. п. – вся процессия человеческих мерзостей) – остановкой своей деятельности, своим неучастием во всем подобном, своим отказом? Новая Россия нынче освобождается этим способом, которому никто не хотел было верить, все думали до сих пор, что это только фантазия, мечты, бред воображения, идеальности. Но вышло, что вы ПРОРОК И ПРОВИДЕЦ: наше освобождение именно по вашему слову и указанию совершается... И оттого-то русская революция и переворот таковы, каковых до сих пор еще никогда не видано и не слышано»²⁴.

Здесь сразу вспоминается, по аналогии, конечно, знаменитая статья Ульянова-Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Однако, по мнению Ленина, Толстой – не один из творцов революции, а лишь ее «зеркало», только отражение противоречий крестьянства, мешавших осуществлению радикальных целей революционной партии. Более того, коренной пункт Толстого о «непротивлении злу насилием» Ленин выставляет как причину поражения революции 1905 г. Но критикуя Толстого как «помещика, юродствующего во Христе», Ленин констатирует, что Толстой «отразил накипевшую ненависть» народа к власти.

* * *

Поздний Толстой – прежде всего не художник слова, не философ, а публицист. В 1870-е гг. Толстой настоятельно рекомендовал Страхову не погружаться в журнально-газетную критику с ее приземленностью и пошлой суетой. Но в последние десятилетия своей жизни, забыв об этих советах, сам с головой ушел в антиправительственную и антицерковную журналистику на злобу дня.

Один из типичных примеров – статья «Не могу молчать» (1908), в которой Толстой в очередной раз выразил гневный протест против череды смертных приговоров. Обращаясь к властям, Толстой открыто писал в обличительном тоне: «Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей

²⁴ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878–1906. <Л.>: Прибой, 1929. С. 382–383.

степени»²⁵. Публицист Михаил Меньшиков, испытывавший прежде влияние толстовства, опубликовал в «Новом времени» фельетон «Лев Толстой как журналист». В нем он в резкой форме критиковал Толстого за то, что писатель променял свой выдающийся талант художника на заурядную риторику оппозиционной журналистики: «Не могу молчать» – просто слабо написанная, не волнующая, не убедительная статья... Самый плохой сорт писаний великого беллетриста – его газетная публицистика. Тут он почти никогда не выше посредственности, часто ниже ее. О таланте Толстого в этой области не может быть и речи. По раздраженному тону, по анархизму банальных идей, по партийной озлобленности, по ожесточенной ненависти к “правительству” и “попам”, Лев Толстой падает иногда до какого-нибудь плебея мысли... В истории литературы, в истории просвещения будет известен романист Лев Толстой. О том же, что он писал, кроме беллетристики, религиозные, философские, политические статьи, будут знать разве лишь академики из усидчивых крохоборов»²⁶.

Еще сильнее подверг Меньшиков критике писателя в написанной через месяц статье «Толстой и власть», где он трактует вполне диссидентские идеи Толстого как «подговор к насилию» и делает вывод о неполной искренности апологета непротivления: «Стало быть, если Толстой настаивает на том, чтобы правительство воспользовалось своей властью для отмены земельной собственности, то он допускает в этом случае все самые чудовищные формы насилия, которые столь сурово осуждает. Выходит, что он осуждает лишь то насилие, которое идет против его идей, а то, которое стоит за его идеи, он признает. Но ведь это то же самое, что признают обыкновенные революционеры. Куда же девалась у Льва Николаевича знаменитая заповедь о непротivлении злу насилием?»²⁷ Меньшиков, как и многие другие критики публицистики писателя, обращает внимание на явное расхождение между проповедуемой Толстым философией «непротivления» и практическим воздействием на общество его статей.

Лев Толстой ответил на эту статью Меньшикова письмом в самом смиренном тоне, словно поставив себе цель проиллюстрировать на этом примере идею христианской любви к врагам.

В отличие от Меньшикова, друг и восторженный почитатель Толстого Н. Н. Страхов, расхопившийся с ним по многим вопросам, до конца своих дней ценил нравственный пафос жизни и творчества Толстого. Он так и умер в надежде, что христианское учение гения литературы приведет бунтующую молодежь и либеральную интеллигенцию к вере. Но дальнейший ход событий ясно показал, что упования Страхова были беспочвенны: на деле Тол-

²⁵ Толстой Л. Н. ПСС. Т. 37. С. 91.

²⁶ Меньшиков М. Лев Толстой как журналист // Новое время. 1908. № 11614. 11 июля.

²⁷ Меньшиков М. Толстой и власть // Новое время. 1908. № 11642. 10 августа.

стой под личиной христианства неуклонно вел русский народ к революции. И это очень скоро подтвердилось.

Сейчас, когда восторжествовал либеральный «плюрализм мнений», а Церковь давно отделена от государства, нередко делаются попытки оправдать еретические сочинения позднего Толстого. В частности, приводится довод, что писатель един, и механическое деление его творческого наследия на части, а его цельной личности на «художника» и мыслителя» вряд ли правомерно. Признавая гениальными художественные творения Толстого, следовало бы, мол, по достоинству оценить или хотя бы более терпимо отнестись и к его религиозной публицистике. Ставится вопрос и об отмене, во имя свободы и справедливости, постановления Св. Синода об отлучении Толстого от Церкви.

Конечно, жизненный путь и творческое наследие Толстого должны изучаться как единое целое, и в этом смысле несколько обойденные вниманием в атеистическую эпоху религиозно-этические трактаты писателя заслуживают большего интереса исследователей. Однако основательное знакомство с поздними моралистическими сочинениями Толстого позволяет сделать вывод, что они не читаются именно ввиду своих сомнительных религиозно-философских и публицистических достоинств и все-таки не идут ни в какое сравнение с классическими литературными шедеврами писателя.

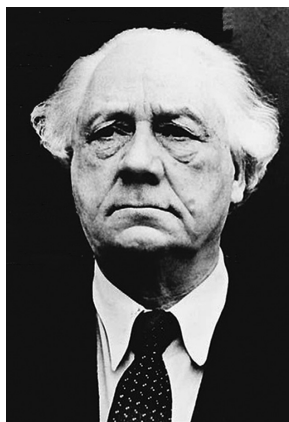
Что же касается отлучения, то трудно не согласиться с детально изучившим этот вопрос священником Георгием Орехановым, который заявляет, что «вовсе не синодальное определение отлучает Л. Н. Толстого от вечной жизни, а его собственные взгляды, его собственное неверие в эту вечную жизнь»²⁸. Отмена отлучения была бы неуважением к самому писателю, который сознательно ушел из Церкви, и нарушением его прижизненной воли.

Источник: ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ, № 2, 2017. С. 325-344

²⁸ Ореханов Георгий, священник. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 603.

Федор Августович Степун и его мысли о России

Федор Августович
Степун

Среди яркого созвездия имен русских религиозных мыслителей Серебряного века, оказавшихся в эмиграции, имя Федора Августовича Степуна – одно из самых уважаемых и авторитетных. Ф. А. Степун – религиозный философ, близкий В. С. Соловьеву и В. И. Иванову, прозаик, литературный критик, мемуарист, автор прекрасных воспоминаний о предреволюционной России, публицист, раскрывший в своих статьях феномен большевизма.

В памяти современников Степун остался как «русский европеец»¹, «европеец в лучшем смысле этого слова» (Л. Зандер), «сказитель, мудрец, прорицатель, псалмопевец, актер трагического и комического действия» (Е. Жиглевич), «философ-артист» (Н. П. Полторацкий), «знаток театра, посвященный во все мистерии сцены, экрана и актерского искусства» (А. В. Штаммлер), «блестящий лектор, блестящий публицист, блестящий собеседник» (М. Вишняк), «убежденный христианин» (Л. Зандер). Близко общавшийся со Степуном в последние годы его жизни А. В. Штаммлер видел в нем пример научного деятеля, который, «стремясь к наиболее возможной объективности, всегда сознавал преднаучные предпосылки научного знания»². Крупнейший отечественный исследователь творчества Ф. А. Степуна А. А. Ермичев определяет его философское мировоззрение как «христианский персонализм» – «убеждение, что все христианство существует только в личности и через личность и что только благодаря христианству индивидуум становится личностью»³.

В наше время вышло несколько избранных сборников сочинений философа⁴, но двуязычное наследие его (значительная часть трудов Степуна написана

¹ «По всему своему существу он был от головы до ног олицетворением того не очень распространенного человеческого типа, который называется русским европейцем – определением, в котором прилагательное столь же важно, как и существительное» (Штаммлер А. В. Ф. А. Степун // Русская философско-религиозная мысль XX в. / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 329).

² Штаммлер А. В. Ф. А. Степун // Русская философско-религиозная мысль XX в. / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 323.

³ Ермичев А. А. России // Ф. А. Степун. Чаемая Россия / сост. и послесловие А. А. Ермичева. СПб., 1999. С. 343.

⁴ Степун Ф. А. Чаемая Россия / сост. и послесловие А. А. Ермичева. СПб., 1999; Он же. Портреты / сост. и послесловие А. А. Ермичева. СПб., 1999; Он же. Сочинения / сост., вступ. ст., примеч. и библиограф. В. К. Кантора. М., 2000.

по-немецки⁵) еще не вернулось на родину в достаточно полном объеме. Огромный архив Степуна, вобравший в себя рукописи, переписку и документы последних двух десятилетий его жизни, находится в Йельском университете в США. Несмотря на ряд серьезных современных отечественных исследований⁶, творчество мыслителя в целом нуждается в более углубленном изучении⁷. В частности, это касается такой актуальной темы, как восприятие им России и русской религиозной философии. Степун был не только зорким свидетелем русского религиозно-философского ренессанса и Февральской революции 1917 г., но и одним из самых активных участников этих событий. Специфичность подхода Степуна к познанию России определяется как его русско-немецким происхождением, так и своеобразием его жизненного и духовного пути. Хотя некоторые моменты его биографии были типичными для целой плеяды русских изгнанников (высылка из Советской России в группе религиозных мыслителей и последующая активная философская и писательская деятельность в эмиграции), однако путь Степуна во многом является уникальным и заслуживает особого внимания.

* * *

Фридрих Август Степун (Friedrich August Steppuhn) родился 6/19 февраля 1884 г. в Москве в лютеранской дворянской семье немецкого коммерсанта Августа Степуна, выходца из Восточной Пруссии, и литовки Марии, происходившей из шведо-финского рода Аргеландеров. Именно мать, с детства «взволнованная Россией», влюбленная в русскую классику (Ф. М. Достоевского), приобщила детей к миру русской культуры, театра и к православию, а в 1895 г. настояла на крещении сына в Православной Церкви.

Свое «благоуханное», «благословенное» и «щедрое деревенское детство» в родительском имении в Кондрово Калужской губернии Степун вспоминал как «райские видения» ушедшей навсегда России. Только такой и осталась бы Россия в памяти мыслителя, «не сорвись русская жизнь со своих корней, не вскипи она на весь мир смрадными пучинами своего вдохновенного окаянства. <...> Но Русь сорвалась, вскипела, „взвихрилась“»⁸. В разыгравшейся русской трагедии Степун всегда видел и остро переживал и свою вину перед Россией.

После окончания Московского реального училища при евангелической лютеранской церкви св. Михаила в Лефортово, определяя свое жизненное поприще,

⁵ *Stepun F. Der Bolschewismus und die christliche Existenz*, München, 1959; *Stepun F. Dostoevskij und Tolstoj. Christentum und soziale Revolution*, München, 1961.

⁶ Федор Августович Степун / под ред. В. К. Кантора (сост., вступ. ст., общ. ред. тома). М., 2012. Там же библиография (с. 365–390); *Пашкина Е. Г.* Журнал «Новый Град» в идейно-политической жизни русской эмиграции. Диссертация канд. ист. наук. М., 2008.

⁷ Характерно, что самая полная монография о философе вышла на немецком языке: *Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945*. Berlin: Lukas Verlag, 2001.

⁸ *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся / Послелс. Р. Гергеля. 2-е изд., доп. СПб., 2000. С. 11.

талантливый юноша колебался в выборе между университетом, Училищем живописи и ваяния и театром. В 1901 г., почти год отбывая воинскую повинность как вольноопределяющийся, он с сожалением замечал, что первый военный сбор остался в памяти «бесконечным пикником», а он и его юные товарищи в то время «ощущали русскую историю „профетически“ как грядущую революцию» и «были преступно равнодушны к славе своей родины», по-книжному считая Кутузова бессмертным лишь потому, что он был гениально изображен в романе Л. Н. Толстого⁹. В мемуарах Степун назовет русскую армию той силой, которая могла спасти Россию на краю бездны в 1917 г. Он напишет проникновенные строки о ее доблестных офицерах, которые «такою страшною ценою заплатили за грехи прошлого», и смело возвысит свой голос против «всех злостных хулителей русской чести»¹⁰.

Избрав делом жизни философию, Степун, как и многие молодые российские интеллигенты начала XX века (Б. Кистяковский, Б. Яковенко, Б. Пастернак, О. Мандельштам и др.), отправился в Германию, где изучал философию, право, историю искусств и литературы и др. науки в Гейдельбергском университете, имевшем тогда, наряду с Марбургом, славу одного из двух крупнейших центров неокантианства.

Многолетний друг Степуна Лев Александрович Зандер (1893–1964), прошедший сходный путь от студента Гейдельберга до религиозного философа-эмигранта, передает общие настроения начала века, вспоминая, как в Гейдельберг молодые русские философы «ехали с психологией паломников», за мудростью. Спустя много десятилетий он напишет: «Как могли мы просмотреть, что подлинной страной философии, мудрости, логоса является Россия? Как могли мы первородству христианской мудрости Востока предпочесть рационализм бесплодной немецкой науки?»¹¹ Многим отечественным мыслителям поколения Степуна и Зандера обрести подлинную «духовную Русь» помогли страшные катастрофы, которые они пережили вместе с Россией с 1914 г.

Старинный Гейдельбергский университет, основанный еще в 1386 г., поразил юношу «своим идилически-аскетическим духом». Знаменитый немецкий профессор Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) настойчиво, «почти насильнически» стремился вовлечь начинающего философа «в круг методологических вопросов неокантианства», «не без инстинктивного протеста» с его стороны, но не подарил близких душевных отношений, к которым так стремился русский студент. По замечанию Степуна, Виндельбанд, заявивший, что «его личные убеждения не являются предметом университетских занятий»¹², был «типичным немецким профессором своей эпохи, т. е. преподавателем научной дисциплины, и только», тогда как русский студент «приехал в Европу разгадывать

⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. 2-е изд., доп. СПб., 2000. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 70–71.

¹¹ Зандер Л. О Ф. А. Степуне и о некоторых его книгах // Степун Ф. А. Письма [сост., археогр. работа, коммент., вступ. статьи к тому и разделам В. К. Кантора]. М., 2013. С. 612.

¹² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 182.

загадки мира и жизни»¹³. Впоследствии Степун так объяснял видимую бездушность и неискренность в поведении знаменитого профессора, которая сильно ранила и удивляла его в первые месяцы учебы: «Русская интеллигентская культура сознательно строилась на принципе внесения идеи и души во все сферы общественной и профессиональной жизни, в то время как более старая и опытная европейская цивилизация давно уже привыкла довольствоваться в своем житейском обиходе простою деловитостью»¹⁴.

Вторым важным центром притяжения в Германии для юноши из интеллигентной семьи стала знаменитая Гейдельбергская социалистическая читальня, вобравшая в себя массу т. н. «партийного студенчества» – множество членов социалистических и революционно-демократических партий, тесно связанных с политической эмиграцией. Вместе с другими завсегдатаями читальни молодой Степун увлеченно слушал речи тогдашних кумиров революционно настроенной молодежи: Клары Цеткин, Абрама Гоца и др. Как он свидетельствует в воспоминаниях, «наша компания беспартийных москвичей сблизилась с такою чуждой по началу средой западно-русского социалистического еврейства, но совсем своими мы в этой среде так до конца и не стали»¹⁵. Именно тогда, в Гейдельберге, мыслитель познакомится и подружится с Ильей Исидоровичем Фондаминским (1880–1942), членом эсеровской партии, прошедшим впоследствии большой путь от революции к православию и сыгравшим важную роль в его жизни. Хотя сам Степун никогда не состоял в эсеровской партии, у него возникнут «сложные отношения с партийцами», которые продолжатся в России (особенно бурно с марта по октябрь 1917 г.) и в эмиграции, но осмыслить их с христианской точки зрения он сможет лишь спустя много десятилетий.

Тогда же, в 1905 г., в самый разгар кровавой русской революции, Степун и другие русские студенты «без малейшего раздумья над правильностью нашего поведения <...> помогли читалке добывать нужные ей для революции деньги <...> в пользу эсеров, эсдеков и Бунда». Лишь в вынужденном изгнании Степуна посетит «страшная мысль», «что во всем, что случилось с Россией», виноваты не только партийные революционеры, «но и мы», их бескорыстные добровольные помощники¹⁶. Вспоминая, как М. Горький в 1905 г. собирал среди именитых русских промышленников деньги на революцию, т. е. на «собственное уничтожение», Степун много лет спустя признает, что «все наше революционное движение было каким-то сплошным бредом, <...> поветрием, некоторой эпидемической болезнью сознания, которая заражала и подкашивала всех, кто попался ей на пути»¹⁷.

Как признается Степун, мы, русские студенты, знали русскую философию много хуже немецкой. Тогда же в Гейдельберге молодой философ неожиданно

¹³ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 89.

¹⁶ Там же. С. 91.

¹⁷ Там же. С. 47.

увлекся немецким романтизмом (Новалисом, Шлегелем, поздним Шеллингом) и мистикой Майстера Экхарта, Плотина и Рильке. Это увлечение не только определило его отход от Канта, философия которого казалась чужеродной всему душевному и умственному строю русского мыслителя, но и подготовило сретение с русской философией¹⁸, пробудив интерес к В. Соловьеву, ранним славянофилам, направив к знакомству «с русскими религиозными философами (Бердяев, Булгаков), а затем и с теоретиками символизма (Вячеслав Иванов, Андрей Белый)»¹⁹. В итоге своего восьмилетнего обучения в Германии Степун написал диссертацию об историософии В. С. Соловьева, «основанной на идее самопожертвования»²⁰. На родину он вернулся «горячим идеалистом» и антимарксистом. Важно заметить, что в отличие от многих известных современников – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, П. Б. Струве, Г. П. Федотова и др., прошедших путь «от марксизма к идеализму», Степун никогда не был марксистом, даже в студенчестве не пережив этого соблазна.

По возвращении в Россию в 1910 г. вместе с бывшими товарищами по университету С. И. Гессеном, Н. Н. Бубновым, Б. В. Яковенко и др. Степун создает многоязычный философский журнал «Логос», задачу которого он видел в «подведении методологического фундамента под научно, по нашему мнению, <...> малоозабоченную русскую философию».

Руководитель издательства «Мусагет» «великолепный» Эмилий Карлович Метнер (1872–1936), символист и германофил, увлеченный мыслью «о сближении русской и немецкой культур»²¹, поддержал молодых философов. Степун и его друзья, выпускники и «выученики немецких университетов», возвратились на родину «с горячей мечтой послужить делу русской философии». Однако понимали они философию в новоевропейском смысле – «как верховную науку», «единую во всех ее эпохальных и национальных разновидностях». Безусловно, такое понимание противоречило традиционному московскому типу философствования, идущему еще от первых славянофилов, который рассматривал философию как «сверхнаучное», «религиозное исповедничество» и переживавал в начале XX в. несомненный ренессанс.

Выразителями такого типа философствования и оппонентами создателей «Логоса» стали религиозные философы, группировавшиеся вокруг книгоиздательства М. К. Морозовой «Путь»: В. Ф. Эрн, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, священник Павел Флоренский и др. В своих воспоминаниях Степун с наслаждением и ностальгией, как о лучшем времени своей жизни, пишет о том, как накануне Великой войны воевали друг с другом приехавшие из Германии «логосовцы»

¹⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 116–117.

¹⁹ Неопубликованные материалы из архива Ф. А. Степуна / публ., вступ. статья и коммент. Р. Берда // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 143–157 (то же: Портал «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/63/n23.html> (дата обращения: 20.03.2017).

²⁰ *Stepun F. Wladimir Ssolowjew. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig: Eckardt, 1910.*

²¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 208.

и «потомки старых славянофилов». «Философствуя „от молодых ногтей“, мы были твердо намерены постричь волосы и ногти московским неославянофилам. Не скажу, чтобы мы были во всем не правы, но уж очень самоуверенно принялись мы за реформирование стиля русской философии»²².

Полемика двух философских школ касалась самых насущных вопросов философской культуры начала XX в. Самый активный из «путейцев», «непримиримый враг неокантианства» В. Ф. Эрн утверждал, что сотрудники «Логоса», «апологеты научной философии, оторванные от антично-христианской традиции», не имеют права «тревожить освященный Евангелием термин, еще не потерявший своего смысла для православного человека»²³. В статье «Нечто о логосе, русской философии и научности» (1910 г.) Эрн ставит риторический вопрос: «Что общего между „Логосом“ Музагета и Логосом, имеющим свою определенную, более чем двухтысячелетнюю историю в философском сознании человечества?» Первый «Логос» для Эрна целиком исчерпывается учением неокантианства, являющегося последним выражением западного «антикультурного» начала – рационализма и меонизма, т. е. отрешенности от сущего. Сравнительный анализ «объективно-божественного Логоса» и безрелигиозного «рацио» приводит Эрна к очень интересным выводам, раскрывающим «коренную религиозность» и персонализм русской философии. Подвергая критике само понятие «научной философии», проповедуемое авторами журнала «Логос», Эрн подмечает, что статья Степуна «Трагедия творчества», опубликованная в этом органе «научной философии», вовсе не является трансцендентальной и научной. А участников «Логоса», зачарованных меоном «научной» философии, называет мечтательными романтиками неосуществимой «научности»²⁴.

Уже после публикации своих критических статей, вызвавших бурную и интересную дискуссию, тридцатилетний В. Ф. Эрн, посетив редакцию «Мусагета» и познакомившись со своими идейными противниками, писал жене 14 сентября 1910 г.: «Они ужасно все молодые, зеленые, увлеченные. <...> Я бы гораздо больше их щадил, если бы знал их лично. И даже любят Россию и православные! Скрывать патриотизм свой – их тактика»²⁵. Другой видный «путеец» С. Н. Булгаков в письме к В. Ф. Эрну от 19 марта 1912 г. выражал уверенность в том, что «неокантианские штаны свои Яковенко и Степун, по-моему, разорвали окончательно и обречены на новые искания»²⁶. В отношении Ф. А. Степуна это шуточное замечание, несомненно, оправдалось.

²² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 218–219.

²³ Там же. С. 200.

²⁴ Эрн В. Ф. Нечто о логосе, русской философии и научности // Он же. Сочинения. М., 1991. С. 72–108.

²⁵ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 280–281.

²⁶ Там же. С. 450–451. См. также: Голлербах Е. А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 346–356.

Если более последовательный неокантианец Б. В. Яковенко мог позволить себе утверждать, что «религиозная философия есть концепция, принесшая с собою человечеству слишком много зла и несчастия», то Степун из всех сотрудников «Логоса» оказался наиболее близким русской мысли. Он проявлял глубокий интерес к деятельности своих оппонентов. Философ регулярно публиковал содержательные рецензии на новые книги «путейцев», с детальным критическим анализом, искренне приветствуя главную задачу «Пути» – способствовать религиозно-национальному возрождению России.

Обращению Степуна к русской тематике способствовало и его сближение с русскими символистами Андреем Белым и Вячеславом Ивановым, сотрудничество с символистским журналом «Труды и дни». В «Логосе» он пишет рецензии на символистские издания, в частности, на сборник статей Вячеслава Иванова «По звездам», где стремится раскрыть романтические корни эстетического мирозерцания поэта-мыслителя (1910, № 1). Влияние символистской поэзии и философии Иванова Степун будет испытывать до конца жизни.

Статью «Жизнь и творчество», опубликованную в русском издании «Логоса» (1913, кн. 3–4), Степун считал своим «программным» сочинением: в ней он «расчищал себе подступы к тому типу философствования, который некогда называли философией жизни, а ныне именуется экзистенциализмом»²⁷.

Анализ тематики и содержания статей и рецензий, опубликованных Степуном в журнале «Логос» в предвоенные годы, показывает, что распространенное в историографии мнение о нем как типичном представителе русского неокантианства нуждается в серьезном уточнении. Уже в этот период он более интересуется немецким романтизмом и русским символизмом, а русская философия становится для него важнее западноевропейской, в частности, неокантианской.

Характерно, что в воспоминаниях Ф. А. Степун, при всех оговорках и ссылках на горячность и легковесность суждений своего главного оппонента, все-таки признает правоту Эрна²⁸. Только сам пережив такое трагическое событие, как Мировая война, Степун в эмиграции убедится, что «экзистенциальная философия является в России искони единственной формой философии». Он придет к выводу, что «для русского мыслителя, как и для русского человека вообще, философствовать – всегда значило по правде и справедливости устроить жизнь, нудиться Царствием Небесным, что и придавало всем философским прениям тот серьезный, существенный и духовно напряженный характер, которого мне часто не хватало в умственной жизни Западной Европы»²⁹.

Как деятельный член «Бюро провинциальных лекторов», по протекции влиятельного модернистского критика Ю. И. Айхенвальда он в предвоенные годы объездил почти всю Россию. Описание Степуном жизни интеллигенции в довоенной России давно признано одним из самых художественно ярких и фило-

²⁷ Неопубликованные материалы из архива Ф. А. Степуна...

²⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 200–201.

²⁹ Там же. С. 205.

софски глубоких проникновений в русскую жизнь начала XX в. Несмотря на свой республиканско-демократический пафос, Степун не может скрыть нежности и умиления, говоря о «царской России», «которая при всем своей деспотизме» «в духовно-культурной сфере никому ничего не приказывала»³⁰. Эта ушедшая в небытие Россия была удивительно «богата по особому заказу скроенными и сшитыми людьми», ни в чем не похожими ни на «стандартизированного человека западноевропейской цивилизации», ни на нового человека большевистской России – «этой первой в новейшей истории фабрики единообразных человек»³¹. Каждый небольшой штрих, тонкое наблюдение превращается под пером мыслителя в глубокую, не уступающую Шпенглеру культурософию.

Сегодня часто цитируются слова Степуна: «До чего широко, радушно, празднично и одновременно полно жили мы в старой России!». Намного реже вспоминают другую его мысль: «Хорошо мы жили в старой России, но и грешно»³². Интересно, что первая цитата относится к описанию жизни Степуна на Башне Вяч. Иванова, одного из главных выразителей культуры и жизнотворчества Серебряного века, к которому Степун всегда сохранял восторженно-благоговейное отношение благодарного ученика к учителю. Но именно Башня Иванова и стала тем центром органической и артистической культуры, который нес в себе семена грядущего хаоса³³. Неоднократно возвращаясь в своем творчестве к воспоминаниям о встречах с Вяч. Ивановым и другими деятелями Серебряного века, мыслитель отмечал, что «духовная элита жила и творила в какой-то искусственной атмосфере. <...> В мыслях той эпохи было много выдумки, в чувствах – экзальтации, в историософских построениях будущего – много отвлеченного конструктивизма. Все гадали по звездам и не верили картам и компасам. Всей эпохе не хватало суровости, предметности и трезвости»³⁴.

Взгляд Степуна на предреволюционную Россию интересен тем, что наряду со светлыми сторонами русского ренессанса начала XX в. он обращает внимание и на его темные стороны, на тот «хаос и распад», «мистико-эротически-революционный аккорд», который годами «растлевал душу интеллигентско-писательской среды»³⁵. В предвоенные годы среди творческой богемы «с невероятной быстротой размножались эстетствующие чувственники, проповедники

³⁰ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 214.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 238.

³³ О Башне Вяч. Иванова см., напр.: Гаврилов И. Б. Жизнотворчество русского символизма в культуре Серебряного века: Башня Вячеслава Иванова в свидетельствах современников (1905–1907) // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Гуманитарные науки. Научный журнал. Вып. 4 (55). СПб.: СПбГИЭУ, 2012. С. 205–212; Он же. Между Христом и Дионисом: философия символизма Вяч. Иванова в культуре Серебряного века // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Гуманитарные науки. Научный журнал. Вып. 4 (47). СПб.: СПбГИЭУ, 2011. С. 64–72.

³⁴ Степун Ф. А. Вячеслав Иванов // Он же. Сочинения. М., 2000. С. 733.

³⁵ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 245.

мгновений и дерзаний. <...> Всюду царствовало одно и то же: беспочвенность, беспредметность, полет и бездна. „Над бездонным провалом в вечность, Задыхаясь, летит рысак...“³⁶. Цитируемое Степуном известное стихотворение А. Блока «Три послания» было написано в 1908 г. Философ, хотя лично и не встречался с Блоком, испытал влияние его поэзии, которой в эмиграции дал суровую христианскую оценку. Несчастье Блока он видел в том, что тот «до конца оставался духовно-беззащитным романтиком-мечтателем». По мнению Степуна, даже лучшие стихи поэта о России «застилает дым и даже чад любовнически-мечтательного пламени». Но и в этой строгой оценке поэта, увидевшего «в большевизме русского чародея», Степун остается верен себе, отказываясь обвинять и осуждать Блока, «своими предсмертными страданиями так страшно искупившего духосмесительные грехи своей жизни и своего творчества»³⁷.

* * *

С самого начала Великой войны призванный на военную службу, тридцатилетний прапорщик Степун уже в октябре 1914 г. оказывается на Галицийском фронте. Будучи боевым офицером, он прошел войну вместе с простыми русскими солдатами. Спускаясь в солдатские землянки, он не только видел там темный, необразованный мир, но и одновременно ощущал, что поднимается «на какую-то высоту». Именно на войне этот богемный интеллигент, далекий, по собственному признанию, от народнического поклонения русскому крестьянству, пришел к убеждению, что «„варварство“ русского мужика много ближе к подлинным высотам культуры, чем среднеинтеллигентская образованность»³⁸. В своих мемуарах Степун назовет войну 1914 г. «величайшим преступлением перед Богом и людьми»³⁹. Непосредственным же откликом молодого мыслителя и писателя на пережитые им трагические события стал автобиографический эпистолярный роман «Из писем прапорщика-артиллериста», впервые опубликованный в журнале «Северные записки» (1916, № 7–9).

Как и значительная часть русского образованного общества, от неожиданно разразившейся Февральской революции Степун «ждал расцвета религиозной жизни в освобожденной от синодального омирщения патриаршей Церкви <...> и превращения русской интеллигенции из ордена революционной борьбы в созидательную национальную силу»⁴⁰. Эти надежды на революцию не оправдались, и большая часть русской интеллигенции пережила крайнее разочарование. Оказавшись в революционном Петрограде, Степун вместо чаемого им торжества народного духа, «прилива исторического бытия», увидел «законченную картину разнужданности, скуки и пошлости»⁴¹.

³⁶ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 248–249.

³⁷ Там же. С. 223–224.

³⁸ Там же. С. 281.

³⁹ Там же. С. 280.

⁴⁰ Там же. С. 404.

⁴¹ Там же. С. 324.

Революционная волна Февраля вынесла молодого офицера с демократическими взглядами на гребень политической жизни. Он занимает должность начальника политического управления при военном министерстве. По-видимому, решающим импульсом, вовлекшим философа в круговерть политической борьбы, стало знакомство с Борисом Викторовичем Савинковым (1879–1925), известным террористом-эсером, «прирожденным диктатором», автором «глубоко захватившего» Степуна романа «Конь бледный»⁴².

По натуре своей не бывший политиком, Степун оказался летом 1917 г. в гуще революционного Петрограда. Почти ежедневно общаясь с вождями Февраля, он оставил живые наблюдения, глубокие выводы, и сегодня привлекающие внимание всех, кто стремится понять, что же произошло в те роковые дни с Россией. Осмысливая трагические события 1917 г., пытаясь ответить на вопрос, «чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей Февраля, или большевистская» «за победу зла в мире»⁴³, Степун никогда не снимал вины с себя.

Осознав свою политическую непригодность, чудом спасшись из «страшно-го» и «призрачного» Петрограда в первые дни октябрьского переворота, Степун возвращается в родную Москву и решает отойти от политической борьбы. Однако, по его собственному признанию, помимо его воли вся его «дальнейшая жизнь встала под знак борьбы с большевизмом»⁴⁴. Еще в 1918 г. философ определил большевистский дух как «сатанократию». Большевистская Россия «без колокольного звона», «ни во что не верящая», отрекшаяся от прошлого, представлялась ему «невыносимой пошлостью»⁴⁵.

В первые месяцы после октября 1917 г., благодаря своей дружбе с Фондаминским, Степун еще печатал свои статьи в правоэсеровской газете «Возрождение». В этих статьях он, как и многие другие русские писатели в это время (например, Вяч. Иванов), сетовал на безрелигиозность русского освободительного движения, призывал интеллигенцию «к покаянию, к трезвости и конкретности», выражал надежду, что большевистская власть скоро падет, но не верил в то, что она может быть свергнута⁴⁶.

В голодные годы военного коммунизма Степун продолжал выступать с публичными лекциями, участвовал в открытых диспутах, пока это еще было возможно. В качестве центральной темы своих выступлений он нередко выдвигал идею, что «трагические события наших дней, в которых жизнь становится подлинною жизнью, велики не тем новым, что они рождают в социально-политической жизни, а тем, что открывают нам возможность восхождения от быта через события к бытию»⁴⁷. Абсолютное бытие из возвышенного предмета философ-

⁴² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 414–415.

⁴³ Там же. С. 311.

⁴⁴ Там же. С. 405.

⁴⁵ Там же. С. 404.

⁴⁶ Там же. С. 473

⁴⁷ Там же. С. 518.

ского созерцания превращалось в понимании философа в единственную опору повседневной жизни. Даже неверующим открывался смысл молитвы о хлебе насущном, железные «буржуйки» «ощущались священными очагами жизни», в привычных предметах проступали «заложённые в них первоидеи». В этом новом апокалипсическом свете становилось возможным различить, чем «подлинный философ отличается от профессора философии, <...> коренной русский человек от случайного по Руси прохожего»⁴⁸.

После нескольких месяцев работы по протекции А. В. Луначарского заведующим репертуаром и помощником режиссера в «Показательном театре Революции» Степун был изгнан из него В. Э. Мейерхольдом «за реакционную идеологию и эклектически-упадочный репертуар», «непонимание сущности пролетарской культуры». Характеристика Степуном пролетарского театра, как и театрального искусства в целом, – это отдельная очень интересная тема. Здесь уместно кратко сказать об отношении Степуна, воспитанного в традициях русской классической культуры, к новому, т. н. пролетарскому искусству, в котором он видел полную противоположность русским православным ценностям.

В искусстве футуристов, искажающих образ Божий в человеке, Степун видел прямое отражение большевистской революции «с ее футуристическим отрицанием неба и традиции, с ее разрушением <...> русского языка и заменой его интернациональным ревжаргоном». Еще в предреволюционные годы, по его замечанию, футуристы «зачинали великое ленинское безумие»⁴⁹. В речи талантливого Мейерхольда Степун услышал «типичный образец революционного футуризма», «слова кубистически-преломленной марксистской идеологии». На примере главного вождя футуристов В. Маяковского философ показывает глубокую созвучность большевистских декретов и «футуристической стихии», объединенных общей бакунинской верой, «что страсть к разрушению есть подлинно творческая», «созидательная страсть». Степун полагал, что признание большевиками футуризма в качестве полноценного художественного выражения духа октябрьского переворота является очень важным фактом для «уразумения основной сущности большевистской стихии»⁵⁰.

После изгнания из театра мыслитель бежит из голодной Москвы в «богохранимую» Ивановку – подмосковное имение родителей своей жены, превращенное в «трудовую семейную коммуну». Он навсегда сохранит в душе благодарность «ивановской жизни», которая раскрыла ему «исконную связь между родящей „насущенный хлеб“ землей, честным, „в поте лица своего“ трудом и таинством брака». До конца жизни философ был убежден, что «без уразумения этой связи преутоньшенному современному человеку невозможно дорасти до светлой старости и покорного приятия смертного часа».

⁴⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 459–460.

⁴⁹ Там же. С. 400.

⁵⁰ Там же. С. 493.

Одним из первых в России почувствовав, что получившая в Европе большой резонанс книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» тесно связана с русской философией, Степун вместе с Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком и Я. М. Букшпаном выпускает в 1922 г. в московском издательстве «Берег» сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы», сыгравший судьбоносную роль в его жизни.

В книге Шпенглера, «завладевшей умами образованного московского общества», он услышал «пророческую тревогу за Европу». В отличие от Шпенглера, Степун не верил в неизбежную гибель Европы. Как христианский мыслитель он «ощущал историю не царством неизбежных законов, а миром свободы, греха и подвига»⁵¹. Знарок творчества Степуна А. Штаммлер полагал, что, хотя Степун и находился некоторое время под сильным влиянием историософии Шпенглера, он тем не менее «всегда отвергал представление немецкого мыслителя о том, что русский дух в своих корнях абсолютно противоположен европейскому»⁵². Уже в эмиграции, продолжая внутренний диалог с немецким мыслителем, Степун напишет о том, что Шпенглер очень хорошо понял характерное для современного мира «восстание вооруженных европейской цивилизацией народов на душу Европы», однако в качестве выхода предлагал европейцам римски-героическую позу презрения к жизни и приятия смерти. Полемизируя с ним, русский философ видел единственный выход в «углублении христианской памяти европейской культуры, в творческом оживлении ее христианских корней»⁵³. Степун признавался, что ждал в это время «отрезвления Европы» и даже «оживления христианской совести Запада», пробужденной мученическим подвигом Русской Церкви, питал надежду, что после «срыва большевизма в Европе начнется руководимое Россией духовное возрождение»⁵⁴.

В. И. Ленин увидел в изданном Степуном сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» «литературное прикрытие белогвардейской организации». Был подготовлен план высылки группы ученых и мыслителей за границу. Вместе с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, И. А. Ильиным, Л. П. Карсавиным, Н. О. Лосским, П. А. Сорокиным, С. Л. Франком и др. в список высылаемых попал и Степун. Вызванный, как и остальные участники высылки, к следователю ГПУ для ответа на вопросы об отношении к советской власти, учению Маркса и Ленина и эмиграции, Степун решает честно высказаться как «неподкупный созерцатель происходящих событий». В своих письменных ответах он как гражданин заявляет о лояльности к советской власти, но как философ определяет большевизм тяжелым заболеванием народной души. Российский марксизм считает «захватившей народную душу лжеверой», а не отвлеченной философской доктриной. Именно в таком восприятии марксизма российским народным сознанием

⁵¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 514.

⁵² Штаммлер А. Ф. А. Степун... С. 329.

⁵³ Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // *Он же*. Сочинения. М., 2000. С. 498.

⁵⁴ *Он же*. Бывшее и несбывшееся. С. 514.

и заключалась причина его победы в России. Особенно широко известны стали слова Степуна об эмиграции, отразившие настроение большей части выслаемых в 1922 г. ученых, не желавших покидать родину. По его убеждению, оставаться у постели тяжело больной матери России было «естественным долгом всякого сына».

Так закончился самый драматический период в жизни философа, «пять безумных лет» под властью большевиков. Вспоминая эти годы под шум навсегда уносящего его из России поезда, пролистывая их в памяти, Степун писал: «Чем дальше я листаю их, тем дальше отодвигается от души приближающаяся ко мне разумная Европа, тем значительнее вырисовывается в памяти удаляющаяся от меня безумная Россия»⁵⁵.

* * *

Судьбы высланных деятелей культуры сложились на Западе по-разному. С внешней стороны жизнь Степуна выглядела вполне благополучной. В отличие от тысяч образованных русских эмигрантов, оставшихся не у дел, он нашел свое место в университетской жизни Германии, хотя и был в 1937 г. отстранен нацистским режимом от преподавания за христианские убеждения. Но не меньшее значение, нежели преподавательская деятельность, в его жизни имели участие в ведущих журналах эмиграции «Современные записки», «Новый град», работа в Студенческом Христианском Движении, а также приносившее Степуно большую творческую радость и немаловажный заработок чтение публичных лекций о России и русской культуре по городам Германии.

Сложность положения человека, высланного в 1922 г. из советской России, Степун очень точно раскрывает в письме В. И. Иванову, выехавшему в Европу на два года позднее: «... Не все здесь достаточно понимают, что пребывание на территории советской России отнюдь не есть еще пребывание в большевиках»⁵⁶. В этом же письме он раскрывает и свое личное устремление – получить место доцента по истории русских духовных течений в одном из немецких университетов, и свое основное желание от публицистики вернуться к философии религии. Еще более определенно высказывается Степун о своих творческих планах в письме парижскому другу И. И. Фондаминскому-Бунакову: «Мне очень хочется серьезно заняться Россией, вопросом Церкви и философии, окончательно проверить себя, не выдумка ли вся моя национально-религиозная демократия»⁵⁷.

Как уже было отмечено, оказавшись за пределами родины, Степун активно печатается как в немецкой, так и в русской эмигрантской периодике (Hochland,

⁵⁵ Степун Ф. А. Мысли о России // Сочинения. М., 2000. С. 207.

⁵⁶ Иванов – Степун (избранная переписка) // Символ. Журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 405.

⁵⁷ Хуфен К. Три мечты и одна безумная надежда // Федор Августович Степун / под ред. В. К. Кантора (сост., вступ. статья, общ. ред. тома). М., 2012. С. 44.

«Путь», «Утверждение»). Но, несомненно, наибольший интерес представляет его участие в крупнейшем и самом влиятельном журнале русской эмиграции «Современные записки» (1920–1940). В первой редакционной статье основной задачей издания объявлялась реализация демократической программы, провозглашенной в марте 1917 г., объединение всех общественных сил, разделяющих эту программу и признающих невозможность реставрации монархии.

Основанный видными деятелями эсеровской партии Н. Д. Авксентьевым, М. В. Вишняком, А. И. Гуковским, В. В. Рудневым и И. И. Фондаминским, журнал стремился быть выразителем интересов русской культуры. Главную роль в выработке этого направления сыграл И. И. Фондаминский (псевдоним И. Бунаков) – давний друг Степуна еще со времен Гейдельберга, один из лидеров эсеровской партии, «*nervus regum*⁵⁸ парижской эмиграции» (по выражению И. В. Гессена). Фондаминский очень много сделал для выхода издания за узкие рамки партийности, для объединения вокруг журнала ведущих интеллектуальных сил эмиграции, не только лучших писателей и поэтов, но и крупнейших религиозных философов, в т. ч. большой группы бывших авторов московского «Пути» Н. А. Бердяева, прот. Сергия Булгакова и др. Один из основателей журнала М. Вишняк, размышляя об участии в нем группы мыслителей, высланных из Советской России, писал: «Они принесли на своем плаще пыль и дым отечества, цветы и запахи родной земли. С их приездом познание и понимание России стали шире, глубже, точнее, и интерес к ней стал напряженнее, пристальнее, разностороннее»⁵⁹.

Степун объясняет это необычное объединение московских путейцев-неославянофилов и бывших вождей революционной партии эсеров как союз «православных мыслителей, в которых революция не убила веры в христианское дело, со вчерашними революционерами, пережившими большевистскую трагедию как свой личный грех»⁶⁰.

Заявленную в первом же номере приверженность интересам русской культуры подтвердил и широчайший круг авторов, среди которых выделяются имена И. А. Бунина, И. А. Шмелева, Б. К. Зайцева, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Г. П. Федотова, П. М. Бицилли, В. В. Набокова, В. Ф. Ходасевича, М. А. Алданова, М. И. Цветаевой, Л. И. Шестова и др. Вскоре журнал превратился в печатный и идейный орган всего русского зарубежья. Немалую роль в этом успехе сыграл и Ф. А. Степун как автор художественных (автобиографический психологический роман в письмах «Николай Переслегин»⁶¹) и публицистических произведений и негласный редактор отдела прозы.

⁵⁸ «Нерв вещей» – самое главное, суть чего-либо (*лат.*).

⁵⁹ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 164.

⁶⁰ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 250.

⁶¹ «...своеобразный отчет о годах созревания его душевных и умственных сил накануне Первой мировой войны», написанный еще в России, под влиянием В. Соловьева (Штаммлер А. В. Ф. А. Степун... С. 330). Сам автор расценивал произведение как свое окончательное расставание с романтизмом.

Особо стоит отметить его публицистический цикл «Мысли о России», печатавшийся в журнале на протяжении нескольких лет, с 1923 по 1928 г.⁶² Как вспоминал Г. П. Струве, именно серией статей «Мысли о России», опубликованных в «Современных записках», Степун «выдвинулся как талантливый публицист и литературный критик»⁶³. Остановимся на некоторых ключевых в контексте нашей статьи темах данного цикла.

В восьмом очерке, посвященном национально-религиозным основам большевизма (1927, кн. 32), Степун утверждает, что для исцеления русского духа от большевизма, этой «попытки погашения образа Христа в душе русского народа», необходимо осознать, что произошло с Россией, нужно пробуждение национального самосознания. В России, начиная с Чаадаева и Киреевского, таким самосознанием русского духа была русская философия. Эта философия в неустанной борьбе за религиозное единство бытия и сознания, за идеал религиозно-целостной жизни более 100 лет «духовно влечется к Церкви»⁶⁴.

Второй источник русской мысли Степун видит в немецком романтизме. На взгляд Степуна романтизм как антирационалистическое и антикапиталистическое течение мысли все-таки занимает в Европе иное место, чем славянофильство в России. Европейские романтики «ощущали себя чужаками» и «основателями новой религии». Для славянофилов «духовная цельность» была домом, в котором они привычно жили, а для романтиков – «горизонтом, о котором они страстно мечтали». В отличие от романтиков, славянофилы не «переселенцы», а «коренное население»: корни их философской веры в православии. Русская философия, по Степуну, никогда не была «отвлеченной мыслью, углубленную в жизнь». Проведенный мыслителем анализ русской философии направлен на уяснение ее связи с двумя важнейшими характеристиками русской души в его понимании – русским пейзажем и русским хозяйством. Как и русская душа, русская философия тяготеет к бесформенности и даже к «формоборчеству». Степун находит в русской философии «нечто очень глубокое и правдивое», «нечто аналогичное убожеству русского пейзажа и варварству русского хозяйства» – это «та же самая неряшливость», отрицательное отношение к форме и дифференциации⁶⁵.

Анализируя структуру русской философской мысли, Степун видит в ней несоответствие уровня ответов уровню вопросов: ставя последние, духовно существенные вопросы, она, по мнению мыслителя, не дает новых ответов. «Русская религиозная философия осталась как бы не исполненной, исполнением не оправданной <...>, осталась полуфилософским и полурелигиозным отрицани-

⁶² Современные записки. 1923. Кн. 14, 15, 17; 1924. Кн. 19, 21; 1925. Кн. 23; 1926. Кн. 28; 1927. Кн. 32, 33; 1928. Кн. 35.

⁶³ Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж, 1984. С. 122.

⁶⁴ Степун Ф. А. Мысли о России... С. 324.

⁶⁵ Там же. С. 327.

ем философии». С этим т. н. отрицанием Степун связывает негативные стороны русского философствования. В своем тяготении к бесформенности русская философия не понимает, что во всякой совершенной форме (научной, художественной, правовой) неизбежно наличествует минимум религиозного содержания, «ибо всякий образ совершенства возможен только как отображение абсолютного совершенного Существа». Для русской философии чужда мысль, что «право может быть не могилой правды, а прославлением», но зато ей близки бездны и безмерности Достоевского. Нелюбовь ко всякой срединности, разгул безмерности – это, по Степуну, черты не только русской исторической стихии, но и русского философского сознания «с его недооценкой принципов формы, меры и дифференциации»⁶⁶.

Стремление Степуна выявить связь между русской религиозной философией и «безбожной русской революцией», с одной стороны, видимым образом продолжает в новой исторической ситуации его давний спор с Эрном и московскими «путейцами», а с другой – вносит новые яркие краски в общую картину осмысления эмиграцией великой русской трагедии. Характеризуя специфику русской философии, Степун неоднократно подчеркивает, что она больше задает вопросы, чем дает ответы на них. Думается, что и сам мыслитель подтверждает это замечание, отказываясь от конечных выводов. Дело русской эмиграции, в понимании Степуна, заключается не в отрицании национальных корней революции и складывании вины за нее на внешние нерусские силы («мировую закулису» в терминологии одного из его оппонентов И. А. Ильина), а в «углубленном постижении революции, невозможном без осознания ее национально-религиозных корней, а тем самым и без исследования национального самосознания, т. е. без исследования русской философии»⁶⁷.

С 1931 г. главной трибуной Степуна в эмиграции становится журнал «Новый град», издаваемый в Париже, «духовно выношенный и фактически осуществленный» его ближайшим другом и соратником И. И. Фондаминским, по мере того как тот приходил к «христианскому социализму». Журнал был основан Фондаминским совместно с двумя соредакторами, Ф. А. Степуном и Г. П. Федотовым, в 1931 г. и выходил до 1939 г., начала Второй мировой войны (№ 1–14). Тираж был достаточно большим для эмиграции – до 800 экземпляров. Издание получило финансовую поддержку молодежной христианской организации YMCA, во главе которой стоял Джон Мотт, американский протестантский и экуменический деятель. Ранее такая же финансовая помощь была оказана YMCA при создании Свято-Сергиевского богословского института и журнала «Путь» под редакцией Н. А. Бердяева, также основанных в Париже.

В отличие от «Современных записок», эсеровская редакция которых порой ограничивала публикацию религиозных материалов, «Новый град» имел ярко

⁶⁶ Степун Ф. А. Мысли о России... С. 327–329.

⁶⁷ Там же. С. 329.

выраженную христианскую, религиозно-философскую направленность. Помимо самих редакторов – Степуна, Г. П. Федотова и И. И. Бунакова, большое значение имело для журнала участие в нем таких ярких христианских мыслителей, как Н. А. Бердяев, монахиня Мария (Скобцева), прот. Сергей Булгаков, Н. О. Лосский, П. М. Бицилли и др.⁶⁸ Главной историософской и культурологической темой журнала стало «социальное христианство»⁶⁹.

Сам Степун в письме М. и Г. Кульманам от 23 июля 1931 г. определяет журнал как славянофильский, антикапиталистический, религиозный, национальный, но не националистический, как орган русской мысли, ведущий борьбу на два фронта – «против клерикально-черносотенного православия» и «против догматически старорежимного либерализма и социализма»⁷⁰.

Одной из главных задач издания стало истолкование миссии русской эмиграции. Продолжая «пореволюционную» линию журнала «Путь»⁷¹, отвергая идею вооруженной борьбы и реставрации монархии, Степун решительно заявляет, что главная задача эмиграции заключается в работе «над возвращением в русской душе» «образа будущей России». В письме к Г. П. Федотову он выражает свое давнее убеждение в том, что «нашим реальным эмигрантским делом и подвигом может быть только культурное творчество, одновременно традиционное и пророчески к будущему обращенное»⁷².

В статье 1934 г. «Идея России и формы ее раскрытия» Степун исходит из понимания идеи как «Божьего замысла о сущностях вещей, людей, времен и народов». Опираясь на учение В. Соловьева, мыслитель высказывает здесь свое видение идеи России, т. е. «Божьего замысла о России», которая «призвана к ревностному блюдению образа Христа». Различая идею и идеологию, Степун выводит свою «формулу»: идея России заключается в защите Божиих замыслов (идей) от человеческих выдумок (идеологий)⁷³.

Выражение русской идеи, согласно Степуну, заключается в предметном христианском высказывании по вопросам текущей русской жизни, а не в «отвлеченных построениях русскости». «Русскость» Степун понимает как качество духовности с присущими ей основными характеристиками: «Лик, лицо, око, глаз, глазомер, святость, предметность, действенность, конкретность, трезвость, соборность». Особый интерес представляет сопоставление этих русских понятий с системой германских категорий. Верховной категорией германской философской системы он считает не Божий Лик (как в России), а метафизическую идею (идею безликого Бога), которая в процессе своего снижения превращается

⁶⁸ Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 587.

⁶⁹ Подробнее см.: *Он же*. Ф. А. Степун: христианское видение России... С. 340.

⁷⁰ *Степун Ф. А. Письма* [сост., археогр. работа, коммент., вступ. ст. к тому и разделам В. К. Кантора]. М., 2013. С. 131.

⁷¹ См.: Духовные задачи русской эмиграции // *Путь*. 1925. № 1. С. 3–12.

⁷² *Степун Ф. А. Письма*... С. 253.

⁷³ *Он же*. Идея России и формы ее раскрытия... С. 496–498.

не в лицо человека (образ и подобие Божие), а в человеческую мысль. Интересны и другие пары русских и германских категорий: глаз – точка зрения, интуиция – теоретическое доказательство, святой – герой⁷⁴. В этой работе Степун также формулирует возможные проекции русской идеи в сфере политики, общества и хозяйства.

Главным достижением «Нового града» и христианско-демократической эмиграции Ф. А. Степун считал синтез «средневекового боговерия, либерально-гуманитарного свободолюбия и социальной справедливости», над выработкой которого он со своими соратниками неустанно трудился.

С наступлением Второй мировой войны, нацистской оккупации Франции и половины Европы, прекращением выпуска большинства эмигрантских изданий Степун более всего опасается перерождения русской эмиграции в «безыдейное беженство», денационализации и обольщивания эмигрантской молодежи, печалится, что война загубит возделанное им и его соратниками «опытное поле пореволюционной культуры»⁷⁵.

После того как в 1937 г. Степун был уволен из Дрезденского технического института (Technische Hochschule Dresden), где он в течение 11 лет занимал кафедру социологии, «за русскость, практикуемое христианство и недостаточный антисемитизм», он твердо стремится ввести свою жизнь в лоно православия. Как уже отмечалось, консервативные монархические установки Русской Зарубежной Церкви ему близки не были. В Германии он поддерживал тесные отношения с архимандритом Иоанном (Шаховским) (1902–1989), настоятелем Свято-Владимирской церкви в Берлине, а с 1936 г. благочинным приходов Экзархата митрополита Евлогия в Германии, человеком «высокого аскетического склада», «пламенным миссионером и проповедником», по характеристике митрополита Евлогия.

В кругу «парижских друзей» Степуна по «новоградству» наиболее близким ему ориентиром современного православия была жизнь и деятельность монахини Марии (Е. Ю. Скобцовой, 1891–1945). Духовный путь, пройденный этой подвижницей, вмещающий в себя и «мистическую муть петербургской блоковщины», и «социалистический утопизм», Степун рассматривал как «прообраз того пути, который один только и ведет ко спасению»⁷⁶.

Нападение гитлеровской Германии на СССР разделило всю русскую эмиграцию на два лагеря – «пораженцев» и «оборонцев». Степун вместе со своими парижскими друзьями (И. И. Фондаминским, матерью Марией, Г. П. Федотовым) оказался среди убежденных «оборонцев». Отношение Степуна к национал-социализму – это отдельная, огромная тема, довольно подробно разработанная в отечественной исследовательской литературе, в частности в трудах В. К. Кан-

⁷⁴ Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия... С. 499.

⁷⁵ Он же. Бывшее и несбывшееся. С. 253.

⁷⁶ Там же. С. 251.

тора⁷⁷. Мужественный характер духовного сопротивления Степуна нацизму хорошо отражает следующий факт: будучи до 1937 г. профессором немецкого университета, он никогда не пел вместе с другими коллегами и студентами нацистского гимна *Horst Wessel Lied*⁷⁸.

Отметим также, что даже в самые темные годы помрачения немецкого национального духа Степун верил, что «немцы в целом также не национал-социалисты, как и русские в своей массе не большевики»⁷⁹. Он верил в немецкий народ так же, как верил в русский. А национал-социализм представлялся ему «таким же грехопадением Германии, как большевизм – грехопадением России»⁸⁰. Мыслитель видел в глубине немецкой души «гердеровское отношение к России»⁸¹, считал, что «Россия глубоко волнует немецкую душу и даже влечет ее к себе», своей «загадочной противоречивостью», «плотностью духовного бытия». В страшные годы Второй мировой войны он сумел разглядеть у немцев, воюющих с СССР, не только «понятную ненависть к большевикам, но и искреннее стремление разгадать душу России», радовался обращению многих из них к русской классической литературе (Толстому, Достоевскому и др.)⁸².

Несчастьем стала для семейства Степунов гибель их дрезденской квартиры после налета английской авиации в феврале 1945 г., в результате которого погибла уникальная библиотека, состоявшая из 3000 «незаменимых» русских книг. Степун со своей супругой Натальей Николаевной (урожденной Никольской, 1886–1961) спаслись только потому, что были в этот день за городом, но остались лишенными имущества и крова⁸³.

В конце войны и в первые послевоенные годы, даже столкнувшись с новой, победившей Германию сталинской Россией, с новым поколением советских людей, Степун отказывается верить в нравственное перерождение коммунистического государства. В одном из писем друзьям он делает «общий вывод – что Россия стала, пожалуй, еще загадочнее, чем была»⁸⁴. В отличие от многих русских эмигрантов, на волне всеобщего российского патриотизма поддавшихся на обещания Сталина и поверивших в возрождение Православной Церкви в СССР, Степун избежал такого соблазна. Он продолжает молиться «о чуде освобождения России от советской власти, от своего греха». Философ утверждал, что «если

⁷⁷ Кантор В. К. Федор Степун: русский философ против большевизма и нацизма // Слово\Word. New York, 2005. № 45 (то же: Портал «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/45/ka13.html> (дата обращения: 20.03.2017).

⁷⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 575.

⁷⁹ Там же. С. 282.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Степун любил напоминать преуспевающим немцам предсказание Гердера о великом будущем России и других славянских племен, призванных сменить «Запад, от которого уже отступается Провидение, на посту возглавителей человечества» (Там же. С. 281).

⁸² Там же. С. 283.

⁸³ Он же. Письма... С. 149.

⁸⁴ Там же. С. 150.

Россия и связана с советской властью, то лишь так, как каждый из нас связан со своим грехом». Большевизм всегда оставался для него грехопадением России⁸⁵. Он изъявляет желание вернуться на родину лишь в том случае, если она освободится от этого греха: «Я лично с величайшей радостью завтра же поехал бы в свободную Россию, если бы в ней была бы возможность того дела, которое сейчас я делаю в Германии»⁸⁶. Этим главным делом жизни Степуна было раскрытие истинного православного лица России.

Уволенный из университета и оказавшийся в сложном материальном положении, философ, по совету отца Иоанна (Шаховского) в течение 10 лет пишет свою главную книгу о России, получившую в русском переводе название «Бывшее и несбывшееся». Эта книга впервые вышла на немецком языке под заглавием *Vergangenes und Unvergängliches* в Мюнхене в 1947–1950 гг. Свое самое известное сочинение Степун не случайно предваряет словами о том, что это «не только рассказ о бывшем, пережитом, но и раздумье о том, что „зачалось и быть могло, но стать не могло”⁸⁷, раздумье о несбывшемся»⁸⁸. Философскую сторону своей книги он считает не менее важной, чем повествовательную. В письме к Кульманам от 25 апреля 1945 г. мыслитель писал о том, что в книге ему хотелось раскрыть те тысячи мельчайших причин, которые привели к революции, и показать те темноты в русской жизни, которые уже с конца прошлого века грозили нам»⁸⁹. Л. Зандер назвал произведение Степуна «лучшим введением в историю русской культуры конца XIX – начала XX в.», благодаря которому мы «ощущаем самую плоть русской жизни»⁹⁰. И еще одну христианскую черту отмечает у автора Зандер: глаза Степуна «хороши, потому что они умеют видеть доброе – даже там, где его как будто нет. В его характеристиках самых разнообразных людей мы почти не встречаем осуждения»⁹¹.

* * *

В 1947 г. Степун занимает созданную специально для него кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете. Его лекции ежегодно слушает до тысячи студентов, в сознание которых «западает чувство важности русской темы»⁹². А. Штаммлер подчеркивает, что Степун стоял «между русской и немецкой культурами не как равнодушный космополит, а владея обеими, их примиряя и объединяя в творческом синтезе»⁹³.

⁸⁵ Степун Ф. А. Письма... С. 155.

⁸⁶ Там же. С. 158.

⁸⁷ Строки их стихотворения Вяч. Иванова «Дверь».

⁸⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 5.

⁸⁹ Степун Ф. А. Письма... С. 150.

⁹⁰ Зандер Л. О Ф. А. Степуне и о некоторых его книгах... С. 624.

⁹¹ Там же. С. 625.

⁹² Степун Ф. А. Письма... С. 510.

⁹³ Штаммлер А. В. Ф. А. Степун... С. 323.

Несмотря на видимые успехи в преподавательской и писательской деятельности, Степуна не покидают опасения за судьбу своей семьи. В письме, отправленном епископу Иоанну (Шаховскому) в США в 1948 г., хорошо показано и его отношение к СССР, и положение многих русских эмигрантов в послевоенной Германии. «Не смерть страшна, а советское издевательство и полная незащитность перед охамившимся современным чертом», – так передает он свои тревожные раздумья известному пастырю. Характеризуя положение русских беженцев, попавших «в лапы соотечественников», т. е. оказавшихся в советской зоне оккупации Германии, Степун определяет его как полную «беззащитность человека от абсолютного произвола»⁹⁴.

В 1964 г. на немецком языке выходит последняя книга философа «Мистическое мировидение»⁹⁵, включающая пять портретов русских мыслителей Серебряного века – В. Соловьева, Н. Бердяева, Вяч. Иванова, А. Белого и А. Блока. В очередной раз пытаюсь ответить на вопрос, кем же был В. Соловьев, Степун отмечает недостаточность иконографической трактовки образа знаменитого идеалиста, в котором «рядом со светом» наличествует и «грозная тьма». А то важное положение, которое Соловьев занимал в русской мысли XX в., можно понять, только учитывая «взаимопроникновение» в нем света и тьмы, святости и демонизма, «пророческого дара и цинической самоиронии»⁹⁶. Как замечает Ю. Иваск, в своей книге Степун рассматривает «темную мистику» А. Блока и А. Белого как своеобразный пролог к Октябрьской революции⁹⁷. В 1955 г. Степун даже совершает поездку в Рим, где хранится архив крупнейшего теоретика русского символизма Вяч. Иванова, для того чтобы в контакте с его многолетним секретарем О. Шор завершить свой последний труд по истории русской философии.

До последних дней Федор Августович жил «полной жизнью», жадно интересовался Россией. За месяц до смерти в последнем разговоре с навестившим его Н. А. Струве Степун вновь обращался к «безднам» Серебряного века, который, по его мнению, не был столь благополучен, как описывали его Мочульский и Зеньковский, он говорил о «главной бездне» – «о бездне греха, провиденной Достоевским и отверзшейся в России XX столетия»⁹⁸.

Осмысливая свой долгий и сложный жизненный путь, Степун размышляет о том, что же сделало его, «полупруссака», русским человеком, заставило почувствовать необходимость сознательного обращения в православие. Отвечая на этот главный жизненный вопрос, он вспоминает и свое «кондровское, русское

⁹⁴ Степун Ф. А. Письма... С. 437.

⁹⁵ *Stepun F. Mystische Weltschau: fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München, 1964.

⁹⁶ Степун Ф. А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб., 2012. С. 110.

⁹⁷ [Иваск Ю. П.: рецензия] // Степун Ф. А. Мистическое мировидение... С. 478.

⁹⁸ Струве Н. А. Памяти Ф. А. Степуна (за месяц до смерти) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1965. № 77 (II). С. 51.

детство», и службу в русской армии, и лекционные разъезды по всей необъятной довоенной Российской империи, породившие «в душе живую зачарованность образом России», «Четыре года братской близости с русским солдатом, с двенадцатилетнего возраста поэтическая влюбленность в Лизу Калитину и Наташу Ростову, женитьба и первым и вторым браком на коренных русских женщинах и, наконец, в революцию, пять лет трудовой, крестьянской жизни на русской земле», – все это, подчеркивает Степун, не могло не превратить его в «подлинно русского человека»⁹⁹.

По мнению А. А. Ермичева, Степун был русским с головы до пят, русским не по крови, а по культуре, по вере. Вслед за Хомяковым сущность православия он видел «в сочетании свободы, подавляемой в авторитарном католичестве, и единства, взрываемого протестантским автономизмом, т. е. любви»¹⁰⁰. Степун не только был наследником традиции русской мысли, идущей от славянофилов и Достоевского, но и пытался наполнить эту традицию идеями «религиозной свободы во всех ее формах», стремясь осуществить своеобразный синтез идей славянофильства и западничества.

Как отмечает современный исследователь, немец по крови, воспитанию и образованию, проживший в Германии около полувека, Ф. А. Степун всегда сохранял «в себе уникальную сопричастность к русской духовности»¹⁰¹. В памяти многих европейцев, знавших его в последние годы (коллег по университету, студентов, слушателей его открытых лекций о России), Степун остался миссионером русской культуры и философии, одним из блестящих выразителей духовной миссии русской эмиграции на Западе.

По материалам статьи:

Гаврилов И. Б. Ф. А. Степун о России и русской философии // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 345–373.

⁹⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 45.

¹⁰⁰ Ермичев А. А. Федор Августович Степун: христианское видение... С. 457.

¹⁰¹ Тиме Г. А. Жажда синтеза: Федор Степун о «национальных темах». Россия и Германия // Федор Августович Степун. М., 2012. С. 326.

Г. И. Гриб

Дело № 37899

Бенешевич Владимир Николаевич

*Размышления о жизни человека*¹

В руках у меня как-то оказалось следственное дело². Вот лежит оно передо мной на столе. И на титульном листе читаю:

«Комитет государственной безопасности СССР
Управление по Ленинградской области

Дело №37899

Бенешевич Владимир Николаевич

Начато 27 ноября 1937 г.

Окончено 9 января 1938 г.»

Владимир Николаевич
Бенешевич

Надо сказать, что состоит это дело из пары десятков документов. Одна к другой подшиты разноформатные бумаги, бумаги, бумаги, цена которым – жизнь человека, ибо на одной из них написано, как будто из гранита вырублено – *Приговор приведен в исполнение.*

Приведен в исполнение. И нет человека! Закатилась чья-то звезда на небосклоне! Предстал кто-то перед Великим и Справедливым Судьей, дает отчет о праведных и греховных делах своих. В нашем случае это – **Владимир Николаевич Бенешевич**³ – историк-византиновед, археограф, историк греко-римского, византийского и древнерусского права, знавший английский, французский, немецкий, итальянский, польский, чешский, болгарский, сербский, новогре-

¹ Под редакцией священника Игоря Иванова.

² Судебное дело № 37 899 подсудимого В. Н. Бенешевича хранится в Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (СПб., Литейный пр., 6).

³ В 2015 г. на ГТРК «Санкт-Петербург» писатель Борис Алмазов снял документальный фильм о Владимире Бенешевиче (в рамках цикла «Петербургские заступники»).

ческий, древнегреческий, латинский, сирийский, древнегрузинский и древнеармянский языки и свободно работавший с первоисточниками на этих языках. Автор более 100 научных трудов. Член-корреспондент Российской академии наук по разряду исторических наук (история) Отделения исторических наук и филологии с 6 декабря 1924 года, член Академий в Страсбурге (1912), Мюнхене (1927) и Берлине (1929). На протяжении многих лет между арестами и до них – профессор Петербургского (Ленинградского) университета и главный библиотекарь Рукописного отделения Государственной публичной библиотеки. В июле 1922 года – обвиняемый на процессе митрополита Петроградского Вениамина. Освобожден «за недоказанностью вины».

Но ведь полгода отсидел! Отсидел ни за что! Отсидел в «мясорубке», где сотни и тысячи человек проходили, не успев познакомиться, на каторгу или в вечность!

То был его первый арест. К сожалению, не последний и не единственный⁴. Выдающийся ученый вдоволь испытал все тяготы тюремного опыта, а также опыта медленной, изматывающей борьбы со следователем за каждое слово, каждый факт, в конце концов, за свое честное имя. Но, с другой стороны, карательные органы тоже только-только начали освоение этого «конвейера смерти», который запустят на полную мощь через 10-15 лет.

И вот совсем другой уровень следствия, когда расследовалось последнее уголовное дело академика В. Н. Бенешевича, возбужденное в то время, когда этот конвейер смерти работал на полную мощность. И это отразилось в деле, которое сейчас лежит передо мной. Знакомство с ним вызывает какое-то непонятное чувство. Чувство, что тебя обманывают. И ладно бы, если бы мне показывали фокус. Но здесь жизнь человеческая!

Первый вопрос первого допроса от 27 ноября 1937 года: «Следствию известно, что Вы проводите враждебную СССР деятельность. Вы признаете это?»

Ответ. «Нет. Я это отрицаю».

Второй вопрос. «Вы говорите неправду. Следствие требует от Вас правдивых показаний».

Ответ. «Нет. Враждебную СССР деятельность не проводил».

Подпись в протоколе допроса и всё. Всё! Ни фактов, ни улики, ни свидетельских показаний!

А уже через два дня (!!!), 29 ноября 1937 года, подсудимому дали на подпись документ на двух страницах, в котором были заранее подготовлены и систематизированы десяток пунктов «контрреволюционной деятельности» подследственного Бенешевича В. Н. Встречи, беседы, обсуждения статей, десятки фамилий. И его роспись. И опять хочется вскочить и кричать «И это все? И это называется следствием?»

⁴ См. базу данных «Жертвы политического террора в СССР»; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. СПб., 2003.

Вину ему ставились беседы с западными учеными, руководителями научных журналов, которых, конечно, интересовала любая информация из этой закрытой, отгороженной от всего мира части земного шара.

Обсуждалось разное, обсуждалось все – от повышения информированности населения по истории Византии до очередей, нужды и жизни гонимой, разоренной и ограбленной Русской Православной Церкви. Чтобы утолить информационный голод мировой научной общественности, Бенешевичу предложили написать статьи в несколько мировых научных журналов с анализом современного внутривластного и экономического положения молодой России. Владимир Николаевич неоднократно отвечал следователям, что информацию он черпал из разговоров в транспорте, лифте, очередях. Не было никаких даже мыслей о целенаправленном сборе негативной, а тем более антисоветской информации, ее систематизации и передаче⁵.

Посидев над делом, еще раз перечитав его, начинаешь понимать логику слов, мыслей и дел Владимира Николаевича. Для него, зека со стажем (мы еще поговорим об этом), не по одному разу прошедшему тюрьмы и лагеря, было совершенно ясно, что следствие не должно получить от него ни одной фамилии. Иначе указанный им человек или погибнет при неясных обстоятельствах или, в лучшем случае, тоже попадет в подвалы НКВД. Поэтому в деле неоднократно встречается запись: «...да, такие разговоры были, но за давностью вспомнить где, когда и с кем – не могу».

Но для него, к великому его ужасу, было ясно и другое – его семья уже обречена. Обречены все, как члены семьи врага народа. Обречены, несмотря на наличие или отсутствие каких-либо улик или доказательств. А в деле неоднократно встречаются имена жены и двух сыновей-близнецов Георгия и Дмитрия. Кстати, сыновья его были арестованы раньше отца и сведений о них не было до самого его ареста. (Оба сына Владимира Николаевича и его брат Дмитрий были расстреляны по разным источникам в 1937 или 1938 году.)

Последний допрос 8 января 1938 года подытожил все вопросы и ответы. Они были прежними: «...с кем – не помню, когда – не помню».

Дальше – все, как на настоящем конвейере: 26 января 1938 года – предъявлено обвинительное заключение; 27 января 1938 года – принято Решение Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР о приговоре Бенешевича Владимира Николаевича к высшей мере наказания – расстрелу.

В тот же день, 27 января 1938 года, приговор приведен в исполнение.

Торопились так, как будто уничтожали «мировое зло», которое ни на секунду нельзя было оставить в живых, чтобы не тронуло это «зло» сотни и сотни миллионов человек. Чтобы пришло наконец то счастье, о котором руководители всех рангов вещали с трибун, но которое было все так же несказанно далеко...

⁵ Однако в библиографических данных ученого нет данных о том, были ли реально им написаны подобные статьи.

Казалось бы – всё. Но в деле есть еще документы.

7 февраля 1957 года архивно-следственное дело Бенешевича Владимира Николаевича было исследовано Комиссией МВД и Прокуратуры СССР. Это были не правозащитники или диссиденты. Это были высокопрофессиональные оперативные сотрудники Прокуратуры СССР, милиции и Комитета государственной безопасности. Эти люди увидели то, чего не хотели видеть или специально сфальсифицировали их предыдущие коллеги. Они увидели то, что увидел и я – инженер, никогда и нигде, слава Богу, не сталкивавшийся с уголовным делопроизводством. Они увидели, что, кроме показаний самого Бенешевича, других материалов нет. Нет ничего! Нет улик, заключений каких-то экспертиз, свидетельских показаний и описаний очных ставок. И всего того, что стоило бы жизни человека! Просто человека. Не говоря уже о специалисте мирового уровня, появляющегося на земле в единичном экземпляре не каждое десятилетие!

А начиналась в его жизни все так хорошо!

Родился Владимир Николаевич 9 (21) августа 1874 года в городе Друя Дисненского уезда Виленской губернии (ныне Витебская обл., Белоруссия), в небогатой семье судебного пристава. (Хотя позже, в материалах Академического дела, в анкетной справке, будет написано «...имел крупное состояние». Должно быть, для советского следователя 30-х годов уровень жизни среднего чиновника царской России казался заоблачным.) Дед Владимира Николаевича был священником. Учился Володя легко и в 1893 году окончил гимназию с золотой медалью. Был принят на юридический факультет Санкт-Петербургского университета и в 1897 году окончил его с дипломом 1-й степени. Был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Как это было принято в те времена, такая подготовка включала не только занятия в аудиториях и библиотеках своей alma mater, но и стажировку в лучших мировых центрах науки. Володя выбрал Германию и уехал слушать лекции по юридическому праву, историческим и философским дисциплинам в Гейдельбергском, Лейпцигском и Берлинском университетах известных европейских профессоров: Г. Еллинека, К. Фишера, Р. Зома, Э. Фридберга, В. Вудта и А. фон Гарнака.

Изучение некоторых памятников древнеримского, греческого и славянского права привело его к мысли о необходимости детальной и самостоятельной разработки истории греко-римского права. Во время поездок для занятий в библиотеках Европы Бенешевичу удалось открыть целый ряд неизвестных рукописных памятников и найти новые редакции известных; свои исследования он продолжал на Востоке. После многократных поездок на Афон, Синай, в Египет, Малую Азию и Палестину, а также работы в Санкт-Петербурге и Москве у него в руках оказалось огромное собрание рукописного материала, большое количество снимков рукописей. Им был переработан и практически заново составлен каталог греческих рукописей библиотеки Синайского монастыря.

Вернувшись из Германии в 1901 году, Владимир Николаевич приступил к тщательному исследованию славянских и греческих рукописей в фондах Петербургской публичной библиотеки. Кроме того, в период с 1901 по 1908 год, в 1911 и 1912 годах он выезжал летом за рубеж, где занимался анализом литературы и рукописных фондов 49 известнейших книгохранилищ Европы и Ближнего Востока.

За это время молодой ученый обнаружил несколько сот списков византийских памятников церковно-правового содержания, обобщил изученные им материалы и на их основе в 1905 году успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви».

В 1914 году Бенешевич защищает докторскую диссертацию на тему «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика». Обе эти работы включали анализ многочисленных, ранее неизвестных рукописных материалов. Каждая из этих работ представляла собой фундаментальный научный труд по церковному праву Византии; обе получили высокую оценку специалистов и были удостоены Уваровской премии.

С 1905 года Владимир Бенешевич служил приват-доцентом; с 1909 года – экстраординарным, после чего – ординарным профессором Петербургского (впоследствии Петроградского) университета. В период с 1905 по 1910 год он преподавал историю Византии, греческую палеографию на историко-филологическом факультете, а с 1910 года читал лекции на юридическом факультете по церковному и государственному праву.

Как и многие его коллеги, профессор В. Н. Бенешевич работал в нескольких учебных заведениях: в 1903–1904 годах преподавал церковное право в Александровском лицее; в 1906–1909 годах в Санкт-Петербургской духовной академии; а после – на Женских курсах Раева, Высших женских курсах, в Военно-юридической академии.

Такой разброс аудиторий, состава слушателей В. Н. Бенешевича был вызван не только и не столько его популярностью, сколько другим – более серьезным фактором – многим из его руководства не нравились его политические взгляды, европейское вольнодумство. Ученого уличали в симпатии левым идеям. А однажды его обвинили в хранении нелегальной литературы. Надо сказать, что революцию 1905 года Бенешевич принял с сочувствием. И поэтому к нему относились настороженно, ограничивали в рабочих часах, не раз он чувствовал, что находится под надзором полиции.

Наряду с преподавательской деятельностью он принимал участие в работе журналов «Русский исторический журнал», «Христианский Восток» и др.

Однажды, во время очередного путешествия по Востоку, Владимир Николаевич познакомился с семьей профессора из Петербурга Ф. Ф. Зелинского. Дочь профессора Людмила сразу же привлекла внимание молодого ученого, как-то до сих пор избегавшего женских чар. Но, по-видимому, пришло

это замечательное время – чувство к ней было не похоже ни на что, ранее пережитое им. Непросто было нашему 33-летнему ученому даже подумать, просто самому поверить, что эта 18-летняя девочка ответит взаимностью, но любовь была обоюдной. И они поженились.

Людмила была католичкой, и их брак вызывал, возможно, у кого-то некоторые нарекания. Сами же супруги считали свой союз вполне счастливым – у них родилось трое детей, что вполне достаточно, чтобы наполнить квартиру веселыми криками и гомоном...

Л. Ф. Бенешевич

Но... наступил 1917 год. Страна вступила в сложный и смертельно опасный период своей истории. И Владимир Николаевич Бенешевич со всей семьей и страной зашагал вперед по вдруг ставшим смертельно опасными и топкими дорогам жизни.

Беда пришла откуда ее не ждали – зимой 1918 года в Петрограде наступил страшный голод, и Бенешевич отправил родных в Тамбовскую губернию. Но там его сын, Никита, заразился дизентерией и умер. Профессор с трудом добрался до семьи, но, заболев тифом, сам едва не умер. Оправившись от горя, Бенешевич пытался найти применение своим знаниям, своему опыту, но молодой Стране Советов не нужны были палеографы и историки-византиноведы. Бенешевич не был востребован как ученый. И тысячи неизученных и неопубликованных артефактов или их фотографии – материал для работы и изысканий для целого института – остались невостребованными. (Много позже, во время обысков на квартире академика, чекисты приняли их за шифры или зашифрованную переписку и в основном уничтожили.)

Своевременно перебравшийся за границу отец Людмилы Фаддей Зелинский приглашал ее с семьей к себе, но Бенешевичи, несмотря на тяжелейшие условия жизни, посчитали более уместным остаться на Родине. Пришлось вновь заботиться о любом трудоустройстве, чтобы элементарно принести кусок хлеба в семью.

Какое-то время Бенешевич был помощником секретаря Поместного Собора Православной Российской Церкви, и под его редакцией было издано несколько томов журналов заседаний Собора. С 20-х годов он участвовал в работе Русско-византийской комиссии при Академии наук, как товарищ председателя, академика Ф. И. Успенского, и затем как ученый секретарь. С 1925 года он работал в Отделе рукописей Публичной библиотеки, занимаясь описанием греческих рукописей и изучением палимпсестов. В его задачу входило фотографирование рукописей. В 1927 году Бенешевича отправили

в командировку за границу с целью подготовки нового издания «Греческого глоссария» Ш. Дюканжа, поисков оригинала «Записки готского топарха» и знакомства с новейшей фотокопировальной техникой.

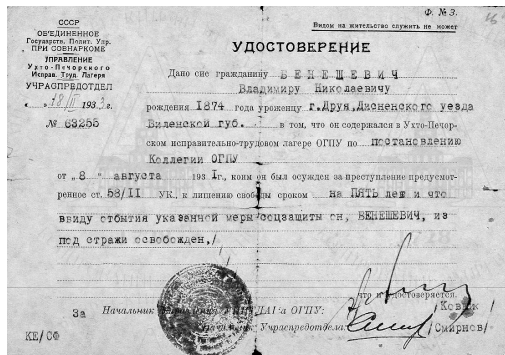
Он трудился на благо науки в различных библиотеках Франции, Италии, Германии. Казалось бы, ничто не предвещало стужения туч над его головой однако вернувшись из-за границы, он снова столкнулся с могущественной и беспощадной репрессивной машиной, имеющей долгую память и не прощающей своего, даже мимолетного, поражения.

В 1928 году он был вторично арестован по обвинению в сотрудничестве с Ватиканом и, ни много ни мало, с польской и немецкой разведками. По-видимому, разведкам очень недоставало собранных Владимиром Николаевичем материалов о жившем более чем 1300 лет назад византийском патриархе Иоанне Схоластике – специалисте по вопросам византийского церковного права первых пяти столетий нашей эры! Если бы все это не было так страшно, то можно было бы над этим посмеяться. Но не до смеха – дело закончилось обвинительным приговором, и Бенешевич был сослан на Соловки на три года.

С ходатайствами об освобождении Бенешевича к советской власти обратились видные зарубежные ученые – Ф. Нансен и А. Эйнштейн. Но вместо облегчения участи осужденного, еще до окончания срока заключения его отозвали в Ленинград и предъявили новое обвинение. В 1930 году он проходил одним из обвиняемых по так называемому «Академическому делу» (сфабрикованному делу академика С. Ф. Платонова, обвиненному в заговоре по свержению действующего режима, организации нового, подпольного правительства). На этот раз угроза высшей меры наказания была настолько очевидной, что, находясь в подвальном карцере, академик всерьез думал

о смерти. В 1931 году суд приговорил его к ссылке на пять лет в Ухту. Его жена тоже не избежала его участи и была приговорена к трем годам заключения в Беломоро-Балтийском лагере.

Из ссылки Бенешевич вернулся досрочно, в 1933 году. По возвращении в Ленинград он сразу же стал хлопотать об освобождении супруги. В дело вмешался сам В. Д. Бонч-

Удостоверение об освобождении

Бруевич, и при его помощи Людмилу освободили за несколько месяцев до окончания срока, в 1934 году.

Вскоре Владимир Николаевич вновь устроился на работу в Публичную библиотеку, в отдел рукописей, и проработал там вплоть до 1937 года. Как

хранитель греческих рукописей, он постоянно настаивал на создании при Отделе рукописей Публичной библиотеки отдельного Кабинета греческой, латинской, славянской и восточной палеографии. Он первым из советских византинистов разработал программы и методику преподавания этого предмета, вел занятия с аспирантами.

Основной задачей греческой группы Отдела рукописей академик считал составление и издание полного каталога греческих рукописей. Предваряя эту работу, он написал обширное предисловие к еще не написанному каталогу, в котором проанализировал историю собирания и описания греческого рукописного фонда. Параллельно с этой работой он преподавал историю Византийской империи в Ленинградском государственном университете.

Вроде бы жизнь стала налаживаться. Но о Бенешевиче не забыли. Дело в том, что в свое время Владимир Николаевич получил предложение от Баварской и Прусской академий наук напечатать на немецком языке его большой труд об Иоанне Схоластике. Конечно, он ответил согласием. Публикация этого материала в немецком издании явилась поводом, спусковым крючком для очередных преследований со стороны властей. Несмотря на то что сам Бенешевич признавал себя советским и только советским ученым, его обвинили в антисоветчине и даже в связях с фашизмом. В октябре 1937 года ученого лишили звания профессора, уволили из библиотеки, а затем предъявили типичное обвинение в шпионаже. С этого уголовного дела мы и начали эту статью.

Оставшаяся одна, не имея никаких данных об арестованных муже и сыновьях Дмитрие и Георгии, брате мужа Дмитрие Николаевиче, вдова академика Людмила Фаддеевна в течение многих лет тщетно предпринимала попытки узнать что-либо об их судьбе. И лишь после 1956 года она получила свидетельства об их смерти с фальсифицированными датами вместе со справками об их посмертной реабилитации «за отсутствием состава преступления».

Все эти годы вдова академика жила на нищенскую зарплату лаборанта, так как ей, жене и матери «врагов народа», как тогда официально назывались репрессированные, все пути к более интересным и более оплачиваемым рабочим местам были закрыты. Дома она приводила в порядок оставшиеся бумаги, составила библиографию трудов академика В.Н. Бенешевича, подготовила к передаче в Академию наук его архив. Умерла Людмила Фаддеевна 3 февраля 1967 года.

Литература

1. *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 337–388.
2. *Медведев И. П.* Письма в защиту В. Н. Бенешевича // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 72–82.

3. *Васильков Я. В.* Востоковеды Публичной библиотеки – жертвы репрессий // Восточный сборник. СПб., 1993. Вып. 5. С. 232–235.

4. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. СПб., 1999. С. 26.

5. *Щапов Я. Н.* Из истории советской исторической науки: Проф. В. Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920–1930-х годов // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М., 1990. Т. 2. С. 306–309.

6. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. 2-е издание, дополненное. СПб., 2002. С. 57.

7. Санкт-Петербургский мартиролог. СПб.: Изд-во «Миръ», «Общество святителя Василия Великого», 2002. С. 57.

8. *Герд Л. А., Щапов Я. Н.* Бенешевич В. Н. // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 4: Афанасий-Бессмертие. М.: Православная энциклопедия, 2002. С. 619–621.

А. М. Любомудров

Вечное и преходящее в христианском сознании («Река времен» Б. Зайцева и «Архиерей» А. Чехова)

*Борис Константинович
Зайцев*

В русском зарубежье XX века совершилось уникальное событие в истории русской литературы Нового времени: возникла плеяда литераторов, в чьем творчестве основополагающей стала христианская традиция. Нужны были потрясения революционных лет, тяготы изгнанничества, чтобы художники, навсегда разлученные с родиной земной, обрели родину духовную – Святую Русь.

Борис Константинович Зайцев – классик русской литературы, который принадлежит к этой плеяде. Цельное православное мировоззрение пронизывает все его творчество и гармонично отражается в его художественном мире.

Б. Зайцев всегда оставался художником, принимавшим и любившим Жизнь, твердо верившим в Промысл. Он часто говорил о загадочности, непостижимости небесных путей, но не сомневался, что в любых испытаниях Господь не оставляет своих чад и ведет их ко спасению.

Образы православного монашества занимают одно из главных мест в художественном мире Бориса Зайцева. Речь идет не только о книгах «монастырской» тематики, таких как «Преподобный Сергей Радонежский», «Афон» или «Валаам». В романе «Дом в Пасси» главным действующим лицом является монах Мельхиседек, которому переданы автором свои взгляды на мир и человека, рассуждения о смысле страданий, времени и вечности. Самого Зайцева недаром называли «иноком» в литературе: темы смирения и доверия Творцу, создавшему жизнь, – лейтмотивы его прозы.

Закономерно, что последним художественным произведением писателя стало повествование о монахах – рассказ «Река времен» (1964). Он отмечен художественным совершенством, отточенностью стиля. Этот рассказ,

по мнению критики, «высшая точка художественно-духовного восхождения писателя» и входит в число «лучших десяти рассказов за последние сто лет»¹.

Темы вечности, смерти и бессмертия, тайны перехода в иной мир – самые устойчивые в семидесятилетней творческой биографии художника. И сокровенная мысль автора, высказанная устами героини рассказа «Актриса» в 1911 году: «Да, поглотит всех вечность, но жив Бог, и его мы несем сквозь жизнь, как и те дальние светила»², спустя полвека вновь звучит в «Реке времен», его художественном завещании.

Настроение рассказа – типично зайцевская светлая печаль, он овеян грустью прощания, ухода в Вечность, в мир *иной*, куда и отбывают его герои – *иноки*. Зайцев использует свой излюбленный прием: настоящее длящееся время в экспозиции повествования, затем прошедшее длящееся в зачинах главок: «С улицы течет ввысь тропинка-лесенка, а вокруг разрослись каштаны, вечно переливается листва их, тени пробегают по земле, зеленоватый полумрак, зеленая мурава по склону, так до самой церкви»³.

Свято-Сергиево подворье
в Париже

Возникает картина величественного и тихого, исполненного покоя и тишины монастыря (образом которого послужило Сергиевское подворье в Париже). Обитель под пером художника становится символом рая, небесного царства.

Неспешный, спокойный, как церковный благовест, ритм, ровное движение текста прекрасно передают именно монастырское бытие с его размеренностью, кругом чередующихся и возвращающихся празднеств, чередой богослужений: «Дни раннего лета плыли как облака, тихо и незаметно. Каштаны, как всегда, осеняли горку Святого... <...> В храме шли служения, хор студентов пел древние распевы, небогатый колокол однообразно вызванивал, что полагается» (7, 304). Атмосфера этого бытия исполнена смиренности, скромности и любви. Ритм воцерковленной жизни подчеркнут композиционно: повествование разделено на небольшие главки, каждая из которых имеет свой «календарный» зачин: ранняя весна, пасхальные дни, раннее лето, приближение осени: «Лето подвигалось дальше. Каштаны зеленели вокруг Андроника, но стали появляться листья и коричневатые, сухие, скромно кружась, падали на землю» (7, 308). Эта черда символи-

¹ Грибановский П. В. Борис Константинович Зайцев // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 138.

² Зайцев Б. К. Собр. соч.: [В 11 т.]. Т. 1. М., 1999. С. 241.

³ Зайцев Б. К. Река времен // Собр. соч. Т. 7. М., 2000. С. 301. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц.

зирует земную жизнь человека. Тихое движение отжившего листа к земле – образ кончины, которую один из персонажей чаёт встретить «в тишине, покорности».

Зайцев рисует два монашеских типа, у каждого из которых свои достоинства и свои немощи. Архимандрит Савватий – человек неколебимой и простой веры. Он монах «кондовый, коренной», из народа, всегда бодр и весел, бесхитростно мечтает о епископской митре. Архимандрит Андроник интеллигентен, у него душа ученого и художника, тонко чувствующего поэзию мира (и характер, и детали внешности Андроника схожи с обликом духовника Б. Зайцева архимандрита Киприана Керна – выдающегося деятеля русской эмиграции, патролога и богослова). Монашеский подвиг дается ему с трудом: он молод, испытывает приступы тоски и уныния, мучается неразрешенными вопросами бытия, разбирается в своей «запутанной душе»... Автору, пожалуй, ближе этот «христофоровский» (по имени персонажа «Голубой звезды») тип отрешенного от плоти земли мечтателя, любящего звездное небо, чувствующего вечность.

Сугубо мирские разговоры друзей-иноков о кофе, о митре, о присланном артосе не скрывают, однако, главного: в них есть живая вера и упование на Господа. В то же время это не некие идиллические, несколько абстрактные «облики простоты и приветливости», как зачастую Зайцев определял встреченных на Афоне монахов. Это совершенно реальные, можно сказать, обычные, монахи, у каждого из них есть свои слабости, свои не до конца преодоленные пристрастия, с которыми они ведут, более или менее успешно, духовную борьбу. Они видят немощи друг друга и, по евангельскому завету, «носят» их (Андроника, например, раздражает мелочность вопросов, которые задает на исповеди о. Савватий), молятся друг за друга, в их сердцах глубоко укоренилась христианская любовь. В чем-то она сродни такой же тихой и неколебимой любви гоголевских «Старосветских помещиков»: «Хорошо ли почивали, дорогой отец архимандрит?»... – «Вашими молитвами, Владыко. Пока жив. Только сон неважный» (7, 302).

*Архимандрит
Киприан Керн*

Но все-таки главным критерием приобщения человека к Божественной реальности в рассказе является степень смирения. Его не достигли ни Савватий, энергично добивающийся епископства, ни Андроник с его внутренними надломами. Подлинно смиренным оказывается монастырский привратник, даже не имеющий монашеского сана. Потерявший все – жену, детей, родину, живущий тихо и незаметно в домике, на стене которого икона «смирненного Преподобного» (Сергия Радонежского), он избран Богом, чтобы войти в такую меру смирения, которая недоступна даже соседям-монахам.

Именно он напоминает унывающему Андронику слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» и, в отличие от собеседника, не дерзает полагать, когда и кто отойдет прежде в мир иной: «Кому какой конец назначен и когда – воля Божия. А наше дело – жить, кто как умеет» (7, 315).

Несомненно, при создании рассказа перед взором Зайцева стоял чеховский «Архиерей». Об этом рассказе Зайцев высоко отозвался в своей книге «Чехов» (1954). В «Архиерее» и «Реке времен» много общего. Сюжет обоих произведений – кончина архиерея (отец Савватий скончался вскоре после того, как получил епископский сан; но рефлексия о жизни и смерти в рассказе Зайцева передана другому герою, о. Андронику). Сближает их и то, что тема ухода решается как общечеловеческая, сан героев в обоих рассказах не играет определяющей роли. И у персонажей рассказа Зайцева, и у героя Чехова – «тихий, скромный нрав». И здесь, и там размышления о смерти и вечности разворачиваются на фоне картин радостного Божьего мира, светлого мироздания: «Деревья уже проснулись и улыбались приветливо, и над ними, Бог знает куда, уходило бездонное, необъятное голубое небо»⁴.

Однако различия двух произведений не менее существенны.

В «Архиерее» звучит тема одиночества и сиротства человека в мире, в чем-то предвосхищающая повести А. Платонова. Душа владыки Петра тоскует, тяготеет мирской суетой. Парадоксально, но этот герой мучительно ищет Бога, но не может Его обрести. Ели внимательно читать текст, то назвать героя православным верующим нельзя. Чехов рисует тип «христиан», для которых вера всецело превратилась в традицию, но перестала быть живым переживанием Бога.

Детская, наивная вера о. Петра со вступлением его в зрелый возраст не укрепилась, обогатившись опытом и разумом, но постепенно истаяла в суетных попечениях. Внешняя форма оказалась полностью оторванной от живого христианского чувства, – это замечательно передано Чеховым в самоощущении архиерея во время службы на Страстной четверг. Более того, в рассказе заметны элементы типизации такого внутреннего устройства души: это и безымянный епархиальный архиерей (который «не думал о Боге»), и иеромонах Сисой – малоприятный тип с сердитыми глазами, который «всегда недоволен чем-нибудь», в частности, ему «не ндравится» в монастыре, но самое удивительное, что «ему самому было непонятно, почему он монах, да и не думал он об этом»⁵.

Можно сопоставить и эпизодические фигуры правящих владык, в которых отражаются некоторые черты главных персонажей: не названный по имени митрополит (или епископ) у Чехова и болящий митрополит Иоанникий у Зайцева. Если архипастырь в чеховском рассказе «весь ушел в мелочи,

⁴ Чехов А. П. Архиерей // Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1956. С. 465, 467.

⁵ Там же. С. 464, 470.

все позабыл», то в зайцевском – «жизни высокоаскетической, веры незыблемой. И незыблемой доброты». Характерны эпитеты: у Чехова он «очень полный», у Зайцева – «худенький... невесомо взлетал».

Примечательна полемика по поводу чеховской новеллы, возникшая между Зайцевым и архиеп. Иоанном (Шаховским). Зайцев не мог «предать» эстетику ради идеологии, поэтому никогда не был строг в собственно религиозных оценках произведений искусства, хотя в личной жизни был последовательно православным. В каждом явлении изящной словесности он видел отсветы, сияния высшего начала. Понятно, что и чеховский рассказ он ставит очень высоко, интерпретируя его как свидетельство «несознанной просветленности». «В „Архиерее“ ровное, неземное озарение разлито с первых же страниц повествования», – утверждает он в своей книге «Чехов», но не берется детально разбирать характер персонажа⁶.

Однако с такой оценкой не согласился архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской). Его мнение интересно вдвойне: с одной стороны, он сам был поэтом, критиком, ценителем художественного творчества, с другой – имел архиерейский сан и мог судить о служении архипастыря не понаслышке. Познакомившись с книгой Зайцева о Чехове, он написал автору:

«„Архиерей“ сделан как-то *очень* для меня *чуждо*. Ни одной черточки нет в нем близкой, в строе его переживаний... Это, конечно, не „старец“ Толстого, не „Отец Сергий“; но в чем-то подобен ему. *Прямого опыта религиозного не раскрывается в нем*. Он весь в плане „психологическом“, „душевном“. И неудача рассказа в том именно, что хороший человек выведен. Будь он не „положителен“, как тип, была бы более оправдана его религиозная бесхребетность духовная, безжизненность»⁷.

Внутренние душевные движения о. Андроника на первый взгляд напоминают переживания чеховского героя. Он постоянно размышляет, «как все сложно, запутано и двойственно в человеке». Его одолевают приступы уныния, избавления от которого он также ищет в том, чтобы «стать бы детским, бездумным, ясным». Ему знакомы приступы тоски, ощущение горестности этого мира. Но он осознает такие приступы именно как «минуты Богооставленности», – и здесь пролегает водораздел: ведь герой Чехова просто не задумывается о Боге, не вспоминает о Нем даже на смертном ложе. Зайцев запечатлевает не только *душевные*, но и *духовные* доминанты. «О многим запутанной душе своей» Андроник *молится*, ища ответа и выхода у Бога. Страдая от физических болей, нравственных переживаний, он засыпает все же с молитвой на устах: «К Иисусовой молитве, многократной, прибегал нередко, особенно когда бывало плохо. Тогда как бы отходила действительность, окружающее... погружался он в стихию иную» (7, 314). Но ведь в этом приобщении к иному и состоит подвиг иночества. Монашество дается ему

⁶ Зайцев Б. К. Чехов // Собр. соч. Т. 5. М., 1999. С. 453.

⁷ Зайцев Б. К. Из переписки с архиепископом Иоанном // Собр. соч. Т. 7. С. 431.

«тяжко», но подлинное монашество не может быть легким, и Зайцев говорит об этой духовной борьбе в душе о. Андроника.

Отцу Андронику чем-то показались близки стихи Державина о «реке времен», что «уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья», о жерле вечности, пожирающем все на земле. Во многом родственны они и исполненным пронзительной безысходности финальным строкам чеховского «Архиерея», где говорится, что через месяц «о преосвященном Петре уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли»⁸.

Но в повествовании Зайцева подобные мысли посещают человека в состоянии томленья духа, в «тяжкую минуту». Им противопоставлена христианская убежденность: «Написано знатно, дорогой авва, но не христианского духа. Господь больше и выше этого жерла. У Него ничто не пропадает. Все достойное живет в вечности этой». Эти слова произносит о. Савватий, до трагиваясь до креста, от которого исходит «спокойная, непобедимая сила» (7, 307). И о. Андроник соглашается с ним.

Завершается рассказ тоже образом вечности, но символом ее становится уже не вечно-зеленеющая листва, а солнечные лучи восхода, золотящие комнату, где над отошедшим в мир иной читается Вечная книга, заключающая Истину присносущую – Евангелие.

*Источник: Русская классика:
Сборник статей к 85-летию со дня рождения
и 60-летию научной деятельности
Николая Николаевича Скатова.
СПб., 2017. С. 487–492.*

⁸ Чехов А. П. Архиерей. С. 472.

«И было имя мне Елизавета...»

Жизнь и подвиг матери Марии (Скобцовой) в экспозиции Анапского археологического музея

Я знаю, – Родина, – и сердце вновь –
Фитиль лампадный, напоенный в масле, –
Замрёт и вспыхнет. Отольётся кровь
И вновь прильёт. И снова будет больно.
О, как стрела, пронзительна любовь.

Мать Мария (Скобцова), Духов день, 1942 г.

Эта статья, как и участие археологического музея г. Анапы в «Лукашивских чтениях», продиктована желанием музейных работников рассказать о давно уже подготовленной ими экспозиции, где освещаются необыкновенная жизнь и подвиг Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, более известной у нас и за рубежом как мать Мария.

Жизнь Елизаветы Юрьевны Скобцовой (8.12.1891 – 31.03.1945), урожденной Пиленко, делится на две неравные части – Родина и с 1920 года зарубежье, где она совершила свой подвиг в годы Великой Отечественной войны и погибла 31 марта 1945 года в фашистском концлагере Равенсбрюк в Германии. Нам хотелось бы вспомнить о духовных началах ее жизни на родине и, главное, проследить ее родословную линию Пиленко и связь с родом второго мужа Д. Е. Скобцова.

На побережье от Анапы до Абхазии и далее в XIX веке простирался Черноморский округ, начальником которого был дед Елизаветы Юрьевны – генерал-майор Дмитрий Васильевич Пиленко. В Днепровском уезде Таврической губернии находилось родовое поместье генерала в 1376 десятин земли, там жила его мать. Наш музей располагает копиями документов из Симферопольского государственного архива – «Дело Таврического дворянского собрания Д. В. Пиленко о внесении его в родословную книгу дворянства Таврической губернии». Это ходатайство на имя «Всесветлейшего, Державнейшего, Великого Государа Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского, Государа Всемилостивейшего». Писал это прошение со слов просителя от таврического дворянства депутат собрания дворянин Михаил Алексеевич Богаевский, указав: «Ходатайство подписано, руку приложил отставной генерал-лейтенант Дмитрий (Васильев) сын Пиленко».

Из текста ходатайства: «За службу на Кавказе и за боевую деятельность во время кавказской войны Всемилостивейше пожалован в вечное и потом-

ственное владение участком земли в размере двух тысяч пятисот десятин из свободных земель Натухайского и Темрюкского округов 1865 года октября 17 Предписанием Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армии; от 25 января 1867 года за номером 23 отчислен от должности начальника штаба войск Кубанской области, с назначением к исправлению должности начальника вновь образовавшегося Черноморского округа с оставлением по армейской кавалерии; 1867 год февраля 28 за отличие по службе произведен в генерал-майоры с утверждением о значимой должности и с оставлением по армейской кавалерии со старшинством...» К прошению прилагаются документы, где перечисляются награды, которые Д. В. Пиленко получил за годы службы на Кавказе и Кубани. И, по-видимому, именно второй орден Святой Анны (первой степени и с надписью «За храбрость») давал ему право на потомственное дворянство, согласно положению о введении в потомственное дворянство для служивого рода.

На пожалованных государем за службу землях, входивших в Темрюкский уезд левобережной Кубани, с 1864 года в собственном имении стал проживать род генерала Д. В. Пиленко. И именно сюда, в Анапу, унаследовав земли и поместья после смерти отца и матери, летом 1895 года Юрий Дмитриевич Пиленко, сын генерала, служивший товарищем окружного прокурора города Риги, привез свою жену – Софию Борисовну, урожденную Делоне, и двоих детей – трехлетнюю Лизу и ее младшего брата Митю. Здесь, в Анапе и поместьях прошло их детство, сюда, на родину, возвращалась Елизавета Юрьевна из Петербурга, Москвы и Поволжья – отовсюду, где бы ни оказалась. А когда судьба обрекла ее на вечную, как оказалось, разлуку с родиной, она возвращалась в родное поместье в своей памяти, не забыв ничего.

Генерал Пиленко за свою работу по управлению Черноморским округом неоднократно удостоивался наград от государя. Он много сделал для освоения и заселения Причерноморья, участвовал в развитии садоводства, виноградарства и виноделия, первым заговорил об экономической целесообразности развития курортов и, в частности, Анапы (даже написал об этом в петербургской газете «Гражданин»). Наконец, его управление отмечено восстановлением и строительством храмов и, следовательно, утверждением веры православной не только здесь, но и в границах округа.

Его первый дом был построен в 1878 году (есть документы из Краснодарского архива). Это была прекрасная усадьба в ближайшем к Анапе местечке Джемете, построенная по проекту петербургского академика архитектуры В. П. Цейдлера, зятя генерала. Дом был похож на средневековый замок, двухэтажный, с винным подвалом под ним и башней, венчавшей его. (У Софьи Борисовны в воспоминаниях есть описание этого дома, а на фотографии, присланной нам из Англии священником отцом Сергием Гаккелем, запечатлен дом в момент строительства – снимок был увезен им в эмиграцию). Есть и в стихах Елизаветы Юрьевны упоминание о родном доме: «Смотрю, смотрю с одинокой башни, ах, уснуть бы, уснуть непробудно...» (сб. «Скифские

черепки». 1912 г.). Есть и рисунок матери Марии, сделанный в эмиграции (Стихи. Петрополис, 1937), где на странице рядом со стихотворением, тушью от руки нарисован подвал джеметинского дома и удаляющаяся по оврагу согбенная фигура женщины в черном, с клюкой («Там были молоко, и мед, и соки винные в точилах...»)

А еще вблизи бил прекрасный родник Хан-Чокрак (Золотой родник). Там, недалеко от усадьбы, где покоились его родители и супруга Надежда Борисовна, завещал похоронить себя хозяин этой земли генерал Дмитрий Васильевич Пиленко. (Это место и поныне отмечено их именами.)

В Анапе была улица Пиленко, сквер Пиленко. В музее есть открытки конца XIX века с изображением этого сквера из семейного архива Пиленко. Одну из них прислал священник Гаккель из Англии. Это свидетельство их жизни на этой земле. На территории нынешней Абхазии когда-то было село Пиленково, об этом даже упоминалось в путеводителях по Черноморскому побережью начала прошлого века. К сожалению, в Анапе и районе эти названия не сохранились. Но и сегодня в Сочи экскурсоводы вам расскажут о сохранившемся соборе Михаила Архангела, возведенном стараниями Д. В. Пиленко. Храм был освящен в 1891 году. В Анапе также по инициативе генерала был заложен в 1893 году храм во имя пророка Божиего Осии. Автором проекта стал В. П. Цейдлер. Генерал не дожид до его освящения в 1902 году. Строительство заканчивал его сын, Юрий Дмитриевич Пиленко. Стараниями сына генерала были вымощены несколько улиц, базарная площадь в Анапе, проведено электричество в городе, поставлены фонари на площади и возведены казино и сцена для театральных постановок и оперетты, вокруг посажены деревья. В 1915 году дядя Елизаветы Юрьевны – Владимир Илларионович Пиленко, сын брата генерала, построил прекрасную больницу, будучи в течение нескольких лет городским головой, как и Юрий Дмитриевич Пиленко. (Кстати, детей Иллариона с 1870 года воспитывал их опекун – генерал-лейтенант Дмитрий Васильевич Пиленко. В музее есть документ, подтверждающий это. Он привезен из Франции с международной конференции, посвященной матери Марии.)

В появление марки Абрау-Дюрсо неоценимый вклад внес генерал В. Д. Пиленко. Именно он стал одним из первых виноградарей и виноделов Причерноморья и основал виноградарское хозяйство на удельных землях царской семьи. Здесь его вклад неоспорим. Виноградники, выращенные Пиленко, давали прекрасный урожай, а первые вина из винограда сорта каберне были удостоены золотой медали на Нижегородской ярмарке, где их представлял уже сын генерала Юрий Дмитриевич. Первая станция виноградарства и виноделия рядом с Анапой хранит память о своих достижениях, и долгие годы там работала дочь генерала Пиленко Елизавета Дмитриевна, вдова академика архитектуры В. П. Цейдлера. Виноградарством и виноделием успешно занимались и другие члены большой пиленковской семьи, продолжившие это занятие и во Франции.

Выстраивая образ духовного имени матери Марии, мы обращаемся к тому почти провидческому определению, которое высказывают о ней иерархи православия.

Хочется привести слова митрополита Антония Сурожского, знавшего мать Марию в эмиграции, о ее духовной значимости: «...Она прожила в разрывающих душу и плоть противоречиях со-страдания и ответственного несения своего христианского имени: любовью Любви ради, в умирании ради Жизни, в отдаче своей жизни ради правды Царствия Божия... Ее образ будет становиться светлей и светлей, ее духовное значение будет для нас все возрастать, по мере того как и мы начнем понимать последний смысл любви, воплощенной и распятой».

Эти строчки приведены священником отцом Сергием Гаккелем в книге «Мать Мария», изданной в 1980 году. В музее есть экземпляр с дарственной надписью автора, которую он прислал вместе с целой группой подлинных документов в 1995 году из Англии, положив начало созданию музейного фонда в Анапе.

И в то же время хочется напомнить слова самой монахини Марии (Скобцовой), которые приводит в своем письме схиигуменья Пюхтицкого Свято-Успенского женского монастыря в Эстонии Варвара (Трофимова), рассказывая по нашей просьбе об участии матери Марии на съезде РХСД, проходившем в монастыре в июле 1932 года, куда монахиня приехала на встречу с молодежью из русской эмиграции. Вот дословно строки из письма: «Каждый народ носит в своей душе черты, отличающие его от другого народа, в том числе и русский народ. И эти черты мистическо-религиозные. И каждый народ, несмотря ни на какие политические испытания в своей жизни, сохраняет эти черты, то есть душу народа, и убить душу народа невозможно». Вот что она говорила молодежи о родине, о том, что они всегда должны помнить. Помнить, кто они и откуда они.

Покинув родину в 1920 году, она в карточке, заполняемой каждым иммигрантом, переезжающим во Францию, на вопрос о постоянном месте жительства в России к началу мировой войны написала одно слово и одно место – Анапа.

Когда Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву (фамилия по первому браку с 1910 по 1919 год) судили в Екатеринодаре в марте 1919 года «за сотрудничество с большевиками» в городе Анапе и ей угрожал военно-окружной суд и смертная казнь, за нее вступилась группа писателей во главе с Максимилианом Волошиным. В Екатеринодар была отправлена телефонограмма вице-губернатора Одессы в защиту Елизаветы Юрьевны, к которому по просьбе Волошина обратилась писательница Тэффи. В газете «Одесский листок» было помещено открытое письмо, адресованное правительству Кубанской Краевой Рады, судившему Елизавету Юрьевну. Именно в этом письме она была названа достойным русской земли. В нем говорилось, что она – поэт, художник, философ, общественный деятель, что ее прочат в ректоры

женской духовной академии, которую собирались создать в России, обращалось внимание на то, что даже в пылу Гражданской войны не должна была власть «решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева». Именно тогда вся Россия узнала о том, что поэтесса Серебряного века сдала экстерном экзамены по курсу Петербургской духовной академии, что было исключительным явлением в 1919 году. Нужно ли нам сегодня говорить о том, в чем состояла высшая степень ее духовности, талантов и одаренности и когда она возникла. В краснодарском архиве ныне хранятся экземпляры газеты «Утро юга», в которой публиковались материалы тех трех дней суда в начале марта 1919 года. Она сама защитила себя, рассказав об антибольшевистской деятельности, которой ей приходилось заниматься как члену письменного отдела партии правых эсеров, тем самым убедив всех в своей невинности. В газете был опубликован приговор суда (две недели ареста в Екатеринодарской тюрьме) и заключительное слово обвиняемой.

Здесь же, на нашей кубанской земле родился и вырос Даниил Ермолаевич Скобцов, который стал опорой Елизаветы Юрьевны во всех ее скитаниях в эмиграции. Член правительства Кубанской Краевой Рады, казак станицы Урупской, историк, историограф гражданской войны на Кубани. Став мужем Елизаветы Юрьевны в 1919 году, он убедил ее покинуть Родину. До конца своих дней он сохранял любовь и привязанность к ней, остро переживая развод после принятия ею решения о монашеском постриге в 1932 году. Сын Юрий, родившийся в Грузии, в Тифлисе, погибнет в 1944 году в концлагере Дора (ответвлении Бухенвальда). В Сербии родится дочь Настенька, которая проживет всего четыре года и умрет уже во Франции, где остановится семья после скитаний по Европе. В Сербии в 1923 году Юру и Настю будет крестить священник штаба генерала П. Н. Врангеля – о. Василий Виноградов, и у нас есть копии этих свидетельств о крещении. В Сремских Карловцах, приютивших русских беженцев, находились по решению правительства и Святейшего Синода Сербской православной церкви иерархи Русской Православной Церкви и штаб Вооруженных сил Юга России во главе с главнокомандующим генералом П. Н. Врангелем. Благодаря энергичным действиям и организации эвакуации он спас 150 тысяч бойцов Русской армии, раненых, инвалидов и гражданских лиц. По-видимому, именно тогда пришла страшная весть о гибели брата Елизаветы Юрьевны и сына Софьи Борисовны – Дмитрия Юрьевича Пиленко. Крестник и внук генерала Дмитрия Васильевича Пиленко, продолжатель рода, был артиллеристом в Первую мировую войну, в 1916 году получил «Георгия» за участие в боях на северо-западном фронте. В 1918 в Анапе он отказался участвовать в красногвардейском отряде и сражался в рядах армии П. Н. Врангеля, умер в Крыму в апреле 1920 года от брюшного тифа и «остался» в братской могиле под Севастополем... Это известие было первым на пути невосполнимых утрат семьи Пиленко и Скобцовых.

В 1947 году в Париже стараниями Даниила Ермолаевича Скобцова была издана книга «Мать Мария. Стихи, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюке». Но в ней ничего не сказано о судьбе их сына – Георгия Скобцова. Есть предисловие от составителя Д. Е. Скобцова, его воспоминания об аресте и о том, что он видел, как покидали узники тюрьму в Роменвиле, и среди них была Елизавета Юрьевна. В книге помещены воспоминания Софьи Борисовны Пиленко об аресте Юры и священника храма Покрова Пресвятой Богородицы при приюте на улице Лурмель о. Димитрия (Клепинина). Есть и воспоминания узницы концлагеря Равенсбрюка, выжившей и вернувшейся в Париж и рассказавшей о последнем жесте обреченной, уводимой на смерть, – попытке сохранить очки, которые с нее сорвали... Эта книга была первой, посвященной матери Марии, и это больше чем воспоминания. У Даниила Ермолаевича Скобцова оставалась маленькая надежда, что сын жив, но для того, чтобы убедиться в этом, надо было побывать на родине... Об этом свидетельствуют документы, которые он подготовил в 1947 году, в том числе и паспорт на два года, который остался невостребованным... до конца его жизни. Могила Даниила Ермолаевича Скобцова (15 декабря. 1885 – январь 1969) находится на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в пригороде Парижа, рядом с могилой дочери Насти и мамы матери Марии – Софьи Борисовны Пиленко (так обозначено место упокоения их во Франции).

В нашем городе Анапа и пригороде не сохранилось памятных знаков с именем Пиленко. А ведь они, несомненно, были, начиная еще с XIX века. Впрочем, это уже отдельная тема, которая, возможно, получит развитие при условии выполнения принятого статуса «Имя Кубани». Сегодня в нашем городе есть памятный знак в районе порта, установленный по инициативе археологического музея и при личном участии бывшего старшего научного сотрудника музея к 100-летию со дня рождения матери Марии (Скобцовой) – Елизаветы Юрьевны Пиленко. С 21 декабря 1991 года, вот уже 27 лет, он стоит в черте бывшего сквера Пиленко, то есть дедушки и крестного отца Лизы и Мити. Гранитная глыба и выступающий за ее края латунный крест – это тот крест, который мать Мария «принесла» после открытия храма святого Онуфрия Великого. Почти тридцать лет его использования под Дом пионеров, но 1 декабря 1991 года он был вновь открыт и освящен владыкой Исидором. «И все вернется на круги своя...»

Тайна негромкого имени «Поэзия незаменимых слов» Марии Петровых (1908–1979)

Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

Анна Ахматова. 1945

Мария Петровых

Мария Сергеевна Петровых – одна из загадочнейших фигур русской поэзии. Бывает нас удивляет тайна поэтической славы и известности какого-то громкого имени. Здесь остается только удивляться тайне этого почти скрытого от читателей – волею судеб и обстоятельств – значительного, высокого и отточенного поэтического таланта. Недаром её жизненная и литературная судьба, как и её поэтическое творчество, ассоциируются с образом брошенного тайника. Когда-то Мария Сергеевна произнесла о себе не без горечи, но с надеждой:

...Кто же всё-таки, кто же ты?
Отзовись из безвестности.

Лишь тростник заколышется
Тем напевом, чуть начатым...
Пусть кому-то послышится,
Как поёт он, как плачет он.

В горьких, порою рыдающих строках поэзии Марии Петровых – судьба ее самой и ее поколения. В них – пережитые и выстраданные мысли и чувства людей дореволюционного уклада, выживших после жестоких, обжигающих событий начала XX века, хранивших традиции истинной русской культуры, идеалы Святой Руси и говоривших на чистом русском языке.

Чуждые выпренности, далекие от модных в ту пору лозунгов и политического пустословия, простые по лексике, но емкие строки ее стихотворений с присущей им зачастую кольцевой композицией и рефренами, психологической насыщенностью и мелодичностью действительно напоминают песни или же народные плачи. Одно из них так и называется: «Плач китежанки».

Боже правый, ты видишь
 Эту злую невзгоду.
 Ненаглядный мой Китеж
 Погружается в воду.
 Затонул, златоглавый,
 От судьбы подневольной.
 Давней силой и славой -
 Дальний звон колокольный.
 Затонул, белостенный,
 Лишь волна задрожала,
 И жемчужная пена
 К берегам отбежала.
 Затонул мой великий,
 Стало оглядь безмолвно,
 Только жаркие блики
 Набегают на волны.

В этом плаче – воплощение внутренней сути Марии Петровых, художественное воплощение того, что мучило и увлекало ее, какие чувства и убеждения двигали ею, что было для нее заветным и что придавало ей силы.

«Родина моя – Ярославль, вернее Норский посад под Ярославлем, – писала Мария Сергеевна, родившаяся в 1908 году в семье директора фабрики «Товарищество Норской мануфактуры» Сергея Алексеевича Петровых. – ...Крутой берег Волги с оврагами... На крутых горах – церкви: три церкви в Норском посаде и четвертая подальше – в селе Норском...

Три класса начальной школы и подготовка в гимназию, где учиться мне так и не пришлось. Дальнейшее мое обучение было уже в советской норско-по-

*Сергей Алексеевич и Фаина Александровна Петровых с детьми.
 Стоят – Николай, Елена, Владимир. Сидят – Мария и Екатерина. 1915 г.*

садской школе, а потом в ярославской школе...» Жизнь явилась уже в другом измерении. Как скажет она позже в одном из стихотворений: «Мировоззрение переиначили».

В своих коротких автобиографических заметках Мария Сергеевна рассказывает о вехах своего творческого пути: об учебе, поэтических собраниях, имевших место быть в Ярославле в Союзе поэтов, на Высших государственных литературных курсах, затем в Московском университете, законченном экстерном, и в Москве в Союзе писателей, куда вступила в 1942 году, о своей работе над поэтическими переводами, о своих литературных увлечениях и предпочтениях. О многом же, очень существенном и важном, что случилось в жизни и на литературном пути, рассказать было просто невозможно.

«Мучениками немоты» называла она своих современников. «*Меня швыряло из огня да в полымя / И вновь об лед*»; «*Судьба за мной приглядывала в оба, / Чтоб вдруг меня не обошла утрата, / Я потеряла друга, мужа, брата, / Я получала письма из-за гроба*». А в одном стихотворении, обращаясь к персонажу народных песен, былин и сказок, явившемуся наяву в драматические 30-е годы: «*Черный ворон, черный вран, / Был ты вором, иль не крал?*» – слышит в ответ слова: «*Я белее был, чем снег, / Я украл ваш краткий век. / Сколько вас пошло травой, / Я один за всех живой*».

Строки, наполненные нотами глубокой тревоги, боли, неблагополучия, растерянности, обреченности, внутреннего смятения, отчаяния – не случайны: «*О, сердце человечье, ты все в кровоподтеках*»; «*Хотя б глоток, – Мгновенье воздуха, мгновенье!*»

Как и слова: «*Кто доживет до переклички перед Рождественским постом?*» Среди родных и близких друзей Марии Сергеевны было немало людей верующих, православных и священнослужителей Церкви, прошедших лагерь, тюрьмы, ссылки, аресты и допросы во время массовых репрессий зловещих 30-х годов, как и угрозы богоборческого лихолетья годов последующих. «*Оглянусь – окаменею...*»

Родной дядя (брат матери) – священник Троицкой церкви Норского посада Дмитрий Александрович Смирнов, прошедший лишения и гонения и пострадавший за Христа до смерти, прославлен ныне – решением Священного Синода Русской Православной Церкви 17 июля 2001 года – в лике священномучеников. Он был личным секретарем митрополита Агафангела (Ярославского и Ростовского) – святого исповедника Церкви Русской, бывшего одним из местоблюстителей святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России.

Священномученик
протоиерей Дмитрий Смирнов

Священномученик
митрополит Иосиф (Петровых)

в нашу встречу. Больше мне не надо ничего».

Позже Мария Сергеевна горько произнесет: *«И вот я почти одна. Но все ж не напрасно, не зря живу, Я жертвы великие назову, Великие имена»*. Воистину – имена великие: на крови новомучеников и исповедников стоит Церковь Русская, их жертвенным подвигом жива Русская Земля.

А скольких поэтов доведется еще оплакать Марии Петровых, почти еще девочкой стоявшей у гроба Сергея Есенина. *«Крепнет сиротство день ото дня»*, – печалится она. *«Никого не узнаю. Исчез он Мир, где жили милые мои. Только лес еще остался лесом, Только небо, облака, ручьи»*.

Мария Петровых, почувствовавшая свое литературное призвание с юных лет, жила в самом вихре литературного процесса страны. Ее думы, мысли, труды и радения – о литературе и для литературы. Круг ее общения –

Мария Петровых.
Ярославль. 1922

Дядя ее отца – Иван Семенович Петровых, церковный деятель и духовный писатель, митрополит Иосиф, неоднократно арестовывался. 19 ноября 1937 года был приговорен к расстрелу Тройкой УНКВД по Южно-Казахстанской области. Был расстрелян 20 ноября 1937 года вместе с митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым). Владыка Иосиф прославлен в лике священномучеников Русской Православной Церковью за границей в 1981 году.

Муж Марии Петровых – Виталий Дмитриевич Головачев, библиограф и музыковед постановлением особого совещания при НКВД СССР был осужден к пяти годам ИТЛ и сослан в Медвежьегорск (Карелия). Умер в 1942 году в спецлагере. *«Если бы поверить*

поэты, писатели, литературоведы, Близко зная Анну Ахматову и дружившая с ней, Мария Сергеевна давала нашей знаменитой соотечественнице советы и рекомендации по поэтическим переводам. Сама же Анна Ахматова ценила *«редакторский рентген»* Марии Петровых, а некоторые из ее стихов называла *«шедевром лирики последних лет»*. Прекрасный знаток многогранного русского слова, владея тонким чутьем языка и щедрой доброжелательностью к чужому таланту, Мария Сергеевна была не только блестящим, глубоким поэтом, но и искусным переводчиком.

Работать ей довелось литературным сотрудником в газете «Гудок» и в «Сельхозиздате». А годы войны она провела в эвакуации в городе Чистополе Татарской АССР. Как вспоминала она позже: *«Дальний Чистополь на Каме, На сердце горящий шрам»*. И в эти годы шла у нее напряженная литературная работа. Ее переводческая работа началась еще в 1934 году, а в 1941-м вышла первая книга переводов туркменского поэта Молла Непеса. Военные годы были отмечены стихотворным вечером в Чистополе, стихотворным вечером в Москве, совместно с Б. Пастернаком, Н. Асеевым, К. Кулиевым, и – вступлением в Союз писателей. В 1943 году Мария Петровых сдает рукопись своих авторских стихотворений в издательство «Советский писатель» и... получает четыре отрицательные рецензии. И немудрено: новое направление социалистического реализма в литературе требовало пропаганды коммунистических идей, а сердца верующих и верных прежней России людей жили идеалами Православной Руси, опустившейся теперь, как Китеж-град, в свою потаенную глубину.

В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года партия высказалась за то, чтобы критика продолжала вести беспощадную борьбу с врагами, но бережно воспитывала близких ей людей. «Чужеродные явления» в пролетарской литературе должны быть устранены. Отношение к «попутчикам» и «идеологическим агентам буржуазии» было определенное.

Это были времена господства вульгарно-социологического подхода к оценке литературы. Марию Петровых занесли, впрочем, как это было и с Анной Ахматовой, и даже Александром Сергеевичем Пушкиным, в разряд «внутренних эмигрантов» или «поэтов, безнадежно устаревших». Критики решили, что такая поэзия нужна «только двум и очень узким категориям читателей». Во-первых, «интеллигентам», одиноким, замкнутым в себе людям (преимущественно женщинам), во-вторых, «любителям мастерства и формы как таковых» и печатать их не следует.

Более опубликовать книгу Мария Петровых не пыталась. И только строки стихотворений говорят о ее внутреннем смятении: *«Меня не должно быть...»; «Легко ль понять через десятки лет – Здесь нет меня, ну просто нет и нет»; «При жизни я была так глубоко забыта, Что мне посмертное забвенье не грозит»*.

Долгие годы Марию Петровых называли замкнутой в себе, узколичностной, любительницей внешней литературной формы. Ни одно, ни другое неприемлемо было для нее. Мария Сергеевна не любила пустых красот, яркой околотитулярной мишуры

Мария Петровых

и словесных фокусов модерна, убивающего самый смысл и сущность искусства. «Все эти смутные мысли, натужные и напряженные, негармоничные... Эксперименты в русском языке, русской речи, выверты... – все анти-гармония, то есть слово изломанной души», – сетовала она в дневнике. «Лаконизм, гармония, скрытый огонь» – вот что она ценила в поэзии.

Она воспринимала земную человеческую жизнь своей честной, мужественной и нежной душой, – не шутейно, но как ответственное делание, как испытание, как труд души. «Страшен так, что нету сил, Напряженный промежуток От рождений до могил». Или: «Как тяжело не слышащей, незрячей пустой душе», – читаем в ее стихах. А в своих дневниковых записях она произнесла следующие слова: «Смысл жизни не в благоденствии, а в развитии души». Она и в творчестве отличалась значительностью и емкостью поэтического мышления. В ее стихах – опыт эпохи, опыт поколения, опыт и горький, и спасительный. Слова, сказанные ею Анне Ахматовой: «Твоя жестокая судьба Была судьбой всего народа», в полной мере относятся и к ней самой. Позже она скажет:

Я слов не нахожу – как ты чужда мне,
Поэзия шестидесятых лет.
Не распрощаюсь я с любовью давней –
С владычеством предчувствий и примет.
О Господи, какое многословье,
Какое расслабление умов!
Нет, не расстанусь я с моей любовью –
Поэзией незаменимых слов.

Не находя выхода своему творчеству, как будто охваченная немотой («Меня сковало смертной немотой...») Мария Сергеевна занимается поэтическими переводами. И здесь любители поэзии обнаруживают для себя удивительную вещь: стихи известных и любимых поэтов прошлого века разных народов СССР и поэтов так называемого «социалистического лагеря» разговаривали с ними поэтическим языком Марии Сергеевны Петровых. Она переводила с туркменского, литовского, армянского, грузинского, еврейского, кабардинского, болгарского, польского, чешского, югославского, андалузского, вьетнамского и индийского языков.

В 1943 году вышла книга ее переводов литовской поэтессы Соломеи Нерис. А в 1944 году состоялась судьбоносная поездка в Ереван для работы над переводами молодых армянских поэтов – Маро Маркарян, Сильвы Капутикян и других.

Стараниями будущего основателя и ректора Российско-Армянского государственного университета, писателя, литературоведа и теоретика художественного перевода Левона Мкртчяна в Ереване выйдет позже, в 1968 году, единственная прижизненная книга Марии Сергеевны Петровых «Дальнее дерево». Именно Левон вдохнул в поэтессу веру, доказав, что и ее собственное творчество прекрасно.

Конечно, небольшая и малотиражная книга избранной лирики включала в себя далеко не все из созданного. А в 1970 году Мария Сергеевна получила звание деятеля культуры Армении. И еще через десять лет – премию Союза писателей Армении.

А тогда поездка в Ереван была как отдушина, как глоток свежего воздуха. Позже, в своей автобиографии она напишет: *«Молодые поэты оказались на редкость одаренными, работать над переводами было упоительно... С тех пор – моя любовь к Армении, моя верность».*

М. Петровых и Л. Мкртчян. Москва. 1968

Осень сорок четвёртого года,
 День за днём убывающий зной.
 Ереванская синь небосвода
 Затуманена дымкой сквозной.

Сокровенной счастливою тайной
 Для меня эта осень жива.
 Не случайно, о нет, не случайно
 Я с трудом подбираю слова, -

Будто воду из глуби колодца,
 Чтоб увидеть сквозь годы утрат
 Допотопное небо Звартноца,
 Обнимающее Арарат.

К переводам Мария Петровых относилась ответственно, как и сказала в своих стихах: *«Такое дело: либо-либо. / Здесь ни подлогов, ни подмен...»* И: *«Пусть чья-то речь в живом движенье / Вдруг зазвучит без искаженья / На чужеродном языке».*

Удивительное дело, как удалось ей, после жестоких утрат и унижений, когда она говорила: *«Во мне живого места нет»* – сохранить в себе «и безоглядное любвеобилье детства, и юности непримиримый нрав»? В одном из своих стихотворений она сказала: *«Сердцу ненавистно ненавидеть. / Сердцу ненавидеть несподручно»*; *«Ненависть – пустыня... / Ни ветра, ни воды».* А в другом: *«Одна на свете благодать – / Отдать себя, забыть, отдать / И уничтожиться бесследно».* Редкое для поэта качество. И это не пустые слова – в дневнике читаем: помочь этому, поддержать того, утешить третьего. Как же

Мария Петровых

она понимала и любила собратьев по перу, знаменитых и не очень! *«Вечно в работе, всегда в нищете, Всегда в полете... О, путь поэта!»* И не удивительны ли ее слова: *«Без тайной зависти свой крест неси»?*

В *«тихом и грозном голосе»* Марии Петровых, в ее умении не погибнуть *«от унижений и обид»*, когда нужно жить *«сердцем негодующим крепясь»*, *«в бессильной ярости сжимая кулаки»*, видится то удивительное свойство русского народа, которое называется – *«терпение»*. *«Буду замертво жить. Буду жить терпеливо»*. Особая русская выносливость, способность приноровиться, не уступая, гнуться, не ломаясь, хранить верность себе и Богу, даже когда вокруг *«плен и плен»*.

И как тут не вспомнить евангельские слова: *«Любовь не мыслит зла»* (1 Кор. 13:5). Это умение не возненавидеть, но любить, – особенно остро проявилось, когда на Отечество обрушилась *«злая боль войны»*. В стихах военных лет Марии Петровых – и скорбь о страдающей Родине, и требование возмездия, и уверенность в победе: *«Где павшие братья, – война, война! / В безвестных могилах... Мы взыщем за милых, / Но крови святой неоплатна цена»*; *«Слезы эти – зарева кровавей – / Отольются гибелью врагу»*; *«Врагов укроет лишь могила, / И та исчезнет без следа»*.

Тяжесть войны объединила людей. Прошли и годы жестоких гонений, жизнь внешне как будто устроилась, но поменялась ли идеология, мировоззрение? *«Не мыслю живущих обидеть, / Но как здесь темно и мертво»*; *«Какие-то ходы и переходы / И тягостное чувство несвободы»*; *«Не однажды реки вспять поворачивали силой... / Стала мертвою вода»*; *«Идешь и думаешь так громко, / Что и оглянешься не раз»*; *«Давным-давно та церковь замолчала, / Быть может снесена»...*

Было то, что не оставляло, мучило и обижало ее всю жизнь: *«Всю ночь страданье раскаленное, / О совести, память, жаркий стыд!..»* Темы долга, памяти, совести, возмездия, ответственности перед потомками, покаяния – ключевыми проходят через всю поэзию:

А нас ещё ведь спросят – как могли вы
 Терпеть такое, как молчать могли?
 Как смели немоты удел счастливый
 Заранее похитить у земли?
 И даже в смерти нам откажут дети,
 И нам ещё придётся быть в ответе.

Но и в это время Мария Сергеевна не отделяет себя от народа, от Родины. В письме уезжающему за границу писателю есть слова, выделенные ею жир-

ным шрифтом: *«Останьтесь верны Родине, где бы Вы ни находились... Нет Родины у Вас, кроме России. Но и на чужбине можно жить достойно и плодотворно и служить Родине своей. Живите в полную силу».*

Она не терпела пренебрежительного отношения к народу, как к толпе: *«И я не по праздной причине / Людьми называю людей».* А в стихотворении «Лесное дно», как и многие из ее стихов, как будто зашифрованном тайнописью образов, она говорит: *«А памяти черные шрамы свежи / На белых стволах... Это летопись леса. / Прочтешь лишь начало – и слышит с души / Невидимая вековая завеса... / Я знаю, под грубой корою берез / Сокрыта прозрачайшая сердцевина».* И в этом – вера в Родину, пусть даже израненную и жестокою к своим детям, и вера в неиссякаемую силу и способность русского народа сохранить в себе все лучшее, что было прежде и есть всегда в его главной сокровенной сути, пусть даже *«под грубой корою»*, в глубине своей...

Таких зашифрованных стихов много. Это и «Дальнее дерево», трепещущее, как в лихорадке, *«оно дрожит дрожмя», «трепещет, как под топором»* – от того, что его пытаются оторвать от корней: *«Оно б хотело убежать, / Да корни глубоки»*, появившееся в 1959 году. Это и стихотворение «Отрывок», написанное в 1928 году. Стихотворение, изображающее морскую бурю – бурю революционных перемен, которая, как *«голодный зверь»*, пытается *«втоптать в себя чужую силу»*. Воистину это стихотворение пророческое. Поэтам свойственно невольно пророчествовать, раскрывая скрытую глубину событий. Но это пророчество пронизывает временное пространство: *«Сквозь плен (сквозь тлен!) внемли очами / Саможиранию громад Безумных волн, голодных нами».* Государство-громеда с мощнейшей экономикой и всеобщей поднадзорностью рухнет через полвека, как и в 1917 году. Да и может ли устоять *«царство, разделившееся само в себе»* (Мф. 12: 25)? И спасется ли народ, если он забыл отеческие заветы и Бога?.. Как это актуально сегодня, когда снова стремительно утрачивается народом единокровие, нравственная чистота, память о прошлом и – вера!

Актуальна и мысль, терзающая и ведущая Марию Петровых всю ее жизнь: слово или молчание, когда творится беззаконие? немота или ответ на зло? Для себя она решила и осуществила и жизнь, и своим творчеством: *«Но либо молчание, либо лишь правда».* Мария Сергеевна была максималисткой: *«Коль мороз, так уж мороз. Счастье – счастьем, горе – горем»; «И скажешь ты два кратких слова, / Два крайних слова: да и нет».* А в стихотворении «Средневековье» герой сюжета – монах – говорит:

И я потребую отмщенья
 За то, что здесь темно.
 Да, я монах, но всепрощенье
 Мне чуждо и смешно.

Я пред крестом творю молитву
 В мерцании свечи,
 И на коне бросаюсь в битву,
 С врагом скрестив мечи.

Когда, веки опустив и губы сжав, замирают «в грозном молчании могильном, вековом, беспомощном, бессильном» те, кто мог бы еще препятствовать разливающемуся злу, – остается одно: «И ни нам, и ни от нас прощенья, / Только завещанье на отмщенье»... «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19). Но не творится ли уже сегодня, в XXI веке, возмнившем вновь построить «новый дивный мир» без Бога и человека, это отмщение? И есть ли еще время говорить? А нам, сверстникам этого века, «Хватит ли отваги на отвагу»?!

В чем же черпала свои силы тогда ровесница мятежного XX века, сказавшая: «В себе отыщи непонятную силу, / Как скрытую золотоносную жилу»? И что вдохновляло её?

Общение с природой, которая буквально зримо являлась в её стихах и очищала, предупреждала, успокаивала, утешала: «На листву, как на чудо, / Я гляжу благодарно». Недаром же так часто повторяются в её поэзии ключевые слова: море, лес, вода, волны, ветер, звёзды, дерево, листва, птицы, небо. И конечно – свет. «Все дело в свете», – убеждена она. «Февраль маячит светочем / Предчувствий и примет»; «Лишь небо древней синевы / Да золотой веселый свет в косматой седине травы»; «Ночь насмешливые звезды скалит»; «Звёзд голубые хрящи хрустят»; «Животворящая вода»; «Заливистая свора звёзд указывает путь»; «У птиц лесных и ты учишь»; «Не верь, что ты звездой падучей скатилась»...

Любовь к близкому человеку – самоотверженная, нежная и кроткая; чувство сильное, всепоглощающее, жертвенное, нравственно-чистое:

Не взыщи, мои признанья грубы,
 Ведь они под стать моей судьбе.
 У меня пересыхают губы
 От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью -
 Жизнью, воплощённую в мольбе,
 У меня заходится дыханье
 От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
 Что живу сама с собой в борьбе,
 Но глаза мне застилают слёзы
 От одной лишь мысли о тебе.

Ещё – общение с людьми – с искренним великодушием и самоотдачей со стороны Марии Сергеевны: *«Не зря, не даром все прошло, / Коль сердца твоего тепло / Чужую боль превозмогло, / Чужое сердце отогрело».*

И конечно же, вера и молитва. В своем мысленном разговоре с мужем, томящимся в застенках, она произносит: *«Ты думаешь о горькой, неминуемой / Глухой судьбе, что мне предрешена, / Не думай так, мятется прах летучий, / Но глубь небес таинственно ясна».* Или же – совершенно ясно и определено:

Как победить, преодолеть тревогу?
 Где скрыться от смятенья моего?
 Бог милостив – и больше ничего
 Не скажешь. Всё, как есть, веряю Богу.

Сердцу являлось и то, что увидеть воочию было уже почти невозможно: *«Монастырский древний храм, / Не разбитый, не спаленный»; «У Иверской мерцанье свечек ярых»; «И колокольный звон»; «Глубокий, переливчатый, богатый, / Тот звон в ушах стоит».* И Пасха Господня, еще тогда в детстве, когда и люди, и вся природа славили Бога: *«Ходит паиной грач серьезный, / Ходит чинно взад-вперед, / Не спеша поклоны бьет».*

И щебечут в поднебесье
 Малые колокола, –
 Светлый день! Христос Воскресе!
 Всемогущему хвала!

Сама тревога учила накапливать силы и выносливость: *«Растоптанные заживо сердца / Отчаянье вдруг заполняет силой»; «Отчаянье пошло мне, видно, впрок».*

А какую силу черпали русские люди в родном классическом слове, тоже жёстко гонимом в первые послереволюционные годы. Мария Петровых писала в 1935 году:

Кто дает вам право спрашивать –
 Нужен Пушкин или нет?
 Неужели сердца вашего
 Недостаточен ответ?

Если ж скажете – распни его,
 Дворянин, а значит враг,
 Если царствия Батыева
 Хлынет снова душный мрак, -

Не поверим, не послушаем,
 Не разлюбим, не дадим –
 Наше трепетное, лучшее,
 Наше будущее с ним.

Она духовно ощущала Александра Сергеевича как близкого, родного, живого человека, переживала о перипетиях его жизни, думала о тайнах его творчества, о его умении пламя воплощать в стих и живо передала вдохновенный облик поэта в стихотворении «Болдинская осень». Печалась о судьбе русского языка, сетовала в своих дневниковых записках: *«Язык Пушкина забыт, в полном пренебрежении. Что творится с языком русским!»*

Русский язык, русское слово, поэтическое слово – это была еще одна огромная область, откуда черпались силы. Со словом у Марии Сергеевны, человека и литератора, были свои особые отношения. Это была особенная тема и ее лирики, и ее жизни. Кто-то называет это *«творческой драмой», «катастрофой литературной судьбы»*, но ее ответственное и честное отношение к слову может послужить большим уроком для всех нас – и читателей, и писателей.

В наш век поспешного, шумного многоговорения и болтливой косноязычности не устают удивлять слова, произнесенные Марией Петровых: *«Умейте домолчаться до стихов»*.

Одно мне хочется сказать поэтам:
 Умейте домолчаться до стихов.
 Не пишется? Подумайте об этом,
 Без оправданий, без обиняков.
 Но дознаваясь до жестокой сути
 Жестокое молчанье своего,
 О прямодушии не позабудьте,
 А главное – не бойтесь ничего.

Сама Мария Сергеевна, хранитель и делатель подлинного русского слова во всей его красоте и полновесности, к себе предъявляла чрезвычайно строгие требования: *«Один неверный звук, / Но и его довольно»*; *«Для сердца лучше смерть, чем мертвые слова»*; *«И будь я проклята, когда солгу, / Хотя бы раз, хотя б единым словом»*. Ее долгое молчание объясняется не только обстоятельствами времени, в котором ей пришлось жить: *«И я молчу десятки лет / Молчаньем горькой Родины»*; Или: *«Снятся ворон с карканьем вороньим. / Диво ль, что словечка не пророним»*.

Но, – и прежде всего, – ее стихи, как говорят исследователи, «промыты молчанием, как в старательском лотке, и лишь самые веские оставались на дне». Каждое слово взвешено, каждое слово выбрано со строгостью, каждая строка чеканно выражает смысл преподносимого предмета. Среди стихов сложно найти проходные: лаконичные, отточенные строки наполнены спрессованной силой внутреннего чувства и значительностью переживаний и обстоятельств.

Стремление к предельной точности и емкости слова отягощается для нее еще и высоким требованием к подлинности художественного образа. Можно ли вообще человеческим языком передать и огонь сердца, и мудрость мысли, и глубину созерцания, и движения души, и правду жизни и природы?

«Но у вьюги лучшие получалось, / Оттого-то мне и замолчалось». Или: «Ты думаешь правда проста? / Попробуй, скажи. / И вдруг онемеют уста, / Тоскуя о лжи. / Какая во лжи простота, как с нею легко, / А правда совсем не проста, / Она далеко».

Она страшилась даже той неправды, которая может случиться после ее земного ухода:

Хоть графоманство наших дней
Ещё не худшая из маний –
Скажи, что может быть страшней
Придуманых воспоминаний?
Зачем они? Они затем,
Чтоб уцелеть и после смерти,
Чтоб не исчезнуть насовсем...
Ни слову в тех строках не верье!

Мечтая, как и любой, произносящий слово, быть услышанной, популярности модной и шумной она не искала. Известны ее слова: «Я не носила стихи по редакциям... Да и в голову не приходило ни мне, ни моим друзьям печатать свои стихи. Важно было одно: писать их». Говоря о своем знакомстве с А. Ахматовой заметила: «К знаменитостям – тяга не было никогда». А в одном из своих стихотворений военных лет сказала: «Мы начинали без заглавий, / Чтобы закончить без имен. / Нам даже разговор о славе / Казался жалок и смешон». Да, в те годы поколение «горя и побед» ждало одной славы – победной славы «освобождающей войны».

Мария Петровых

Мария Петровых часто сетует по поводу своей якобы «немоты», долгого молчания, отсутствия вдохновения. Но она не оставляла себе права на ошибку и поднимала для себя планку чрезвычайно высоко: «Ладони взвешивали слово...»; «Весь век лишь слова ищешь ты, / Единственного слова».

Ко всему этому добавлялось еще одно требование – не идти на поводу литературной моды, пустой крикливой яркости, увлекательных сюжетов: «Не разгадаю никак, почему / Властвует тема злодейства?»

Быть собою было очень важно для Марии Сергеевны. В дневнике читает: «Все настоящие поэты всегда – во всякую пору жизни были собою». Не раз вспоминала она об этом редком качестве и в стихах: «Нет несчастней того, кто себя самого испугался, / Кто бежал от себя». Ей было важно – не идти не только на поводу навязываемой идеологии, но и даже своего вдохновленного творческого потока, чтобы «созвучья, рвущиеся врозь», не увели

от главного: *«Куда, коварная строка? / Ты льстишься на приманку рифмы?.. / Коль ты стрела – лети навывлет, / Коль ты огонь – свети насквозь».*

Мария Сергеевна оставила стихотворение, обращенные к поэтам, которое так и называется «Завещание». Стихотворение программное и очень простое. *«Не ведайте, поэты, / Ни лжи, ни клеветы...»; «Пускай душа забита, / Она еще жива. Пусть правда позабыта – она одна права. Напоминать про это – священный долг поэта, Священные права».* О славе поэта она судит так: *«Не та пустая слава / Газетного листка, / А сладостное право / опережать века... / Один лишь труд безвестный – / За совесть, не за страх, / Лишь подвиг безвозмездный / Не обратится в прах».*

Сама она стремилась строго выполнять свои правила и в конце своего пути, – не горделивая, не амбициозная, не самовлюбленная – могла с полным правом сказать: *«Да, я горжусь, что могла ни на волос / Не покривить ни единой строкой, / Не напрягала глухой мой голос, / Не вымогала судьбы другой».* И еще: *«Я счастливее многих...»*

Удалось ли ее «*поэзии незаменимых слов*» опередить века? Удалось ли пройти «*сквозь чащу мертвых лир*»? Безусловно – удалось. Сегодня читатели могут порадовать несколько изданий ее избранного, литературоведческие статьи о ней, воспоминания, песни на ее стихи, артистические поэтические встречи, знакомящие с ее творчеством.

Есть фонд Марии Петровых в Москве. В Ярославле есть библиотека, названная в ее честь. И, говоря ее словами *«Но светится твой тайный след / В иных сердцах... Иль это мало / В живых сердцах оставить свет?»* А мы должны добавить: не только свет, но и серьезный урок истинной художественности, высокой требовательности к себе, творческой и гражданской прямоты и честности.

На Введенском кладбище в Москве, на месте упокоения Марии Сергеевны Петровых, отошедшей в иные обители 1 июня 1979 года, начертаны последние слова, сказанные ею: *«Недостойной дарован Господней рукой Во блаженном успении вечный покой».* Слова веры и упования.

Место упокоения Марии Петровых

Стихи разных лет

* * *

Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имён.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым,
Раздоры вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой.

Не в расточительном ли детстве
Мы жили раньше? Не во сне ль?
Лишь в грозный год народных бедствий
Мы осознали нашу цель.

И можем быть сполна в ответе
За счастье встреч и боль потерь.
Мы тридцать лет росли как дети,
Но стали взрослыми теперь.

И яростную жажду славы
Всей жизнью утолить должны,
Когда Россия пишет главы
Освобождающей войны, –

Без колебаний, без помарок –
Страницы горя и побед,
А на полях широких ярком
Пожаров исступлённый свет...

Живи же, сердце, полной мерой,
Не прячь на бедность ничего.
И непоколебимо веруй
В звезду народа твоего.

Теперь спокойно и сурово
Ты можешь дать на всё ответ,

И скажешь ты два кратких слова,
 Два крайних слова: да и нет.

А я скажу: она со мною,
 Свобода грозная моя!
 Совсем моей, совсем иною
 Жизнь начинается, друзья!

1943

* * *

Ревёт, и воет, и клубится
 Вспять обращённая волна.
 К прочерченной штыком границе
 Откатывается война.
 Сдержи дыхание, – там вершится
 Твоя судьба, моя страна!
 На недоконченной странице
 Дымятся кровью имена.

Как шумно смерть в лицо дышала!
 Как трудно с нею грудь о грудь!
 Концом прикинулось начало,
 Казалось – не передохнуть.
 Нам воздуха неоставало
 На грозный, на прощальный путь.
 И только кровь в висках стучала:
 Бессмертен будь, бессмертен будь...

Когда же сердце охватила
 Непоправимая беда,
 Очнулась в нас иная сила,
 Иначе повела судьба.
 Нас ненависть огнём вспоила,
 Он был как ясная вода...
 Врагов укроет лишь могила,
 И та исчезнет без следа.

1943

Дальнее дерево

От зноя воздух недвижим,
 Деревья как во сне.
 Но что же с деревом одним
 Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
 Оно дрожмя дрожит...
 Что это – страх или тоска,
 Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
 Случиться? Посмотри,
 Как пробивается озноб
 Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
 Не знаю почему.
 Там сходит дерево с ума,
 А что с ним – не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
 И память гонит прочь?
 Иль что-то вспомнить, может быть,
 Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
 Ветвям невмоготу, –
 Их лихорадит серебром,
 Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
 Дрожащие листки.
 Оно бы радо убежать,
 Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
 При полной тишине.
 Не более, чем я сама,
 Оно понятно мне.

1959

* * *

Пожалейте пропавший ручей!
 Он иссох, как душа иссыхает.
 Не о нём ли среди душных ночей
 Эта ива сухая вздыхает!
 Здесь когда-то блестела вода,
 Убегала безвольно, беспечно.
 В жаркий полдень поила стада

И не знала, что жить ей не вечно,
 И не знала, что где-то вдали
 Неприметно иссякли истоки,
 А дожди этим летом не шли,
 Только зной распался жестокий.
 Не пробиться далёкой струе
 Из заваленных наглухо скважин...
 Только ива грустит о ручье,
 Только мох на камнях ещё влажен.

1967

* * *

Ты думаешь – правда проста?
 Попробуй, скажи.
 И вдруг немеют уста,
 Тоскуя о лжи.

Какая во лжи простота,
 Как с нею легко,
 А правда совсем не проста,
 Она далеко.

Её ведь не проще достать,
 Чем жемчуг со дна.
 Она никому не под стать,
 Любому трудна.

Её неподатливый нрав
 Пойми, улови.
 Попробуй хоть раз не солгав,
 Сказать о любви.

Как будто дознался, достиг,
 Добился – и что ж?
 Опять говоришь напрямик
 Привычную ложь.

Тоскуешь на старости лет,
 Терзаясь, горя...
 А может быть, правды и нет –
 И мучишься зря?

Дождешься ль её благостынь?
 Природа ль не лжёт?

Ты вспомни миражи пустынь,
Коварство болот,

Где травы над гиблой водой
Густы и свежи...
Как справиться с горькой бедой
Без сладостной лжи?

Но бьёшься не день и не час,
Твердыни круша,
И значит, таится же в нас
Живая душа.

То выхода ищет она,
То прячется вглубь.
Но чашу осушишь до дна,
Лишь только пригубь.

Доколе живешь ты, дотоль
Мятешься в борьбе,
И только всedневная боль
Наградой тебе.

Бескрайна душа и страшна,
Как эхо в горах.
Чуть ближе подступит она,
Ты чувствуешь страх.

Когда же настанет черёд
Ей выйти на свет, –
Не выдержит сердце: умрёт,
Тебя уже нет.

Но заживо слышал ты весть
Из тайной глуши,
И значит, воистину есть
Бессмертье души.

1958

* * *

Одна на свете благодать –
Отдать себя, забыть, отдать
И уничтожиться бесследно.
Один на свете путь победный –

Жить как бегущая вода:
Светла, беспечна, молода,
Она теснит волну волною
И пребывает без труда
Всё той же и всегда иною,
Животворящею всегда.

1967

Весна в детстве

Вешний грач по свежей пашне
Ходит с важностью всегдашней,
Ходит чинно взад-вперёд.
Нету птицы богомольней,
Звон услышав колокольный,
Не спеша поклоны бьёт.
Строгий звон великопостный
Понимает грач серьёзный,
Первым встретил ледоход,
Первым видел половодье,
Пост Великий на исходе,
Всё меняется в природе,
И всему свой черёд...

В самый светлый день весенний,
В день Христова Воскресения,
С церкви зимнего Николы
Разольется звон весёлый
И с пяти церквей в ответ
То ли звон, то ли свет.
Старший колокол – для фона:
Звук тяжёлый и густой
В день весёлый, день святой
Оттеняет перезвоны
Молодых колоколов.
Солнце синий воздух плавит,
Жарким блеском праздник славит
На крестах куполов.

И щебечут в поднебесье
Малые колокола, –
Светлый день! Христос Воскресе!
Всемогущему хвала! –
То в распеве всей гурьбой,
То вразброд, наперебой –

Славят первый день пасхальный,
Бестревожный, беспечальный.

Этот день впереди,
А пока погляди,
Как под звон великопостный,
Ходит пашней грач серьёзный,
Ходит чинно взад-вперёд,
Не спеша поклоны бьёт.

1975

* * *

Ночами думала о многом
В редчайший час
Душа стояла перед Богом
В молчанье горестном и строгом
Не поднимая глаз
И это было как Причастье.
Так начиналось счастье.

1978, декабрь

(Пунктуация Марии Петровых)

О. Б. Сокурова

Кризис современной культуры

Правомерно ли ставить вопрос о тяжелом кризисе современной культуры?

Увы, не я одна, но многие (не все ли?) думающие и равнодушные люди, наблюдая мучительные судороги нашей цивилизации, не могут не прийти к однозначному выводу: мировая культура тяжело больна. Для нас же главная беда заключается в том, что и русская культура в значительной степени заражена общим недугом.

Однако прежде чем этот неутешительный диагноз подтвердить, мне хотелось бы задаться вопросом: что же такое культура как таковая, культура в ее изначальном здоровом состоянии? Современная наука предлагает более 500 различных определений культуры, но правильно было бы заглянуть в корень этого понятия. Интересно и знаменательно то, что вначале это был агротехнический термин, поскольку этимологически восходил к понятиям «возделывать», «обрабатывать». Для тех, кто занимался сельским хозяйством, слово «культура» означало заботливый уход за почвой, посадками, культивирование растений. Впервые это слово в переносном смысле употребил в IV веке до н. э. знаменитый римский оратор Марк Туллий Цицерон. В своих «Тускуланских беседах», он сказал: «Как плодородное поле без возделывания не дает урожая, так и душа. Возделывание (cultura) души – это и есть философия: она выпалывает в душе пороки, prepares душу к принятию посева и вверяет ей, так сказать, только те семена, которые, вызрев, приносят обильнейший урожай»¹.

Итак, культура – это *возделывание души*. Интересно, что автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского наречия» Владимир Даль дал похожее определение: «*Культура: обработка и уход, возделывание, возделка; это образование, умственное и нравственное*». Обратим внимание, что Даль не ограничился в понимании культурных задач развитием только интеллектуальных, познавательных способностей человека, указав на необходимость нравственного образования, а Цицерон максимально сблизил культуру с любовью к мудрости, философией. Высказывание античного мудреца по-своему предвосхищает евангельскую Притчу о Сеятеле.

¹ Цицерон М. Т. Избранные сочинения. М., 1975. С. 252.

Итак, учитывая изначальные глубинные смыслы, мы можем понять следующее: «кризис культуры» означает, что душа современного человека часто лишена доброго ухода, она стала каменистой, заросла сорняками и наполнена мирской придорожной суетой. Все мы, конечно, видели заброшенные поля на просторах России. Это зрелище страшно и само по себе, но можно увидеть в нем еще и печальный символ нашего времени: так же, как эти поля, заброшены и человеческие души.

Ядром культуры, ее основой являются язык и вера. Человек принадлежит культуре того или иного народа только в том случае, если владеет его языком и исповедует его веру, его религиозный культ (именно «культ», как подчеркивал о. Павел Флоренский – корень слова «культура»). Бывает, однако, и так, что культура объявляется независимой от того культа, на котором она основана, более того – становится враждебной ему. Это признак тяжелой духовной болезни общества. Все мы помним еще только первые симптомы этого недуга, проявившиеся в самом сердце современной России, когда под сводами храма Христа Спасителя состоялось отвратительное действие московских кощунниц. Участницы «перформанса» пытались передразнить молитву, поглумиться над верой, над храмом, над обрядом. С тех пор и в скандальных выставках, и в эпатажных спектаклях, и в книгах преуспевающих авторов, которые претендуют на то, чтобы представлять «русскую культуру» на Западе, появилось немало примеров того, как больная, извращенная псевдокультура пародирует культ. Между тем нельзя не заметить, что она не только пародирует, но и паразитирует на культе, и без него существовать не может, потому что собственного содержания у нее нет, она пуста. А значительность того великого, над чем она глумится, придает ей мнимый масштаб, позволяет уверить своих адептов и всеядных «потребителей» в собственной значимости. «Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона!»

И вот перед нами еще один симптом заболевания: неспособность создать ничего нового, ничего своего, оскудение творческого начала в духовной и культурной жизни. Такое оскудение чрезвычайно характерно для нашего времени, и особенно для такого выразительного его явления, как постмодернизм. Перед нами – гениально предсказанная Германом Гессе «игра в бисер». У большинства представителей этого направления хватает сил только на то, чтобы создать компиляцию, коллаж, надергав разнородные куски из наследия минувших времен, из разных культур, разных произведений, подчас противоположных по смыслу и художественным качествам. Это чаще всего подделка под художественное открытие, прикрытие творческого бесплодия. Постмодернист пытается создать нечто неожиданное и новое из разнородных кусков былых эпох и стилей, играет ими, как кубиками или пазлами, но при этом сознательно отвергает понятие высшего и низшего, правого и левого. В результате высокие ценности игнорируются или осмеиваются, а низкие инстинкты, физиологические отправления становятся едва ли не объектами «культового» поклонения.

Впрочем, уже и это направление считается «превзойденным» каким-нибудь акционизмом и интертекстом, причем решающее значение приобретают не сами «артефакты», а их интерпретаторы, невероятными словесными кульбитами, украшенными замысловатой псевдонаучной терминологией, прикрывающие наготу голого короля.

Откуда же проистекает творческое бессилие и бесплодие деятелей современной «культуры»? Дело в том, что способность к творчеству – это один из духовных даров, изначально полученных человеком. Будучи образом и подобием Божиим, человек наделен свободой, созидательными способностями и совестью. Эти три начала – Богоданное триединство, на котором держится культура, и необходимо, чтобы оно сохраняло свою целостность. Что будет, если она разрушится? Допустим, уйдет совесть, – что тогда? Без совести художник по-прежнему сможет создавать значительные произведения, но добру они не научат, а будут нести тем большее разрушение в душах людей, чем более талантлив художник (важнейшую тему изображения зла в искусстве поднял еще Н. В. Гоголь в своем «Портрете»). Если же не станет свободы – исчезнет само понятие творчества, ибо шедевр не может быть создан по приказу. Но как понимать истинную свободу художника? Как субъективный произвол и вседозволенность? Именно на таком понимании настаивают агрессивные и шумные правозащитники современных «гениев». Однако самый свободный из наших художников, Пушкин, писал в своем итоговом «Памятнике»: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Вот в чем видит Пушкин свободу творчества: поэт, который слушает глас Божий, уже не зависит от человеческих мнений. Творческое начало – это духовный дар, творческое вдохновение – Божья искра, возженная в человеческой душе. В полной мере творит лишь Дух Святой, Дух Животворящий, а без Него, как говорит нам Господь, «не можете творити нечесоже». Когда уходит Дух Животворящий, то вместе с Ним уходят и истина, и любовь, и способность творить. Распространенный ныне речевой сорняк, словечко «как бы», очень подходит здесь. Современное общество создает «как бы культуру», «как бы искусство», «как бы творчество». В этом паразитировании на значительных творениях человеческого духа, в этой фальсификации культуры просматривается злоежидущий персонаж, которого святые издавна называли «обезьяной Божией». Задумаемся над этим! Некогда диавол в виде змея пообещал Еве: «*будете как боги*». Вот оно, вот откуда все идет: *как боги*, но не настоящие боги, – вы станете подделкой, пародией на Божество. А ведь Господь зовет нас к истинному обожению!

Дьявольское обезьянничание наши современники и соотечественники имели несчастье наблюдать и в «перформансах» Марата Гельмана, и в некоторых театральных постановках, таких, например, как спектакль «Идеальный муж» по О. Уайльду на сцене МХАТа – театра, который когда-то составлял славу русской культуры. Немало подобного рода зрелищ «по мотивам» произведений русских классиков можно увидеть (а лучше этого всячески

избегать) и на знаменитой некогда Александрийской сцене, и в других столичных и провинциальных театрах. В эпатажных спектаклях волей режиссеров бывает вымаран едва ли не весь авторский текст, а вместо него нагромождено множество всевозможной скверны, о каковой даже *не подобает «человеку глаголати»*, как сказал, на все времена, апостол Павел.

В начале перестройки один великий старец нашего времени прозорливо заметил: «Уходит эпоха научного атеизма, на смену ей идет эпоха воинствующего сатанизма». И одной из первых жертв этого воинствующего сатанизма стала культура, а вместе с нею и душа человеческая.

...Но ведь культура – это не только произведения искусства, это гораздо более широкое понятие. Мы говорим о культуре речи, культуре человеческого общения и не можем не признать, что и они затронуты тяжким недугом. Культура речи – отдельная обширная тема, не хотелось бы касаться ее вскользь, но вот культура общения... Основа русской души – это братство, родственная любовь к ближним и дальним, любовь, осуществляемая по образу и подобию Святой Троицы. Ведь почитание Святой Троицы есть основа основ культурного и религиозного призвания нашей Родины. Вспомним, что в Византии, наследницей которой является Россия, Троицкие храмы были очень редки. Не так на Руси! У нас таинниками Троицы были и св. Ольга, и преподобный Сергий Радонежский, и преподобный Александр Свирский. Святая Троица понимается в Православии как Единство в Любви, – высшее, Божественное единство, – и по этому образу русская культура призывала строить и все прочие единства – и государственное, и семейное, и даже экономическое. Да, и экономическое: ведь не случайно именно община, артельный труд были у нас главными формами хозяйствования, а в случае беды (потери кормильца, неурожая, пожара) или большого и трудоемкого дела, с которым не справиться человеку в одиночку, ему принято было помогать «всем миром». На миру была и смерть красна.

А сейчас мы видим, как русские люди становятся все более замкнутыми в себе... В эпоху перестройки в нашем языке появилось выражение, которого никогда раньше не приходилось слышать: «Ваши проблемы». То есть с вашей бедой справляйтесь сами, меня это не касается. Болезнь обособленности, а значит, и одиночества ширится, – но все же нельзя сказать, что она окончательно овладела русской душой. Еще жива способность людей помогать другу, поддерживать ближнего, откликаться на просьбы даже и совсем незнакомых людей. Это так, – иначе Россия давно бы погибла. Многие из нас могут засвидетельствовать это собственным опытом, – в том числе и автор этих строк: наша семья, как и тысячи других семей, сумела пережить перестройку лишь благодаря братской помощи ближних и дальних друзей. Дружба – святое слово, и Россия всегда это чувствовала. Не случайно даже войско называлось в Древней Руси дружиной – собранием боевых друзей. Если мы попробуем углубиться в этимологию, то увидим, что слова «друг», «дружина» и «дорога», восходящие к индоевропейскому корню dru- родственны (на это

в своих трудах обращал внимание известный историк С. М. Соловьев). Получается, друг – это тот, с кем ты идешь по жизни одной дорогой, к одной цели, кто поддерживает тебя в пути, разделяя трудности, с кем у тебя общие беды и общие победы. А древнерусская дружина – это боевое братство, и князь разделял со своей дружиной все тяготы боевого похода: спал на земле, голодал, если нужно, часто первым шел на врага...

Тема братского единства – сквозная, магистральная тема русской истории и культуры. Разве случайно первыми просветителями славян были именно братья – свв. Кирилл и Мефодий? Случайно ли братья по крови и по духу – свв. Борис и Глеб – стали первыми русскими святыми? Или, если говорить о нашем родном городе, то ведь сердце его – Петропавловская крепость с Петропавловским собором, а мы знаем, что Петр и Павел были духовными братьями в апостольском служении. Более того: собор освящен на мощах апостола Андрея – родного брата апостола Петра!

Семейные устои – это тоже важнейшая часть культуры народа, но сегодня и здесь видны особенно опасные симптомы болезни. Есть такое слово: «фамильярность». «Фамилия» значит «семья», но «фамильярность» в нашем языке получила оттенок снисходительной небрежности в отношениях – явление в семейной жизни нежелательное. Нельзя распускаться: даже самый близкий человек должен оставаться для нас образом Божиим, в общении с которым нужна бережность, деликатность, выдержка, терпение и уважительность. Когда-то все это можно было наблюдать в любой крестьянской семье. Потом, с наступлением новых времен, в семье пришла грубость, желание «резать правду-матку» в глаза, устраивать скандалы под видом борьбы с чужими (не своими) пороками...

Надо возрождать культуру отношений детей и взрослых. Здесь не может быть никакого амикошонства, никакой фамильярности: настоящая культура обязательно иерархична. Всякая истинная культура несет в себе определенные запретные формулы. Ведь что такое «за-кон»? Кон – это черта, за которую нельзя переступить. Так и Господь при создании мира проводил черту по лицу бездны. И чтобы не провалиться в бездну погибели, нам надо отчетливо видеть и не нарушать эти проведенные Творцом запретные черты. Между тем, начиная с эпохи Нового времени, человек объявил себя хозяином, и более того – творцом собственной судьбы. В наши дни его богоборческая гордыня дошла до губительного края: в эвтаназии он вместо Бога решает вопрос о своей жизни и смерти, в легализации однополых браков осуществляет надругательство над Богозданным союзом мужчины и женщины. В своем стремлении к мнимой свободе, которая всегда кончается рабским подчинением нечистому духу, современный человек отменил традиционную семью и правило послушания детей родителям, традицию почитания старших во всех сферах существования (за этим стоит отмена послушания Небесному Отцу). В своей надежде на то, что искусственный интеллект и биотехнологии обеспечат ему мнимое бессмертие (точнее, дурную бесконеч-

ность греховного существования на земле), человек возмнил сделаться «как бы богом» и попытался убедить себя в том, что Крест Христов и Воскресение ему уже не нужны. Все происходит очень быстро, на наших глазах. «Близ есть при дверех»... Подобное нуждается в подобном. Многие, выбравшие существование во имя свое и по воле своей, уже вполне готовы принять того, кто придет во имя свое.

Но как жить, как действовать нам? Святые отцы советовали сопротивляться духу времени или, по крайней мере, избегать его. Как писал великий русский поэт, «ногою твердой стать при море» (при разбушевавшемся сегодня не на шутку море житейском). «Стойте в вере, будьте мужественны, тверды», – призывал апостол Павел. Наши опоры – в заповедях Божиих, в творениях святых отцов, в традициях православных предков. И в родной возделанной почве. Мы владеем сокровищами, о которых подчас не догадываемся, о которых забыли, – несметные сокровища русской культуры, создававшиеся на протяжении более десяти веков; они – наши, нужно лишь вновь обратиться к ним. Но культура сегодня нуждается в нашей защите. Нужен твердый, мужественный ответ всем разрушителям духовных устоев отечественной культуры. В силах каждого из нас не впускать в душу ту скверну, которую несет псевдокультура, или, еще точнее, антикультура. Помните, как у Ахматовой: «Но равнодушно и спокойно перстами я замкнула слух, чтоб этой речью недостойной не осквернился скорбный дух». Вот так и мы призваны вести себя. Будем беречь свои души от грязи! Народная душа истосковалась по чистоте, правде, добру – всему тому, чего так не хватает в современной действительности. Мы хотим дышать чистым воздухом, пить чистую воду, вкушать чистую пищу, не так ли? И точно так же мы нуждаемся в чистом, как родник, искусстве, в светлом целительном слове.

Кризис во всякой серьезной болезни означает перелом, за которым следует или летальный исход, или постепенное выздоровление. Сильная боль от происходящего на наших глазах и не менее сильная жажда чистоты и света говорит о том, что мы еще не умерли, мы еще можем сопротивляться, можем воспрянуть.

Духовный облик Святой Руси в творчестве В. М. Васнецова

Виктор Михайлович Васнецов любим и почитаем прежде всего как художник былин и сказок, сумевший в героях своих полотен запечатлеть мир загадочной русской души. Но есть и более существенный пласт его творчества – церковная живопись, давшая начало новому религиозно-национальному направлению в отечественном изобразительном искусстве конца XIX – начала XX в. В ней, а также в сказочно-былинном жанре, во всей полноте отразилось религиозно-философское мировоззрение художника, его тонкое понимание своеобразия исторического пути русского народа и сердечная любовь к православной самобытной культуре России.

«Я всегда был убежден, что в жанровых и исторических картинах, статуях и вообще в каком бы то ни было произведении искусства – образа, звука, слова – в сказках, песне, былине, драме и проч. сказывается весь цельный облик народа, внутренний и внешний, – с прошлым и настоящим, а может быть, и будущим... Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своей истории!»¹ – писал Васнецов критику В. В. Стасову.

Любовь к России у В. Васнецова была частью его веры в Бога, которая естественным образом вращивалась им самим с раннего детства.

Выходец из семьи сельского священника, В. Васнецов вспоминал, что именно отец «влил в наши души живое неистребимое представление о Живом, действительно существе Боге!»². Мальчик жил «среди мужиков и баб и любил их не „народнически“, а попросту, как своих друзей и приятелей, – слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на печи при свете и треске лучины»³, зарисовывал детские впечатления. Следуя по стопам отца, Виктор Васнецов поступил в Вятскую духовную семинарию, которую не закончил.

Местный художник Н. А. Чернышев увидел дарование в его рисунках и зародил в душе юного семинариста желание стать живописцем. Решив избрать себе другое поприще, Васнецов поступил в Академию художеств, которую тоже не завершил. 5 февраля 1875 г. он подал прошение в Совет Академии художеств о выходе из состава учеников ввиду болезни. К этому времени Васнецов увлекся культурой славянских народов и собирался посетить

¹ Письмо В. М. Васнецова В. В. Стасову. 20 сентября 1898 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. М., 1987. С. 150.

² Письмо В. М. Васнецова В. В. Стасову. 7 октября 1898 г. // Там же. С. 155.

³ Там же.

Далмацию, Боснию и Герцеговину для изучения быта этих стран. Но поездка не состоялась из-за военных действий на Балканах, и в 1876 г. Васнецов отправился в Париж. Пребывание во Франции и знакомство с западноевропейской живописью заставили художника задуматься о месте русского искусства в мировой культуре.

* * *

Вернувшись менее чем через год на родину, он поселился в Москве и обратился к русскому наследию. Его творческому развитию способствовало знакомство с мамонтовским кружком. В 1879 г. Васнецов примкнул к его членам, которые собирались зимними вечерами в доме выдающегося мецената С. И. Мамонтова на Спасской-Садовой улице. Они устраивали чтения, вместе рисовали и ставили спектакли. Летом все дружно выезжали в загородное имение Мамонтова Абрамцево, где продолжали работать под эгидой своего покровителя, которого тогда называли «московским Лоренцо Медичи».

Здесь Васнецов «почувствовал среди этой чистой русской природы и русской жизни свою богатырскую русскую мощь»⁴, которая нашла выражение в картинах «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880), «Аленушка» (1881), «Витязь на распутье» (первый вариант – 1882, второй вариант – 1884), «Три богатыря» (1871–1899) и проявилась в церковной живописи.

Значимой в раннем творчестве Васнецова стала картина «Витязь на распутье», в которой в символической форме отразились проблема выбора исторического пути России и тревожное предчувствие трагического конца – революции 1917 г. – в результате неверно выбранного пути.

В. М. Васнецов. *Витязь на распутье*. 1884 г.

⁴ Поленова Н. В. Абрамцево. Музей-заповедник «Абрамцево». 2006. С. 19.

В Абрамцеве Васнецов впервые обратился к русской сказке, чудесный мир которой всегда манил художника, и написанию икон, ставших лейтмотивом всего его творчества. И в том и другом Васнецов выражал свою любовь к России, ее истории и культуре.

Однако публика долго не жаловала Васнецова одобрением и похвалой. О его работах «После побоища Игоря Святославовича» (1880), «Ковер-самолет» (1880), «Три царевны подземного царства» (первый вариант – 1881, второй вариант – 1882), «Бой скифов со славянами» (1881) и «Иван-царевич на Сером Волке» (1889) критика отзывалась негативно.

Среди подавляющего большинства отрицательных отзывов выделялось положительное мнение журналиста С. В. Флерова, который справедливо обратил внимание, что «наш русский сказочный и легендарный мир совсем не затронут еще русским искусством, и если г. Васнецов первый обращается к этому миру, то он заслуживает во всяком случае благодарности и поддержки, а никак не порицания»⁵.

Одним из лучших произведений Васнецова на сказочную тему стала картина «Аленушка». В ее сюжете сказочный фантастический компонент отсутствует, и зритель видит перед собой простую босоногую девочку в стареньком платье, мечтательно сидящую на камнях у лесного озера. Но в изображении пышных елей, тонких берез, тростников, трав, цветов и птиц, присевших на ветвях, уже присутствует некая

чарующая таинственность, которая ощутима в дебрях русских лесов и которая, вероятно, способствовала рождению сказочных образов в народном сознании.

Это трепетное чувство Васнецов вынес из детства, когда мальчишкой с упоением слушал сказы односельчан. Образ милой, но некрасивой девчужки был хорошо знаком художнику, и его Аленушка – собирательный образ, воплотивший в себе представления Васнецова о национальном типе русской девушки, ждущей жениха – Ивана-царевича и свое преобразование из простушки-босоножки Аленушки в Василису Прекрасную.

Художественная публика встретила «Аленушку» с удивлением: «Совер-

В. М. Васнецов. Аленушка. 1881 г.

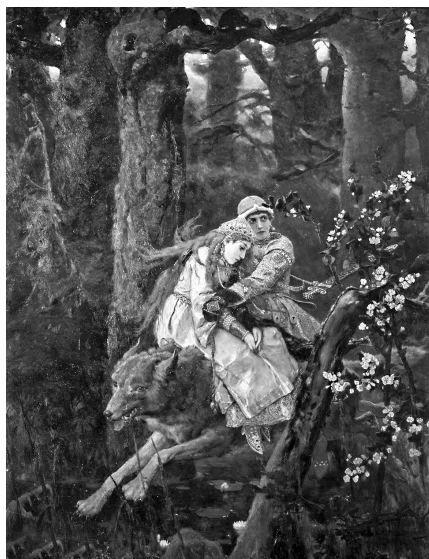
шенно невозможною картиною является „Аленушка“ г. Васнецова, и мы удивляемся, как она попала на выставку: до того она не гармонирует со всеми остальным»⁶. Художника ругали, что размер картины слишком велик для изображения такого маленького незатейливого сюжета, а изображенную им героиню русских сказок окрестили «дурочкой». Потребовалось время, чтобы васнецовская «Аленушка», а след за ней и другие картины на сказочно-былинные темы, снискали любовь зрителя.

Картину «Иван-царевич на Сером Волке» Васнецов писал, будучи занятым росписями Владимирского собора. Ее появление на XVII Передвижной выставке вызвало противоречивые отзывы. Объективную оценку работе Васнецова дал историк и писатель П. П. Гнедич: «„Серый Волк“ заслуживает серьезного внимания как картина из разряда сюжетов, особенно желательных на наших выставках. У нас нашлись бы художники, которые написали бы такую композицию лучше г. Васнецова, но за талантливым киевским живописцем стоит огромная заслуга: он первый начал свой самостоятельный жанр, пробил новую тропу, и идет по ней смело и неуклонно»⁷.

Подлинным шедевром Васнецова стала картина «Богатыри», представленная на персональной выставке в залах Академии художеств в феврале 1899 г. Над ней он работал с перерывами около пятнадцати лет, с 1871 г. до того времени, когда к нему уже пришла слава создателя религиозно-национального направления в русской живописи.

В изображенных на картине богатырях (как и в князьях и святителях во Владимирском соборе) в полной мере отразилось религиозно-философское мировоззрение Васнецова, его представления о русском человеке, хранителе, созидателе России, молитвеннике о ее судьбе.

Широкому кругу людей Васнецов известен как один из создателей сказочно-былинного жанра в русском искусстве. Однако эта область творчества

В. М. Васнецов.
Иван-царевич на Сером Волке. 1889 г.

⁶ Боборыкин П. Д. Девятая Передвижная художественная выставка // Минута. 1881. 20 марта. № 87.

⁷ Гнедич П. П. Художники и художества // Санкт-Петербургские ведомости. 1889. 19 марта. № 77.

художника не была доминирующей, но являлась сопутствующей другой, более значимой – церковной, монументальной живописи.

Первые шаги в ней были сделаны в Абрамцеве, где Васнецов спроектировал церковь и написал для нее ряд икон. Творчество Васнецова отмечено немногочисленными так называемыми «фантазиями на архитектурные темы», в которых художник развивал те же принципы религиозно-национального направления. В научной искусствоведческой литературе их относят к «неорусскому стилю». Абрамцевский храм Спаса Нерукотворного стал первым удачным архитектурным опытом молодого художника. Первоначальный проект церкви

В. М. Васнецов.

Эскиз церкви в Абрамцеве. 1882 г.

в формах новгородского храма Спаса на Нередице (1198) создал В. Д. Поленов. Но семейное жюри его целиком не приняло. Доработкой проекта занялся Васнецов. Как писал Васнецов В. В. Стасову, в работе над храмом он «был увлечен Кремлем и московскими церквями, впоследствии – ярославскими и ростовскими» – архитектурой не княжеской, а царской России. Он облегчил тяжеловесные пропорции поленовской постройки, увеличив высоту стен за счет кровли, придал интерьеру большую освещенность, поменяв местами северный и южный фасады, и усилил декоративность всех фасадов и парадность южного. По воспоминанию Васнецова, работы над сооружением храма велись соборно, что вполне соответствовало взглядам художника и, несомненно, воодушевляло его. Он вспоминал: «Все мы, художники – Поленов, Репин, я, – сам Савва Иванович и семья его принялись за работу дружно, воодушевленно. Наши художественные помощницы – Елизавета Григорьевна... Елена Дмитриевна Поленова, Наталья Васильевна Поленова (тогда еще Якунчиковая), Вера Алексеевна Репина – от нас не отставали. Мы чертили фасады, орнаменты, составляли рисунки, писали образа, а дамы наши вышивали хоругви, пелены и даже на лесах около церкви высекали по камню орнаменты, как настоящие каменотесы. Савва Иванович, как скульптор, тоже высекал по камню... Подъем энергии и художественного творчества был необыкновенный: работали все без усталости, с соревнованием, бескорыстно...»⁸

⁸ Воспоминания В. М. Васнецова о С. И. Мамонтове, прочитанные им в Московском Художественном театре 2 мая 1918 г. по случаю кончины С. И. Мамонтова. // Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. М., 1950. С. 63–69.

Декоративное оформление абрамцевской церкви потребовало от членов мамонтовского кружка изучения убранства храмов Ростова, Ярославля и других русских городов. Портал украшен резным орнаментом, включающим христианские символы: агнца, петуха, льва, орла, тельца и др., а по окружности барабана пущен фриз из разноцветных изразцов и бегунец, придающий легкость мощной архитектурной форме. В 1882 г. над входом в церковь поместили образ Спаса Нерукотворного, исполненный В. Д. Поленовым; в 1890-х гг. покрыли изразцами печную трубу в углу крыши. Для интерьерера В. Васнецов исполнил рисунок мозаичного пола – стилизованный цветок с датой создания храма, расписал цветочными орнаментами клиросы.

В целом васнецовский храм Спаса Нерукотворного в Абрамцеве удачно сочетает в себе элементы разных архитектурных школ Древней Руси, что было характерно для религиозно-национального направления.

Позже, в 1891–1892 гг., после смерти сына Мамонтовых Андрея, которого похоронили в ризнице церкви, Васнецов перестроил ее. Вместо ризницы он соорудил часовню, которую, как и храм, богато украсил поясами многоцветных изразцов с цветочным орнаментом.

Церковь во имя Спаса Нерукотворного осветили в конце июля 1882 г. Иконы для нее тоже писали «всем миром»: Илья Репин – Спаса Нерукотворного, его жена Вера Репина – святых мучениц Веру, Надежду, Любовь и Софию, Николай Неврев – Николая Чудотворца, Василий Поленов – «Благовещение» на Царских воротах и «Тайную вечерю» над ними, святых царицу Александру, Всеволода, Кирилла и Мефодия, Алипия иконописца и Нестора летописца. Виктор Васнецов исполнил образа Сергия Радонежского в 1881 г., Богоматери в 1882 г., князя Владимира и митрополита Алексия.

Образ святого Сергия Радонежского был одним из лучших. Уже в своей первой иконе Васнецов приблизился к тому «стилю», который впоследствии прославил его как мастера церковной живописи. Васнецов писал не канонический, а глубоко прочувствованный, вынесенный из самого сердца, горячо любимый и почитаемый образ святого. Его преподобный Сергей – смиренный и мудрый старец, стоящий посреди русской природы с ее бескрайними просторами, тонкими деревцами, зелеными травами и глубокими озерами. За его спиной виден основанный им монастырь, а справа от него в небесах – явленный образ Пресвятой Троицы как Господне благосло-

В. М. Васнецов.
Икона преп.
Сергия Радонежского.
1881 г.

вение. Задушевность и лиричность васнецовского Сергия впоследствии вдохновила М. В. Нестерова на создание цикла картин, посвященных Радо-нежскому чудотворцу.

Дальнейшее развитие религиозно-национального направления в архитектурном творчестве Васнецова можно наблюдать в беседке «Избушка на курьих ножках». «Избушка» – уникальная и, пожалуй, самая романтическая деревянная постройка Васнецова. В ее почти игрушечных формах и замысловатом резном декоре, рисующем сказочных персонажей, ярко отразились любовь к русским былинам и сказкам «человека „Старой Руси“».

* * *

В 1885 г. А. В. Прахов, известный историк и художник, член Русского археологического общества, профессор Петербургского университета, предложил Васнецову написать иконы и расписать купол, апсиду, своды и главный неф нового Владимирского собора в Киеве. Прахов лично посетил Васнецова в Абрамцеве, где он тогда жил в «Яшкином доме» – на даче, построенной Мамонтовым для художников. Первоначально Васнецов отказался от предложения Прахова, сославшись на то, что в тот момент его занимали темы русских сказок и былин, но уже на следующий день телеграфировал Прахову о своем согласии. Художник воспринял этот заказ как возможность послужить Богу и Отечеству и исполнить свой долг. Он с головой ушел в работу, которую Е. Г. Мамонтова, жена мецената, называла «путь к свету».

Автор проекта росписи, Прахов, считал, что внутреннее убранство собора должно придать ему «значение памятника русского искусства» и воплотить «идеал, одушевляющий поколение»⁹, поэтому на Васнецова возлагалась особая миссия – создание «новой живописи», которая изобразительно выразила бы религиозные, этические и эстетические идеалы времени. Зная об этом, Васнецов выдвинул условия «свободы творчества». Он писал Прахову: «Все, что свяжет эту свободу – повредит делу, я так твердо верую, что если Бог пошлет мне вдохновение, то оно даст нам то, что будет отвечать Вашему и моему идеалу... Я верю также, что мои представления о задаче несколько не противоречат ни идеалу высокохристианскому, ни церковному...»¹⁰

Иконы Васнецова можно отнести к сфере религиозного творчества, которое в конце XIX в. было оправдано. На протяжении всей жизни художник разрабатывал иконографические типы целого сонма святых, но сохранял единый «почерк», выработанный им в самом начале своего творческого пути в киевском храме.

⁹ Прахов А. В. Киевский Владимирский собор. К истории его постройки. Киев, 1896. С. 2–3.

¹⁰ Письмо В. М. Васнецова А. В. Прахову. Весна 1885 г. // Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы. СПб., 2004. С. 58.

Работая во Владимирском соборе, Васнецов стал писать картоны для мозаик храма Воскресения – Спаса на Крови – в Санкт-Петербурге. С 1893 по 1901 г. он исполнил фасадные композиции «Несение креста», «Распятие», «Снятие с креста», «Сошествие Христа во ад» и две монументальные иконы Спасителя и Богородицы с Младенцем.

Следующим большим заказом было исполнение алтарной мозаики «О Тебе радуется» и четырех картин на холсте – «Голгофа», «Сошествие Христа во ад», «Страшный суд», «Евхаристия» – для Георгиевской церкви в Гусь-Хрустальном. Над ним Васнецов трудился с 1895 по 1904 г.

С 1899 по 1901 г. художник занимался запрестольным образом Богоматери и иконой Марии Магдалины для церкви в Дармштадте. Около пяти лет – с 1906 по 1911 г. – он посвятил оформлению собора Александра Невского в Варшаве, где его кисти принадлежали картоны для мозаик алтарной апсиды «О Тебе радуется», «Раздаяние Иисусом Христом Евхаристии апостолам» и «Сам Господь Троичный в лицах». Параллельно Васнецов писал композиции «Моление о чаше», «Несение креста» и картон для фасадной мозаики «Спаситель в терновом венце» для храма Христа Спасителя в Санкт-Петербурге.

В 1912 г. Васнецов исполнил две иконы – «Спаситель на престоле» и «Богоматерь с Младенцем на престоле» – для главного иконостаса храма Александра Невского в Софии.

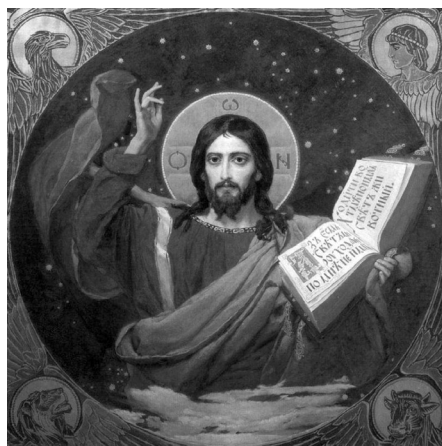
Васнецову принадлежат: мозаичное «Распятие» в алтаре церкви на императорской яхте «Штандарт» (1895), икона «Спас в терновом венце» (1898), исполненная по заказу Е. В. Кольцовой, «Спас» (1898) по просьбе академика живописи М. П. Боткина, «Богоматерь» (1898–1899) по английскому заказу, «Спас Скорбящий» и «Спас Нерукотворный» (1912) для членов семьи царской фамилии.

В начале 1890-х гг. по повелению императора Александра III Васнецов написал акварелью «Феодоровскую икону Божией Матери» и «Спаса Нерукотворного» для венчания царственной четы Николая Александровича и Александры Федоровны. Обе иконы были отправлены в Ливадию, где в то время находились государь Александр III и наследник. После благословения Николая Александровича на брак император заказал Васнецову исполнить эти иконы в масляной живописи. Не имея перед глазами акварельных оригиналов, художник работал по имеющимся у него калькам. Впоследствии эти новые иконы Богоматери и Спаса принадлежали императору Николаю II. В 1914 г. президент Академии художеств великая княгиня Мария Павловна предложила выполнить подобный образ Спасителя в мозаике и поместить его над входом в строящийся храм в честь трехсотлетия царствования Дома Романовых, что и было сделано.

Центральное место в религиозном творчестве Васнецова принадлежит образу Иисуса Христа.

В работе над изображением Пантократора в куполе Владимирского собора в Киеве художник с особым тщанием отнесся к поиску достойной формы для передачи глубокого духовного содержания. В письме к Е. Г. Мамонтовой он писал: «...Я истинно верую, что именно русскому художнику суждено найти образ Мирового Христа»¹¹.

«Мировой Христос», по мысли Васнецова, – это вечный, незыблемый, всем без исключения понятный и не обремененный субъективным представлением живописца образ. «Личное представление отдельного художника должно совпасть с Мировым представлением...»¹² – утверждал Васнецов. Проанализировав иконографические достижения прошлых времен, он отметил явное преуспевание русских художников, а также выделил «Христа Равенны и Палермо», «личный» образ, созданный Леонардо да Винчи и Тицианом, «совсем безличный» Рафаэля и Микеланджело, а изображение Христа в картинах И. Н. Крамского, Н. Н. Ге и В. Д. Поленова назвал «народным». Лучшим примером в Европе за последние несколько веков, соединившим в себе византийские и народные черты, Васнецов считал образ Христа, созданный А. А. Ивановым – предтечей религиозно-национального направления.

*В. М. Васнецов.
Христос Пантократор.
Картон для росписи.
Вторая половина XIX в.*

В куполе Владимирского собора Васнецову удалось выразить главный, по его мнению, смысл земного существования человека. Благословляя людей с небес, Христос призывает их вступить на истинный путь для обретения вечной жизни. Об этом говорит раскрытое Евангелие с текстом «Аз есмь свет всему миру. Ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный» (Ин. 8:12) в левой руке Спасителя.

В начале XX в. Васнецов исполнил мозаику «Спас Нерукотворный» на могилу командира Семеновского полка генерал-майора

Г. А. Мина, убитого 13 августа 1906 г. террористкой З. Коноплянниковой и похороненного в крипте Введенского полкового собора в Санкт-Петербурге (в 1933 г. храм уничтожен). Позже художник повторил эту икону над воротами со звонницей, ведущими к собору Христа Спасителя в Санкт-Петербурге – Спаса на водах.

¹¹ Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. С. 81.

¹² Там же.

Этот храм возводился «в память русских моряков, погибших в Цусимском и других боях» на берегу Невы архитектором М. М. Перетятковичем при участии Н. В. Покровского и гражданского инженера С. Н. Смирнова. Согласно проекту, храм был выдержан в древнерусских формах и напоминал церковь Покрова на Нерли, построенную в 1165 г., и Дмитриевский собор во Владимире, относящийся к XII в. Поэтому на занятых живописным убранством художников возлагалась ответственная задача – украсить храм так, чтобы его живопись гармонировала с архитектурными формами, почерпнутыми из отечественной древности, и отражала трагическую ноту мемориала русским морякам, чей жертвенный подвиг во имя Отечества уподоблялся крестной смерти Христа, чьи души устремились из царства земного в Царствие Небесное.

Трагедия русско-японской войны, смерть адмирала С. О. Макарова и художника В. В. Верещагина потрясли Васнецова. Гибель броненосца «Петропавловск» он считал катастрофой, которую «едва можно вынести»¹³. Васнецов принял активное участие в сборе средств на нужды армии и флота и в помощь раненым. В частности, на складе Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны он выставил на продажу три копии образов Владимирского собора, сделанные им самим.

Немало переживаний принесла Васнецову революция 1905 г., которая стала «главной болью и раной души» художника. «Да отпустит Бог грехи наши и да поможет нашей бедной, страдающей так тяжело Родине! Пошли людям добра! Помоги Бог опомниться заблудшим!»¹⁴ – писал он по прошествии нескольких дней после Кровавого воскресенья.

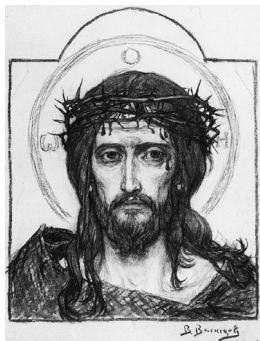
Все эти трагические события наложили отпечаток на выбор Васнецовым иконографии Спаса Нерукотворного, в которой он отразил личное переживание за судьбу монархии в России.

Христос у Васнецова, представленный ранее как Царь и Судия, здесь изображен в терновом венце на фоне заката. Его лик, отмеченный невыносимым страданием, позволяет предположить, что художник показал Господа в момент его крестных мук. Общий колорит, построенный на сочетании разных оттенков красного и синего, создавал напряженное драматическое настроение. Перед иконой горела неугасимая лампада.

В 1932 г. петербургский храм Христа Спасителя был взорван. Васнецов не дождал до этого печального события. Десятилетиями мозаики считались погибшими при взрыве. очевидцы трагедии вспоминали, что весь берег Невы и канала был усыпан сплошным ковром из битой смальты. Но в дей-

¹³ Письмо В. М. Васнецова А. П. Ланговому. 4 апреля 1904 г. // Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы. С. 200.

¹⁴ Письмо В. М. Васнецова И. Л. Щеглову-Леонтьеву. 28 января 1905 г. // Там же. С. 202.

*В. М. Васнецов.
Спас в терновом венце.
Рисунок. 1900-е гг.*

*В. М. Васнецов.
Богоматерь.
Эскиз для церкви
в Абрамцеве. 1880-е гг.*

ствительности накануне сноса храма мозаики Васнецова успели тайно демонтировать и передать в Русский музей.

* * *

Современники справедливо называли Виктора Васнецова «создателем русской Мадонны». Образ Царицы Небесной звучит лейтмотивом всего его религиозного творчества.

Первая икона Божией Матери, Которая несет впереди себя Младенца Христа, была написана Васнецовым для церкви в Абрамцеве.

Уже в этом небольшом по размеру произведении найдена та монументальная иконография Царицы Небесной, которой художник будет верен до конца своих дней и которую поэтому именуют «васнецовской». Этот образ, но уже в большем масштабе и с незначительными изменениями, Васнецов повторил в алтаре Владимирского собора в Киеве.

Иконография Пресвятой Богородицы, несущей на руках Младенца Христа, словно отдающей Его в мир, была результатом творческого поиска Васнецовым идеального образа Божией Матери. Предварительный эскиз «Богоматерь шествует по облакам в окружении серафимов и херувимов» художник подписал так: «Quasi una fantasia» («Как будто одна фантазия»).

Такая композиция восходит к византийской «Никопее», или «Победотворной иконе Божией Матери», получившей распространение на Афоне. Во второй половине XIX в., в связи с развитием дипломатических отношений между Святой Горой и Российской империей, эта икона проникла в Россию вместе с другими греческими святынями. Художник

изобразил Царицу Небесную на золотом фоне, идущей по облакам навстречу каждому, кто переступил порог храма. Ее лик печален и тревожен, но вместе с тем исполнен невыразимого смирения и покорности воли Божией. Обими руками Она обнимает Сына, словно желая защитить Его от грядущего зла.

В образе Христа Васнецов запечатлел черты своего сына Миши. Взмах его рук – естественный жест маленьких детей, открытых новому для них миру, – художник взял из жизненных наблюдений: однажды утром жена вынесла сына из дома и ребенок радостно потянулся ручками к окружающей

природе. Но не по-детски серьезный и сосредоточенный лик Младенца позволяет предположить, что Васнецов изобразил Христа, благословляющим двумя руками, как архиерей. Он, как первосвященник, призывает всех находящихся в храме к богослужению. В таком случае алтарная композиция Васнецова возводится до уровня литургического образа.

Вся фигура Богородицы охвачена тем же спиральным движением, что и Пантократор в куполе. Корреспондент газеты «Московские ведомости» С. Флеров об этом писал: «Если вы поднимете глаза на это изображение (Пантократора. – В. Г.) и потом опустите их на находящееся прямо перед вами изображение Богоматери, вы испытаете удивительное чувство: вы внезапно увидите, что Богородица тихо несетса вверх, туда, к Спасителю...»¹⁵ Богородицу окружают девять херувимов. Их число соответствует часу, в котором состоялась казнь Христа. Они тревожно взирают на Пречистую Деву и Младенца на Ее руках, словно предвидя Его судьбу.

Алтарный образ Божией Матери во Владимирском соборе стал лучшим церковным произведением Васнецова, «символом его веры в православие, в Россию, в ее возрождение»¹⁶, но в то же время – выражением его предчувствия грядущего краха монархии, предательства и убийства царя.

Скорбящей и плачущей Богородица представлена в композиции «Страшный суд» на западной стене Владимирского собора. Ее глаза наполнены слезами, одной рукой Она обхватила голову, другой слегка касается плеча Сына, словно пытаясь смягчить Его гнев. Образ Богоматери, охваченной великой печалью за людей, вносит в общий драматически-напряженный строй иконографии «Страшного суда» светлую ноту – надежду на милость Господа и Его прощение согрешившего и покаявшегося народа.

Совсем иной представлена Божия Мать на иконе в центральном иконостасе Владимирского собора. В отличие от древнерусских изводов, васнецовская Богородица не смотрит на молящихся. Ее глаза опущены вниз, своей щекой Она прижимается к щеке Младенца, нежно обхватывая Его руками. Эта работа Васнецова напоминает скорее монументальную декоративную картину-панно, нежели моленный образ.

*В. М. Васнецов.
Богоматер с Младенцем.
Фрагмент алтарной росписи
Владимирского собора в Киеве.
1885–1894 гг.*

¹⁵ Флеров С. В. Внутренние известия. Киев. 21 июля. От нашего специального корреспондента // Московские ведомости. 1888. № 208. 29 июля // Там же. С. 81.

¹⁶ Ярославцева Н. Царица Небесная и женщина земная. Образ Богоматери в творчестве Виктора Васнецова // Советский музей. 1991. № 4. С. 54.

Более соответствует своему назначению мозаичная икона Богоматери с Младенцем для собора Воскресения в Санкт-Петербурге, где Пресвятая Богородица показана фронтально с восседающим на Ее коленях Божественным Сыном.

Еще три алтарных образа Богоматери Васнецов исполнил для русской церкви Святой равноапостольной Марии Магдалины в Дармштадте, Георгиевского храма в Гусь-Хрустальном и собора Святого благоверного князя Александра Невского в Варшаве.

Картон для дармштадской мозаики художник писал в 1901 г., продолжая работу над иконами для Воскресенского храма в Петербурге. На нем он представил Пресвятую Богородицу на троне в облаках и двух предстоящих Ей шестикрылых ангелов.

В последующих алтарных работах Васнецов представил собственный вариант композиции «О Тебе радуется». Сюжет «О Тебе радуется» связан с молитвенным гимном, прославляющим Божию Матерь, сочиненным святым Иоанном Дамаскиным в VIII в. Его иконография сложилась на рубеже XV–XVI вв. и получила развитие в московской, новгородской и псковской школах иконописи. Лучшим примером канонической иконографии считается одноименный извод, написанный мастерами круга Дионисия в самом начале XVI в. Его композиция вписана в большой круг, символизирующий незримые небеса, Царствие Небесное, а престол Божией Матери – в малый круг – видимое «земное небо», небесный мир, изливаемый на землю. Это обозначает, что Богоматерь пришла на землю со Своим Сыном Иисусом Христом, Который дал людям новый закон любви, сообщил весть: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» (Мф. 4:17), и озвучил истинную цель бытия – устремление к Отцу Небесному. Расположившиеся внизу, в земном материальном мире пророки, апостолы, цари, святители, преподобные слышат Его и исполняют Божью волю. В росписи храмов сцену «О Тебе радуется» часто помещали в алтаре храма, потому что полукруглая форма апсиды, как символ «земного неба», вполне подходила для этого сюжета.

Для Георгиевской церкви в Гусь-Хрустальном Васнецов разработал свой иконографический вариант алтарной композиции. Церковь в Гусь-Хрустальном возводилась по заказу владельца Гусевской хрустальной фабрики, мецената Ю. С. Нечаева-Мальцева. Ее проект исполнил Л. Н. Бенуа в 1891–1904 гг. Церковь отличалась необычной архитектурой. Это была базилика, роскошно украшенная по примеру русских храмов XVII в. Когда Ю. С. Нечаева-Мальцева спрашивали, почему он не пожалел огромных средств для украшения церкви в глуши Владимирской губернии, он отвечал: «А отчего стоит город Орвието в Италии? Для его собора ездят иностранцы издалека. Будет время, когда ценители русского искусства станут ездить и на наш Гусь»¹⁷.

¹⁷ Текст представлен по репродукции в Музее хрусталя имени Мальцевых в Гусь-Хрустальном.

Огромное мозаичное панно «О Тебе радуется» (1902) заключено в вытянутую по вертикали форму алтаря и разделено на две зоны – земную и небесную. В центре представлена Богоматерь без Младенца, с поднятыми руками, стоящая на облаках перед тронем так, будто Она только что с него сошла. Вокруг Нее и над Ней – ликующие ангелы, на дальнем плане вырисовываются стилизованные луковичные главки церквей. Чтобы показать всеобщее ликование, Васнецов расположил в верхней части ангельские крылья беспорядочно, создав тем самым ощущение шума и воздуха. На картоне для мозаики внизу художник изобразил огромный камень, повторяющий своими очертаниями полукруглую форму апсиды. На нем написаны начальные слова гимна «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». Вокруг камня стоят святые, фигуры которых кажутся втиснутыми в пространство сюжета. В мозаике, которую набирали в мастерской В. А. Фролова, на месте камня располагается алтарная ниша с окнами, которую ранее закрывал одноярусный резной иконостас.

Сейчас в Георгиевский церкви в Гусь-Хрустальном располагается Музей хрусталя имени Мальцевых.

Для собора Александра Невского в Варшаве Васнецов создал еще один иконографический вариант «О Тебе радуется», в котором, как и прежде, стремился прославить многовековую историю православной России. Композиция эскиза для алтаря варшавского храма вытянута по горизонтали. Чтобы приблизить ее к идеальной форме круга, художник изобразил радуугу за собором, на заднем плане, а форму апсиды обрисовал орнаментом. Как и в предыдущей мозаике, Васнецов протяженными лентами облаков разделил композицию на земную и небесную сферы, а в центре поместил Божию Матерь, сидящую на троне, с Младенцем на коленях. Ее образ не объединил между собой части, а, доминируя в сюжете, воспринимался отдельно от всего окружения.

В небесной сфере по сторонам от Девы Марии симметрично представлены ангелы, а над Ней изображен трехкупольный храм. Внизу показаны православные святые согласно их иерархическому положению. Справа от Богородицы стоят представители Вселенской Церкви: равноапостольные Константин с крестом и Елена, преподобные Иоанн Дамаскин с текстом гимна, коленопреклоненный Роман Сладкопевец, святители Николай Чудотворец, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий Великий и др. За ними – ветхозаветные пророки. Слева от Девы Марии изображены представители Русской Церкви: равноапостольные Владимир с крестом и Ольга, преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский, Московские святители Петр, Иона и Алексей, равноапостольные Кирилл и Мефодий, преподобный Нестор Летописец и другие святые. За ними – апостолы.

В создании этого образа Богоматери с Младенцем Васнецов руководствовался книгой «Материалы для истории русского иконописания» Н. П. Лиха-

чева, который любезно предоставил свое издание художнику. Благодарный Васнецов писал ему: «...Состязаться со святыми иконописцами я не рискую, но искать у них вдохновения считаю обязательным „О Тебе радуется“ – Богоматерь с младенцем будет на этот раз сидящая, и по мотивам Ее изображения беру „Умиление“, которое меня трогает до глубины души»¹⁸.

* * *

В последующих сюжетах из Священного Писания художник продолжил развивать собственную иконографическую линию, основываясь на богатом опыте русских иконописцев – своих предшественников. Васнецов создал «Страстной цикл», в который вошли: мозаики «Распятие», «Несение креста», «Снятие с креста» и «Сошествие во ад» на фасаде храма Воскресения и ныне утраченные фрески «Моление о чаше» и «Несение креста» из храма Спас на водах в Санкт-Петербурге; картина «Голгофа» для Георгиевской церкви в Гусь-Хрустальном.

Произведения «Страстного цикла» Васнецова полифоничны. В них слышится стук шагов измученного Христа и звон римских копий («Несение креста»), тихое стенание Богородицы и безудержное рыдание Марии Магдалины («Распятие»), ликование праведников и пение ангелов («Сошествие Христа во ад»).

Иконография «Голгофы» не имеет прообразов в древнерусской живописи. Основу композиции составила творческая переработка известного сюжета «Распятие». Композиция «Голгофы» переполнена персонажами, каждый из которых отмечен особым настроением – от ненависти и злобы до молчаливой скорби и отчаяния. Все оттенки душевных переживаний присутствовавших во время казни Господа людей переданы исключительно пластическими средствами. Руки изображенных персонажей выражают больше эмоций, чем их лица. В центре – распростертые руки Христа, напоминающие крылья израненной птицы, рядом ломаной линией изображен распятый разбойник, безвольно опущенные к подножию креста руки Марии Магдалины, поднятые в гневном возгласе и сжатые в бессильной муке кулаки в толпе.

В «Страстном цикле» Васнецов дал новую трактовку известным сюжетам. В них он сочетал древнюю иконографическую схему с собственным личным пониманием истории.

Вершиной религиозного творчества Васнецова и русского церковного искусства конца XIX в. можно считать иконографию «Страшного суда». К теме судного дня художник обращался два раза – во Владимирском соборе в Киеве и в Георгиевской церкви в Гусь-Хрустальном. По художественной выразительности киевская роспись превосходит картину для гусевской церкви, за что по-

¹⁸ Письмо В. М. Васнецова Н. П. Лихачеву. 3 марта 1907 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Новые материалы. С. 210.

лучила высокую оценку у современников. Это еще раз подтверждает мысль, что русское общество конца XIX – начала XX в. нуждалось в новой интерпретации сюжетов Священного Писания, которую давала живопись Васнецова.

Иконография «Страшного суда» складывалась параллельно с развитием апокалиптики – особого жанра средневековой литературы, повествующего о конце истории. Развернутые композиции появились на Руси в XVI в. С течением времени этот сюжет дополнялся новыми персонажами и символами. Благодаря фундаментальному исследованию Федора Ивановича Буслаева «Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевого Апокалипсиса по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й» (1881), они были известны русским художникам и в их числе Васнецову.

Следуя выводу Буслаева о том, что «Страшный суд, перенесенный к нам из Византии, предлагает замечательное сходство как с византийскими изображениями, так и с древнейшими западными, пошедшими из одного источника»¹⁹, Васнецов не оставил без внимания западноевропейскую живопись. Во время своего путешествия по Италии в 1885 г. художник был очарован Станцами Рафаэля и Сикстинской капеллой Микеланджело. Он сравнивал эти произведения с музыкой Моцарта и Девятой симфонией Бетховена. Роспись потолка в Сикстинской капелле произвела на Васнецова огромное впечатление, которым он поделился в письме к старшей дочери Прахова, Елене Адриановне: «Что такое Страшный суд Микеланджело? – а вот что: старая, потрескавшаяся стена, заплесневевшая синими и красноватыми пятнами. Смотрите на эти пятна – они начинают оживать... Мороз продирает по коже, когда войдешь во всю глубину мысли картины. Эта заплесневевшая стена – величайшая поэма форм, величайшая симфония на тему о Вечной Правде Божией»²⁰. Работая в киевском соборе и желая воскресить в себе испытанные в Сикстинской капелле переживания, Васнецов любил слушать Девятую симфонию Бетховена.

Композиция «Страшного суда» на западной стене Владимирского собора уравновешена четким соотношением масс и цветовых пятен и имеет ясно обозначенный центр – смысловой узел, в котором изображен ангел с весами и свитком. Васнецов использует здесь свой излюбленный прием горизонтального членения композиции на небесную и земную сферы.

В небесной сфере на облаках представлены Господь с крестом и Евангелием, исполненный грозного порыва в сторону грешников, скорбящая на Его плече Богоматерь и коленопреклоненный пророк Иоанн Предтеча. Их окружают символы евангелистов, апостолы и ангелы. Внизу, справа от Христа – праведники, в молитве вззирающие на небеса, слева – грешники, низвер-

¹⁹ Буслаев Ф. И. По русским подлинникам // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С.189.

²⁰ Письмо В. М. Васнецова к Е. А. Праховой. 12 ноября 1891 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. С. 96.

В. М. Васнецов. Страшный суд. Картон для Владимирского собора в Киеве. 1880-е гг.

гаемые беспорядочным потоком в огненную пучину, из которой вырывается Змей. Трубящие ангелы – вестники Апокалипсиса – являются связующими звеньями верхней и нижней частей композиции. Восстающие из гробов праведники четкими группами следуют за святым Макарием Египетским, одним из основоположников монашества, и устремляются к Христу. Васнецов специально удлинит пропорции их тел, уподобив горящим свечам. Фигуры грешников закручены вихрем метаний и страстей. Среди них есть персонажи в царском и церковном облачении. Этим Васнецов показал равенство всех перед Судом Божиим. У дверного проема храма художник поместил устремленную ввысь фигуру праведницы, противопоставив ее общему хаосу грешников. Здесь же Васнецов изобразил момент расставания душ, одна из которых идет к праведникам, а другая тонет в грешном водовороте. Тянущиеся друг к другу руки, скорбящие лица вносят в эту грандиозную по содержанию тему общечеловеческие переживания. Контрастное сочетание цветов – синего сверху, белого в центре и кроваво-красного внизу – создает мистическое настроение. Здесь слились воедино страх, ужас, печаль и святость. «Страшный суд» Васнецова оказывает сильное эмоциональное воздействие на присутствующих в храме. Это не столько напоминание о конце света, сколько знамение о грядущих революционных потрясениях и последующих разрушительных для православной культуры событиях. Сцена затягивает зрителя внутрь и заставляет прочувствовать происходящее.

Роспись была восторженно воспринята в обществе, но Васнецов не удовлетворился достигнутым. Композицию следующей картины для западной стены Георгиевской церкви он продумывал много лет, постоянно изучая

древнерусские образцы. В 1895 г., приступив к работе над холстом, он писал: «Композиция очень сложная, должна быть разработана согласно изображениям „Суда“ в древней православной иконописи»²¹. Васнецов отказался от предложения заказчика Ю. С. Нечаева-Мальцева снова посетить Рим, чтобы вдохновиться живописью Микеланджело и Рафаэля. Он задавался вопросом: «Не следует ли скорее избегать их видеть, чтобы не поддаться чарам этих великих чародеев в мире образов?»²² Васнецов исполнил двадцать один подготовительный эскиз, избрав для работы акварель, при помощи которой достиг на бумаге колористических эффектов фрески, но итоговое произведение написал маслом на холсте.

Вверху в полукруглом сегменте Васнецов представил Бога Саваофа, а под Ним изобразил Христа Судью, фронтально восседающего на троне, с крестом и раскрытым Евангелием. На правое плечо Христа опирается скорбящая Богородица, слева вплотную к Господу подходит преклонивший голову Иоанн Креститель. За ними стройными рядами восседают апостолы и ангелы. К ногам Христа припадают молящиеся прародители Адам и Ева. Цепь из облаков делит композицию на небесную и земную сферы. Под облаками в центре картины – ангел со свитком и весами. Перед ним – смиренная обнаженная душа со скрещенными на груди, как пред причастием, руками. Стройные ряды праведников расположены по правую руку от Христа, а нагромождение из фигур грешников, объятые телом Змия, – по левую.

В колористическом решении Васнецов следовал лучшим примерам древнерусской стенописи. Он использовал звучные синие и желтые цвета, стремясь к достижению общей гармонии с расстановкой контрастных акцентов в смысловых точках композиции. Обладая меньшей экспрессивностью чем роспись во Владимирском соборе, эта картина оказала не менее ошеломляющее впечатление на публику. «Это не композиция Васнецова, – это сумма болезненно-

*В. М. Васнецов. Страшный суд.
Картон для Георгиевской церкви
в Гусь-Хрустальном. 1890-е гг.*

²¹ Письмо В. М. Васнецова к Е. А. Праховой. 12 ноября 1891 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников. С. 419.

²² Письмо В. М. Васнецова к Е. Г. Мамонтовой. 9 апреля 1900 г. // Там же. С. 178.

страстных религиозных фантазий христианских художников всех времен и народов. Тут и великие итальянцы, и упадочники, и Византия, а главное – наши старые московского письма иконы. Все сведено в гармонию требований нашей церковной живописи...»²³ – так охарактеризовал картину «Страшный суд» писатель и историк П. П. Гнедич.

* * *

Еще одна грандиозная по масштабу и замыслу работа, заслуживающая внимания, – роспись свода во Владимирском соборе, где Васнецов представил сюжет «Единородный Сын Слово Божие».

Первоначально художник исполнил эскиз «Апокалипсис», признанный современниками лучшей из его работ. Но так как текст Апокалипсиса был сложен для понимания верующим и его не читали в храмах, то протоиерей Владимирского собора Петр Лебединцев счел ненужным включение сюжета в роспись храма. Васнецов сильно сожалел об этом и в письме к Е. Г. Мамонтовой отметил, что «в старину люди были понятливее» и сцены «Апокалипсиса» присутствуют в интерьерах древних церквей.

При создании композиции «Единородный Сын Слово Божие» Васнецов руководствовался статьей Буслаева «О русской иконописи» и использовал прорись с иконы XVII в. Основной идеей сюжета является искупление человеческих грехов Иисусом Христом и победа Господа над смертью. И в иконографии XVII столетия, и у Васнецова использовано членение на три части, но если в древнем изводе они объединены в одну композицию, то во Владимирском соборе каждая часть заключена в ячейку свода как самостоятельный сюжет, обрамленный орнаментом.

Сосредоточив внимание на показе искупительной жертвы, Васнецов сделал центральным звеном «Распятие», иконография которого явилась результатом творческой мысли художника, и представил Христа в момент Его физической смерти. Следующий за «Распятием» сюжет над хорами Владимирского собора изображает «Бога Слово» в образе Эммануила, сидящего на облаках с крестом и свитком в руках, в окружении тетраморфа. Он контрастирует с последующими сюжетами «Распятия» и «Бог Саваоф», которые решены в темной цветовой гамме, построенной на сопоставлении теплых и холодных, темных и светлых пятен.

К образу Саваофа Васнецов обращался дважды: первый раз – во Владимирском соборе в иконографии «Единородный Сын Слово Божие», второй – в храме Александра Невского в Варшаве в композиции «Сам Господь Троичный в лицах» – своеобразном варианте «Троицы». На своде Владимирского

²³ Гнедич П. Последние картины В. М. Васнецова (Страница из записной книжки литератора) // Художественные сокровища России. [В 7 т.] Т. 5. СПб., 1905. С. 167.

собора Васнецов представил Бога Отца сидящим на радуге во Всемирном Космосе в окружении огненных серафимов и ангелов. В золотом шаре у Него на груди изображен Святой Дух. Саваоф Васнецова мудр, суров, печален и утомлен. К Нему благоговейно припадают серафимы, перед Ним склоняются ангелы. Он – Творец мира, отдавший Свое творение людям, видящий его осквернение, но милосердно желающий спасения человечеству. Чтобы спасти согрешивших и неразумных людей, Он с безграничной любовью посылает Сына Своего в качестве искупительной жертвы и скорбит о Нем. Такой образ Бога Отца представлен на своде киевского храма, с незначительными изменениями он был повторен в сюжете «Сам Господь Троичный в Лицах» в варшавском соборе. Роспись утрачена, но сохранился подготовительный картон.

Васнецов сознательно не называл сюжет «Троицей», чтобы избежать догматических вопросов, а вызывающую споры иконографию «Отечество» изменил. Васнецовский образ для варшавского собора вписан в круг, образованный сплетенными крыльями серафимов, слева и справа к которому припадают огненный и черный серафимы. Седовласый Саваоф в развевающихся белых одеяниях восседает на радуге и благословляет по-архиерейски – обеими руками. Вокруг Его головы очерчен восьмиугольный нимб, характерный для изображений первой ипостаси Троицы. Такой нимб изображается в иконографии Саваофа на иконах «Троица Новозаветная» и образе Иисуса Христа «Спас Благое Молчание», где Он представлен в Отчей славе. На левом колене Бога Отца восседает отрок Христос в золотом хитоне и гиматии с открытым Евангелием в руках. Он, как и в предыдущих композициях, наделен портретными чертами сына художника. Рядом с Ним в шаре изображен в виде голубя Святой Дух.

В отличие от изображения Бога Отца во Владимирском соборе, варшавский образ наделен суровостью и аскетизмом, что сближает его с византийскими изводами.

* * *

Особое место в религиозном творчестве Васнецова занимают образы христианских святых. Художник разработал много иконографий, но лучше всего ему удавались русские святые. «В этих образах – вся древняя Русь, весь религиозный символизм ее истории: епископ, св. княгиня, одинокий монах-летописец и князь наследник варягов...»²⁴ – писал о работах Васнецова его современник, художественный критик С. Маковский.

Созданный в интерьере Владимирского собора сонм подвижников, благоверных князей, святителей и преподобных стал своего рода гимном всему христианской миру и его духовному центру – православной Руси. Если убранство средневекового храма было названо исследователями «библией

²⁴ Маковский С. В. М. Васнецов и Владимирский собор // Мир Божий. 1898. № 3. С. 206.

для неграмотных», то церковную живопись Васнецова можно справедливо именовать «энциклопедией подвижничества», а самого художника – создателем галереи русской святости. В работах Васнецова показан святой в своей эпохе – времени свершения земного пути. В отличие от каноничных житийных изводов, в клеймах которых зафиксированы отдельные эпизоды, иконы Васнецова передают дух времени. Для средневекового изографа важно было показать вечное вневременное значение подвига святого. Васнецов, напротив, сознательно акцентировал внимание на передаче времени и места действия. Он хотел, чтобы его живопись прославляла подвиг «за веру, царя и Отечество» на Святой Руси. В образах святых угодников религиозно-философское мировоззрение Васнецова и его понимание русской истории и феномена святости отразились во всей полноте.

Следуя утверждению Буслаева, что главным условием церковной живописи, «без которого невозможны ни верность типов, ни ясность традиционного сюжета, ни благочестивое выражение», является «верность действительности»²⁵, Васнецов стремился показать личность максимально достоверно. Поэтому на его иконах представлен не преображенный «обожженный» человек, а скорее портретный образ святого в соответствующей исторической обстановке.

В работе у художника возникал закономерный вопрос: в какой степени его образ на иконе соответствовал облику человека, жившего в далеком прошлом, и насколько древние изводы портретны? Занимаясь этим вопросом и ссылаясь на результаты художественной археологии и древней письменности, известный церковный историк Н. В. Покровский пришел к выводу, что «...иконопись не чуждалась портретного сходства изображений с оригиналами, но даже искала его...», но безуспешно, так как «сведения о внешнем виде святых имели характер случайный»²⁶. Возникла необходимость в «иконописном шаблоне» – иконографии, которая подразумевала идеализацию образа. Н. В. Покровский лично засвидетельствовал рекомендации древних иконописных подлинников о написании святых ликов, которые надлежало соотносить с известными образами Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Власия, Василия Кесарийского и Сергия Радонежского. Но в современных условиях развития русской церковной живописи ученый считал особенно важной разработку новых иконографий и лучшие примеры таковых видов в живописи Васнецова. «Старина служит для него первым из верных источников вдохновения, и этот путь верный»²⁷, – писал Покровский.

²⁵ Буслаев Ф. И. Изящество иконописного предания. Природа и идеальность. Иконописные типы // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 129.

²⁶ Покровский Н. В. Основные начала православно-русского иконописания // Православно-русское слово. 1903. № 3. С. 30.

²⁷ Там же. С. 34.

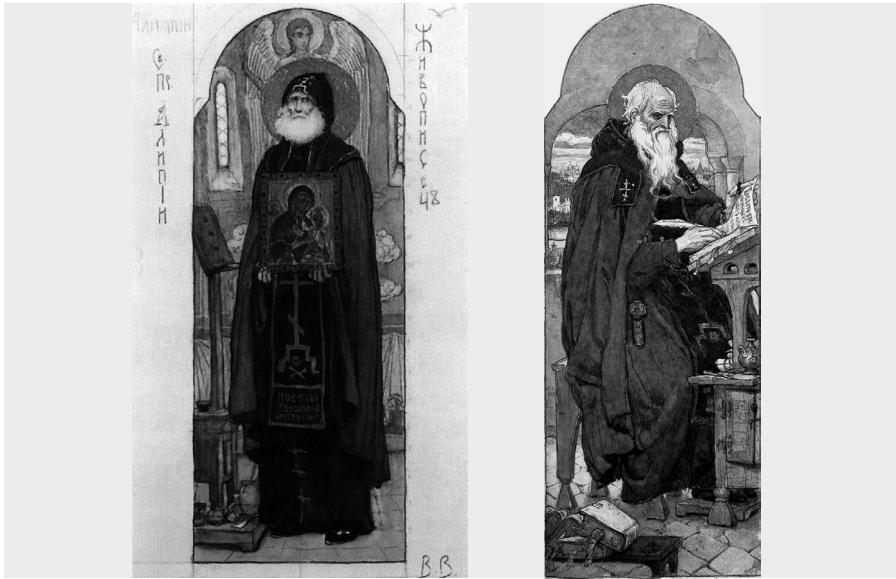
Васнецов писал свои иконы, руководствуясь житийной литературой и документальными описаниями. Он остро ощущал необходимость скорейшего издания нового лицевого иконописного подлинника, составленного из лучших образцов древнерусской живописи с историческими пояснениями и необходимыми рекомендациями об использовании. Свои соображения о содержании подлинника и надежду на скорое его осуществление художник изложил в письме к графу С. Д. Шереметеву, председателю Общества ревнителей русского исторического просвещения, написанном зимой 1899 г. после завершения росписи Владимирского собора. Его мнение как прославленного мастера религиозной живописи было особенно ценно для ученого общества. За столь пристальное внимание к готовящемуся руководству Н. П. Кондаков отметил Васнецова как главного инициатора этого дела и продолжателя возрождения истинно русского искусства.

Так как первый том иконописного подлинника «Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» вышел в 1905 г., а второй, посвященный иконографии Божией Матери, готовился к выпуску в 1916 г., то Васнецову приходилось использовать рисунки и кальки часто не лучшего качества, а иногда руководствоваться текстовыми описаниями, хранящимися в архивах или обнаруженными в ходе исследований историками искусства, но еще не опубликованными.

Обилие деталей, характерное и для других сюжетов, стало определяющим признаком в узнавании святых. Нестор Летописец показан пишущим в своей келье у раскрытого окна, за которым простирается пейзаж с башнями городов и церквями. Прокопий, Христа ради юродивый, представлен на фоне страшной тучи, нависшей над Великим Устюгом. Согласно преданию, своими молитвами святой отвел от города грозу, разразившуюся впоследствии камнями. Кукша, просветитель вятчей, изображен с крестом и раскрытым Евангелием в руках, что указывает на его проповедническую деятельность, которую он вел на родине Васнецова в Вятке. В некоторых работах Васнецов наделял святых портретными чертами своих современников – лучших людей эпохи. Так, лик князя Владимира в «Крещении Руси» и «Крещении Владимира» заставляет вспомнить В. С. Соловьева, известного философа и поэта рубежа XIX–XX вв. Можно сказать, что Васнецов стремился воспроизвести «священный идеальный тип», в котором «русский народ выразил свои понятия о человеческом достоинстве» и к которому «вместе с молитвою, обращался он как к образцам и руководителям в своей жизни»²⁸.

В иконах Васнецова нашли выражение сердечная теплота («Прокопий Устюжский», «Сергий Радонежский»), духовная мудрость («Нестор Летописец», «Алипий Живописец»), отвага и стойкость («Андрей Боголюбский»,

²⁸ Буслав Ф. И. Общие понятия о русской иконописи // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 57.

*В. М. Васнецов. Святые Алипий Живописец и Нестор Летописец.
Эскизы икон для Владимирского собора
в Киеве. 1885–1894 гг.*

«Княгиня Ольга») – качества, характерные именно для русских святых. Для усиления монументальности композиции художник практически отказался от оглавных и поясных изображений. Он представил фигуры в рост с предельно заниженной линией горизонта.

Как говорилось выше, иконы Васнецова изобилуют многочисленными повествовательными деталями (книги с закладками у ног Нестора Летописца, маленькие костыли Прокопия Устюжского, четки и свеча в руках св. Евдокии, всевозможные орнаменты), которые были характерны для зарождающегося стиля модерн. Они способствовали более подробному раскрытию образа, но разрушали целостность иконы. Поэтому лучшими религиозными произведениями художника стали те, в которых он отказался от пейзажного или интерьерного фона, а декор применил лишь в отделке одеяний (святые князя Борис и Глеб, князь Михаил Тверской, княгиня Ольга).

Особенностью живописного убранства церквей конца XIX – начала XX в. стало обилие орнаментального декора, сплошным ковром покрывающего все свободное от сюжетных композиций пространство. Васнецов тщательно выбирал мотивы для составления орнаментов, отдавая предпочтение византийскому искусству.

Ярким примером может служить роспись Владимирского собора, где представлено многообразие раннехристианской и византийской символики. В плафоне над алтарным образом Богородицы с Младенцем, где Васнецов

повторил элементы мозаики апсиды храма Святого Аполлинария-ин-Класе в Равенне (VI в.). В плафоне равненской церкви представлены двенадцать агнцев, а над ними – образ Пантократора в круглом медальоне с тетрамоном. Во Владимирском соборе изображены тринадцать агнцев, центральный из которых с нимбом обозначает Иисуса Христа. Над ними – крест, заключенный в круг, точное воспроизведение равненского.

Церковная живопись Васнецова получила высокую оценку у современников. Сам художник был скромным и о своих заслугах не говорил. Сегодня немногие знают, что в 1896 г. за роспись Владимирского собора его удостоили ордена Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени. 13 июня 1912 г. за работу в варшавском храме Васнецов был возведен в потомственное дворянство, а 31 декабря 1913 г. император Николай II пожаловал художнику чин действительного статского советника вне порядка службы.

* * *

В архитектуре Васнецов проявил себя не столь масштабно, как в живописи, но это не умаляет художественное значение его построек.

В 1898 г. по заказу выставочного комитета Всемирной выставки в Париже Васнецов спроектировал три варианта павильона Русского отдела. Ни один из них не был осуществлен, но их отдельные элементы использовал К. А. Коровин для павильонов кустарных промыслов и церковных принадлежностей.

Следом, в начале 1900-х гг. Васнецов разработал проект особняка для размещения художественной галереи И. Е. Цветкова, известного московского коллекционера русской живописи, подарившего в 1909 г. свою коллекцию и дом на Пречистенской набережной Москве. Первоначальный проект (1899 г.), принадлежавший самому Цветкову, точно распределившему расположение комнат, и архитектору Л. Н. Кекушеву, осуществлен не был. Сохранив «бочку-крышу» и отдельные мотивы Кекушева, Васнецов спроектировал фасады. Он очень ответственно отнесся к работе и в течение двух с лишним лет лично следил за возведением дома. По его чертежам и рисункам столяры дважды делали маленькие модели дома.

Установленный на 24-х каменных столбах, соединенных арками, дом Цветкова напоминал сказочный терем или, как писали современники, «сундучок, ларец», с контрастирующими выбеленными выступающими деталями на кирпичных стенах (окраска не сохранилась), богато декорированными мотивами XVII в. – наличниками, филёнками, полицветными изразцами. Не менее интересными были интерьеры здания, оформленные Васнецовым резными деревянными украшениями, скамьями, ларями, люстрами, повторяющими формы новгородских паникадил времен царя Ивана Грозного.

Васнецову-архитектору принадлежит рисунок фасада главного здания галереи П. М. Третьякова в Москве, воплощенный в архитектурных формах архитектором В. Н. Башкировым. Согласно замыслу Васнецова, монументальный

фасад Третьяковской галереи представляет собой яркую заставку книги, преувеличенную в размерах. На это указывает широкая лента фриза с надписью славянской вязью о передаче галереи в дар Москве. Центр здания отмечен тройным порталом – входом в галерею, увенчанным рельефным панно с образом «Чуда Георгия о змии», обрамленным высоким кокошником.

Значимым памятником религиозно-национального направления стал крест на месте убийства великого князя Сергея Александровича, выполненный по эскизу Васнецова. Его открытие состоялось на Сенатской площади у здания Арсенала в Московском Кремле 2 апреля 1908 г. Крест представлял собой высокое шестиметровое бронзовое, декорированное эмалью распятие, увенчанное фигурами двух скорбящих ангелов и Богородицы вверху. Образ Божией Матери напоминал о скорби великой княгини Елизаветы Федоровны, по-христиански простившей убийцу ее мужа, террориста И. П. Каляева.

У подножия креста шла надпись: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят», а по всему кресту: «Аще бо живем, Господеви живем, аще же умираем, Господеви умираем: аще бо живем, аще умираем, Господни есмы. Вечная память Великому Князю Сергею Александровичу, убиенному 4 февраля 1905 года. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»; внизу на лицевой стороне постамента: «Поставлен на добротные пожертвования, собранные 5-м гренадерским Киевским полком в память своего бывшего шефа Сергея Александровича, на сем месте убиенного, и на пожертвования всех, почтивших память Великого Князя».

В 1918 г. большевики уничтожили крест. Этот акт вандализма описал в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич: «1 мая 1918 г. члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались в 9.30 утра в Кремле, перед зданием Судебных Установлений, (место, где стоял высокий бронзовый крест, исполненный в эмали по рисункам художника Васнецова). Вышел Владимир Ильич (Ленин-Ульянов). Он был весел, шутил, смеялся... – Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уже нехорошо, – и указал на памятник (Крест с Христом и Скорбящей Божьей Матерью)... – Я мигом... принес веревки. Владимир Ильич (Ленин-Ульянов) ловко сделал петлю и накинул на памятник (на шею Христу Спасителю)... Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, Крупская, Дзержинский, Шиваров, Агранов, Эльберт, Маяковский, сестра Ленина (Мария Ульянова) и почти все члены ВЦИК и Совнаркома, сколько хватило веревок, впряглись в веревки. Налегли, дернули, и памятник Христу Спасителю и Его Скорбящей Матери Марии рухнул на булыжники. Долой Его с глаз, на свалку! – продолжал распоряжаться Ленин В. И.»²⁹. В 1998 г., по прошествии 80 лет, крест-памятник воссоздали по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на терри-

²⁹ Мученическая гибель первого председателя ИППО великого князя Сергея Александровича в документах и материалах. URL: <http://www.ippo.ru/osnovateli-ipodvizhniki-ippo> (дата обращения: 16.04.2019).

тории Новоспасского московского монастыря, где ныне упокоились останки князя.

Среди других работ Васнецова в области зодчества, выполненных до войны, следует отметить памятники Ю. Н. Говорухе-Отроку (1896) и В. А. Грингмуту (1907) на кладбище Скорбященского монастыря в Москве.

* * *

Первую мировую войну художник воспринял с большим волнением. Он чувствовал личную ответственность за судьбу России и потому передал на нужды раненых воинов назначенную ему императором ежегодную аренду в 1500 рублей. «О чем бы ни говорил, о чем бы ни думал, а в душе все время великая незабываемая тяжелая дума – война!»³⁰ – писал Васнецов.

В 1914 г. он принял участие в выставке, организованной Комитетом «Художник – товарищам-воинам», который возглавлял его брат Аполлинарий Васнецов.

Виктор Васнецов выполнил рисунок «Витязь» для вечера Московского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи раненым и картину-плакат «Бой Ивана-царевича с трехглавым морским змием» для городского базара помощи раненым.

Председатель Всероссийского земского союза А. М. Тухачевский ответил Васнецову: «Московский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи раненым просит принять глубокую благодарность за прекрасно сделанный Вами рисунок „Русский витязь“ для плакатов и открыток на пользу жертвам войны 1914 года»³¹; а Комитет по организации благотворительного базара отозвался так: «Препровождая при сем 50 открытых писем с исполненным Вами рисунком „Бой Ивана-царевича с Трехглавым змеем“ и 5 комплектов открыток, продававшихся на организованном Московским Городским Общественным Управлением благотворительном базаре „На помощь жертвам войны“, позволяю себе принести Вам от имени Комитета глубокую благодарность за содействие, которое Вы оказали успеху базара исполнением и безвозмездным предоставлением в распоряжение города означенного рисунка»³².

В этих работах Васнецова нет лаконичного, метко бьющего в цель призыва стать на защиту Родины. Но образ славного витязя Ивана-царевича, отважно сражающегося с ненавистным злодеем, оказывал не меньшее воздействие на человека, взявшего в руки оружие, потому что давал яркий пример былинной истории, образец храбрости, стойкости и праведности.

³⁰ Письмо В. М. Васнецова к Е. А. Праховой. 20 октября 1914 г. // Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы. С. 265.

³¹ Письмо А. М. Тухачевского к В. М. Васнецову. 6 ноября 1914 г. // Дом-музей Васнецова. № 24299/35. 25 декабря 1921 г. Не опубликовано.

³² Там же.

В этом же году Васнецов исполнил иллюстрацию к календарю 1914 г., на котором изображен фрагмент битвы Александра Невского с немецкими рыцарями с надписью вязью: «Благословенный князь Александр Невский перед Ледовым побоищем на Чудском озере, где он разбил наголову немцев в 1242 г. 5 апреля», и две картины: «Архангел Михаил» и «Один в поле воин».

* * *

Октябрьский переворот 1917 г. внес большие перемены в творческую и личную жизнь художника. Васнецов не принял новый политический строй и называл его «социал-пугачевщина».

В послереволюционные годы он жил в Москве в Троицком (ныне Васнецовском) переулке. Художник сам спроектировал свой дом в 1893–1894 гг. в русском духе. Это многообъемное, украшенное декоративными обрамлениями окон и поливными изразцами сооружение с высокой кровлей и пристроенным бревенчатым теремком верхнего этажа, перекрытым традиционной бочкой. На втором этаже располагалась мастерская художника. В интерьере Васнецов гармонично сочетал бревенчатые стены с внутренней обстановкой, в частности с мебелью, выполненной по древнерусским образцам и рисункам самого художника в абрамцевских и строгановских столярных мастерских. По меткому замечанию Ф. И. Шаляпина, дом Васнецова представлял собой «нечто среднее между современной крестьянской избой и древним княжеским теремом. Не из камней сложен – дом был срублен из дерева. Внутри не было ни мягких кресел, ни кушеток, ни бержеров. Вдоль стен сурово стояли дубовые простые скамьи, в середине стоял дубовый, крепко сложенный простой стол без скатерти, а кое-где расставлены были коренастые табуреты. Освещалась квартира скудно, так как окна были небольшие, но зато наверху, в мастерской, к которой вела узенькая деревянная лестница, было много солнца и света»³³.

В доме Васнецов снова обратился к излюбленной им сказочно-былинной теме. Он вел тихий образ жизни и, словно желая уйти от пугающей его действительности, с воодушевлением писал сказочные сюжеты: «Царевна-лягушка» (1901–1918), «Баба-яга» (1901–1917), «Царевна Несмеяна» (1914–1916), «Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змием Горынычем» (1913–1918), «Спящая Царевна» (1900–1926), «Сивка-Бурка» (1914–1926), «Кощей Бессмертный» (1917–1926), делал повторения в уменьшенном виде с картин «Богатыри», «Иван-царевич на Сером Волке», «Аленушка» и «Витязь на распутье».

Для этих работ характерно усиление символического звучания и повествовательного начала. В тяжелые послереволюционные годы художник словно желал напомнить людям о волшебном и уже далеком мире русской сказки. Для самого Васнецова этим миром была Российская империя – утра-

³³ Шаляпин Ф. И. Маска и душа. М., 1997. С. 83.

ченное земное царство, вне которого так затруднено обретение Царствия Небесного.

Полотна Васнецова изобилуют всевозможными орнаментами, мотивы которых художник черпал в древнем народном искусстве: лубочных рисунках, деревянной резьбе, вышивках, пряниках. Одежды героев и предметы быта выписаны с большим вниманием и любовью. В этом сказались природное дарование Васнецова, его тонкое понимание русского национального характера и уклада жизни, знание истории и культуры.

В. М. Васнецов. Царевна-лягушка. 1918 г.

Мир сказок и былин скрасил последние годы Васнецова, и он полностью отдавался горячо любимому искусству. Н. А. Прахов, сын профессора, называл сказочные полотна Васнецова «вещами неувядаемой красоты».

В течение всего своего творческого пути художник обращался к легендарным и богатырским образам русских сказаний, будь то картины, иллюстрации, костюм или декорации. Среди наиболее известных работ Васнецова можно отметить литографические рисунки к сказкам «Жар-птица», «Козел Мемека», оформление юбилейного издания А. С. Пушкина и книги Н. Кутепова «Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век», иллюстрации к «Песне о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова, декорации и костюмы к опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» и др. Тема сказочно-былинной Руси звучит лейтмотивом творчества Васнецова, тогда как работа в храмах стала «делом всей жизни».

Незадолго до кончины художник написал крест с распятием для церкви святых Адриана и Наталии, прихожанином которой он был.

23 июля 1926 г. Виктор Михайлович Васнецов скоропостижно умер.

Главным желанием Васнецова-художника на протяжении всей жизни было воплотить «русский самобытный дух» в своих произведениях, независимо от их жанра. Он мечтал о воссоединении не понимающих друг друга интеллигенции и народа под сводами храма, построенного и украшенного во славу православной веры и российской истории.

Эта мечта привела его к созданию уникального религиозно-национального направления, в котором отразились эстетические, этические и богословские чаяния русского общества конца XIX – начала XX в. Подводя же итог своим поискам, Виктор Васнецов писал: «...Из византийских и русских памятников я взял только схему, и место не позволяло воспользоваться старыми образцами, да и время теперешнее не все переваривает из философского, богословского и поэтического настроения древней иконописи, стало

быть, пришлось мирить древнее с новым, по правде, иначе-то нельзя. Все существенное сохранено»³⁴.

Источники и литература

1. *Боборыкин П. Д.* Девятая Передвижная художественная выставка // Минута. 1881. 20 марта. № 87.
2. *Буслаев Ф. И.* Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001.
3. Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы / Автор-составитель Л. Короткина. СПб., 2004.
4. Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Документы. Суждения современников / Сост. Н. А. Ярославцева. М., 1987.
5. *Гнедич П.* Последние картины В. М. Васнецова (Страница из записной книжки литератора) // Художественные сокровища России. Т. 5. СПб., 1905. С. 166–170.
6. *Гнедич П. П.* Художники и искусства // Санкт-Петербургские ведомости. 1889. 19 марта. № 77.
7. *Маковский С. В. М.* Васнецов и Владимирский собор // Мир Божий. 1898. № 3. С. 201–219.
8. *Мамонтов В. С.* Воспоминания о русских художниках. М., 1950.
9. Мученическая гибель первого председателя ИППО великого князя Сергея Александровича в документах и материалах. URL: <http://www.ippo.ru/osnovateli-i-podvizhniki-ipro> (дата обращения: 16.04.2019).
10. Письмо А. М. Тухачевского к В. М. Васнецову. 6 ноября 1914 г. // Дом-музей Васнецова. № 24299/35. 25 декабря 1921 г. Не опубликовано.
11. *Покровский Н. В.* Основные начала православно-русского иконописания // Православно-русское слово. 1903. № 3. С. 17–24.
12. *Поленова Н. В.* Абрамцево. Музей-заповедник «Абрамцево». 2006.
13. *Прахов А. В.* Киевский Владимирский собор. К истории его постройки. Киев, 1896.
14. *Флеров С. В.* Внутренние известия. Киев. 21 июля. От нашего специального корреспондента // Московские ведомости. 1888. № 208. 29 июля.
15. *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. М., 1997.
16. *Ярославцева Н.* Царица Небесная и женщина земная. Образ Богоматери в творчестве Виктора Васнецова // Советский музей. 1991. № 4. С. 44–55.

³⁴ Письмо В. М. Васнецова к В. Т. Георгиевскому. 7 декабря 1890 г. // Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы. С. 91.

Неушедшая Русь

О несостоявшейся картине Павла Корина «Реквием. Русь уходящая»

Огромный, площадью почти сорок квадратных метров, холст так и не дождался ни одного мазка кисти мастера. Десятилетия немым укором стоял он в мастерской художника.

Но укором ли? Может быть, сама тема картины, для которой было сделано множество эскизов, вошедших в золотой фонд отечественной живописи, не позволила автору завершить этот фундаментальный труд?

В начале апреля 1925 года проститься со Святейшим Патриархом Тихоном пришли около миллиона человек. Это народное стояние у гроба Патриарха потрясло молодую семейную пару – художника Павла Дмитриевича Корина и его жену Прасковью Тихоновну, воспитанницу Марфо-Мариинской обители.

Жена художника вспоминала:

«Такое множество представителей духовной, старой Руси прибыло на похороны! Со всех сторон съехались истовые монахи, игумены с изможденными лицами. Калики-перехожие¹, странники, слепые точно вышли из XVI–XVII веков.

Павел Дмитриевич проводил там много времени, ходил каждый день, делал зарисовки...»

А сам живописец записал в своем дневнике:

«Донской монастырь. Отпевание Патриарха Тихона. Народа было великое множество. Был вечер перед сумерками, тихий, ясный. Народ стоял с зажженными свечами, плач, зауспокойное пение. Прошел старичок-схимник. Около ограды стояли ряды нищих. В стороне сидел слепой и с ним мальчишка лет тринадцати, пели какой-то старинный стих. Помню слова: „Сердца на копыа поднимем“. Это же картина из Данте! Это „Страшный суд“ Микеланджело, Синьорелли! Написать всё это, не дать уйти. Это – реквием!»

«Не дать уйти...». Именно тогда и возник замысел картины. И если поначалу будущая картина мыслилась как антитеза полотну своего учителя Ми-

¹ *Калики-перехожие* – странники, поющие духовные песнопения. Слово «калики» происходит от слова «калиги» – сандалии, которые одевали паломники, идущие в Иерусалим.

хаила Нестерова «Святая Русь», то за время работы главная идея произведения изменилась. «Не дать уйти!» Не дать исчезнуть тому, что составляло уходящую историческую эпоху, запечатлеть ее лики в зримых образах.

Художник начинает работу над эскизами.

С блокнотом в руках он обходит храмы, делает зарисовки церковного люда, знакомится с наиболее яркими в духовном плане представителями духовенства, монашествующими, пишет с них портреты.

Для художника общение с глубоко верующими людьми не представляло особого труда, так как сам Павел Дмитриевич вырос в православной семье потомственных палехских иконописцев, окончил Палехскую иконописную школу, служил в иконописной артели Донского монастыря.

Знакомство и совместная работа над росписью церкви Марфо-Мариинской обители с Михаилом Васильевичем Нестеровым – выдающимся художником – во многом изменили судьбу Павла Корина.

В тридцатых годах, уже сложившимся мастером, Корин писал своему учителю: «Вы бросили мне в душу Ваш пламень, Вы виновник того, что я стал художником».

По настоянию Нестерова молодой изограф поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1816 году.

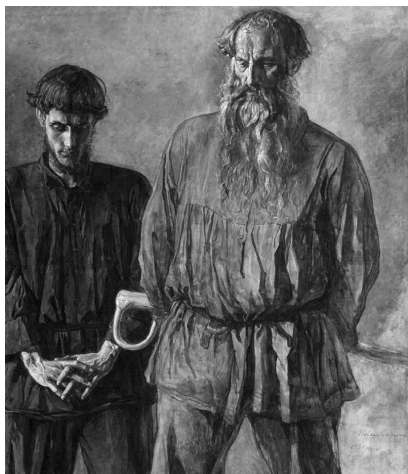
В эти годы и под влиянием Нестерова, понимавшего живопись как духовный подвиг, и под впечатлением от творчества Александра Иванова – подвижника и аскета с кистью в руках – определяется весь дальнейший творческий путь художника, главной задачей которого становится продолжение великих традиций русской живописи.

И полотно, где будет изображен крестный ход во время похорон Патриарха Тихона, где будет изображена уходящая, но уверенная в своей духовной правоте Святая Русь, должно стать ключевым для мастера.

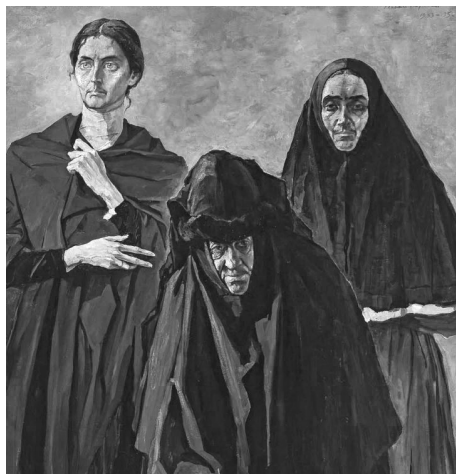
За десять лет подготовительных работ Павел Корин написал большое количество эскизов, последний из которых – портрет митрополита Сергия, будущего Патриарха – датирован 1937 годом.

Неоценимую услугу художнику оказал Максим Горький, портрет которого Павел Корин выполнил в 1932 году. Именно Горький помог с новым помещением для мастерской и при его содействии был изготовлен огромный холст для будущей картины. Да и первоначальное название полотна «Реквием» было изменено на «Русь уходящая» после долгих бесед писателя и живописца. Может быть, этому поспособствовало и стихотворение Сергея Есенина «Русь уходящая» в котором поэт с горечью свидетельствует о навсегда уходящем времени:

Я уходящих в грусти не виню,
 Ну, где же старикам
 За юношами гнаться?
 Они несжатой рожью на корню
 Остались догнывать и осыпаться.

«Отец и сын». 1930-е гг.

«Трое». 1930-е гг.

Но, глядя на 29 портретов к картине, нельзя ни в коем случае применить к ним образ «несжатой, догнивающей ржи». Невероятная мощь образов, особая реалистическая пластика, ярко выраженная индивидуальность каждого из портретируемых – от нищего на паперти до высших иерархов Церкви – представляют единый, целостный образ Православной Руси.

Одним их первых эскизов был парный портрет «Отец и сын». По сути, это законченная картина, которая представляет преемственность поколений, передачу духовной традиции от старших к младшим. Персонажи этого портрета мыслились художником как представители крестьянского сословия. Но моделями для полотна послужили скульптор Сергей Михайлович Чураков и его сын Станислав, художник-реставратор. Очевидно, в чертах их лиц Павел Корин увидел отголоски исконного русского крестьянства.

Законченной, самостоятельной картиной можно считать и групповой портрет «Трое». Здесь изображены три женщины: слева – София Михайловна Мейен (Голицына), представительница древнего рода князей Голицыных, всю свою долгую жизнь проработавшая машинисткой; на переднем плане – монахиня Мария Николаевна Елагина, принявшая постриг в молодости, и неизвестная, только начинающая свой духовный путь молодая инокиня – справа. Три женщины, три возраста, три жизненных пути, объединенные духовным единством.

Примечателен портрет иеромонаха Феодора. Высокий статный инок, впоследствии принявший мученический конец, был прославлен Архиерейским собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года как преподобномученик².

² На триптихе Павла Корина «Александр Невский» (1942) черты иеромонаха Феодора угадываются в образе молодого русского воина.

«Иеромонах Феодор».
1930-е гг.

Схиигумения Фамарь (Марджанишвили), грузинская княжна, в ранней юности вставшая на монашеский путь, основавшая Серафимо-Знаменский скит в Подмоскovie, позировала художнику, будучи тяжело больной. Ее портрет наполнен внутренним светом, в нем нет следа гонений, ареста и ссылки в Сибирь. Мать Фамарь была канонизирована Грузинской Православной Церковью в 2016 году.

Двойной портрет иеромонаха Пимена – будущего Патриарха и епископа Антонина (или Антония – подпись на холсте неразборчива) – предельно лаконичен по цветовому решению. Но подобная сдержанность колорита только подчеркивает суть монашеской аскезы.

Патриарх Сергей (Страгородский) на портрете изображен как митрополит, а на картине должен был быть изображен уже как Патриарх, что запечатлено на композиционном эскизе.

И один из самых пронзительных портретов – «Нищий слепец».

«Да вы смотрите, его руки, пальцы – это глаза и уши слепого», – эти слова Горького в полной мере отражают мастерство, с которым были написаны гибкие пальцы старика. Пальцы, будто лежащие на клавишах органа.

«Схиигумения
Фамарь».
1930-е гг.

«Иеромонах Пимен
и епископ Антоний
Антонин)». 1930-е гг.

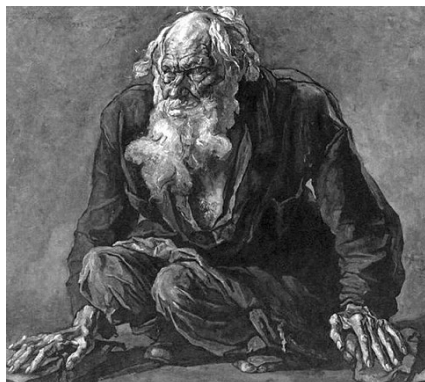

«Митрополит
Сергей (Страгородский)».
1930-е гг.

Надо сказать, что у самого художника будущее полотно ассоциировалось с музыкой. Особенно с «Реквиемом» Берлиоза. Вот дневниковая запись Павла Корина: «9 и 10 марта слушал подряд два раза в Большом зале консерватории „Реквием“ Берлиоза. Этот пафос и стон должен быть в моей картине, гром трубы и медные басы. Этот почерк должен быть».

Портретные эскизы к картине поражали современников художника. Но были и другие мнения.

8 декабря 1936 года от заместителя заведующего культурно-просветительским отделом ЦК ВКП(б) Алексея Ангарава (Зыкова) на имя Сталина поступило письмо: «...подготовка Корина к основной картине выражается в сотне эскизов, натурщиками для которых служат махровые изуверы, сохранившиеся в Москве остатки духовенства, аристократических фамилий, купечества и т. д. Так, например, среди натурщиков Корина имеется человек, окончивший два высших учебных заведения и в 1932 году постригшийся в монахи. Корину позируют бывшие княгини, ныне ставшие монахинями, попы всех рангов и положений, протодьяконы, юродивые и прочие подонки... вся эта коллекция мракобесов собрана, чтобы показать их обреченность. Между тем никакого впечатления обреченности,

«Нищий слепец». 1930-е гг.

Эскиз к картине «Русь уходящая». 1935–1959

судя по эскизам, она не создает. Наоборот, передает ненависть этих людей, по его замыслу, сильных, волевых, преисполненных готовности умереть за свои идеи. Наши попытки доказать ему ложность взятой им темы пока не имели успеха... Прошу Вашего указания по этому вопросу...»

Картина так и не была начата... И дело совсем не в том, что многие из окружения художника и «из власть предержащих», как маршал Клим Ворошилов, советовали Корину отказаться от картины, которая может быть воспринята как «воспевание церкви» и вызвать серьезные осложнения для художника.

Вполне очевидно, что автор уже в конце тридцатых годов понял *несоответствие* того изначального посыла с реальностью, которая открылась ему в дальнейшей жизни: Русь, которую он хотел запечатлеть как *навсегда ушедшую*, на самом деле *не ушла*.

Именно об этом и свидетельствует высказывание живописца: «Для меня заключено нечто невероятно русское в понятии „уходящее“. Когда все пройдет, то самое хорошее и главное – оно все останется...»

Русь была, есть и будет. Все ложное и искажающее ее подлинное лицо может быть пусть затянувшимся, пусть трагическим, но только эпизодом в истории этого великого народа...»

Художник был свидетелем трагического события – русской эмиграции, великого исхода большей части российского общества. В 1920 году русская эскадра с остатками Белой армии в составе 126 кораблей навсегда отплыла из портов Крыма и причалила к берегам Туниса. В 1922 году были отправлены за границу два парохода с насильно выдворенными из страны, из-за неприятия новой власти, представителями науки, философии и культуры.

Но Павел Корин понимал и, будучи неоднократно за границей, знал, что для почти трех миллионов эмигрантов Россия – не просто потерянная и ушедшая в небытие страна, но и Родина, которая не исчезла и навсегда осталась в их памяти.

Идея духовного подвижничества будет в дальнейшем развита Коринным в портретах М. В. Нестерова, А. Н. Толстого, В. И. Качалова, Л. М. Леонидова, К. Н. Игумнова, М. С. Сарьяна, С. Т. Конёнкова и многих других деятелей науки и культуры.

«А в громадном портретном наследии Корина, разве в них не те же характеры, что и в этюдах к картине? Те же, это их продолжение. Те же героические, трагические и возвышенные черты...» – сказал художник Виктор Иванов о портретах Павла Корина. О портретах, на которых Павел Дмитриевич Корин – один из выдающихся художников XX века – изобразил именно тех людей, кто сохранил в себе традиции *Руси неушедшей*.

Биографическая справка

Павел Дмитриевич Корин (1892–1967) – советский и российский живописец, монументалист, мастер портрета, реставратор, педагог, профессор,

академик Академии художеств СССР (1958). Народный художник СССР (1962). Лауреат Сталинской (1952) и Ленинской (1963) премии.

Литература

1. Корин П. Д. Письма из Италии. М., 1981.
2. Разгонов С. Высота. Жизнь и дела Павла Корина. М., 1982.
3. Михайлов Н. А. П. Корин. – М., 1982.
4. П. Д. Корин об искусстве: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1988.
5. <http://korin.webzone.ru/>

*Холст и этюды к картине
«Русь уходящая» в мастерской художника*

Д. Г. Добыкин

Христианский взгляд на ветхозаветные праздники (Песах, Шавуот и Суккот)

Предписание о днях, которые необходимо посвящать Богу, было дано Самим Господом: «Три раза в году празднуй Мне: наблюдай праздник опресноков... наблюдай и праздник жатвы первых плодов труда твоего, какие ты сеял на поле, и праздник собирания плодов в конце года, когда уберешь с поля работу твою» (Исх. 23:14-16). В этом отрывке говорится о трех праздниках: Песах, Шавуот и Суккот или более привычно – Пасха, Пятидесятница и Кущей.

Ветхозаветные праздники – это, прежде всего, священные дни. Их отличие от обыкновенных дней состояло: во-первых, в прекращении работ; во-вторых, в торжественных жертвоприношениях; в-третьих, в особых обрядах и церемониях, связанных с праздником.

Ветхозаветный год начинался с месяца авив, и первым праздником была Пасха (Песах). Через 50 дней после Пасхи совершался праздник Пятидесятницы (Лев. 23:16) или праздник седмиц (Шавуот). Следующие за Пятидесятницей три праздника совершались в седьмом месяце – тишири: праздник Труб или Новый (гражданский) год, День очищения и Праздник Кущей.

Такая последовательность праздников имеет глубокий смысл. Пасха и принесение первого снопа прообразовательно связаны с Крестными Страданиями и Воскресением Христовым, следующая за ними Пятидесятница – с Новозаветной Пятидесятницей, дарованием Святого Духа и рождением Новозаветной Церкви. Праздник Труб прообразует трубление во время Второго Пришествия Господня, День очищения – Суд Божий, а Праздник Кущей – воскресение из мертвых.

Таким образом, ветхозаветные праздники располагались в том порядке, который соответствует исторической последовательности новозаветных событий, ими прообразуемых.

Праздник в религиозной жизни всегда имеет в себе несколько составляющих.

Во-первых, вспоминается то событие, которое послужило поводом для установления праздника.

Во-вторых, праздник это не только воспоминание о памятном событии. Для верующего человека через ветхозаветные праздники Бог особой силой

открывает Свою волю и Самого Себя Своему народу. Кроме этого, верующие в Бога Израиля через вспоминание события далекого прошлого, через совершение ритуалов и исполнение заповедей заново переживали то, что они праздновали. Праздники должны были постоянно напоминать Израилю о том, что Бог заботится о Своем народе.

Для ветхозаветного верующего знаком Божьего благословения было, прежде всего, земное изобилием: «Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Господа, Бога вашего, и служить Ему от всего сердца вашего и от всей души вашей, то дам земле вашей дождь в свое время, ранний и поздний; и ты соберешь хлеб твой и вино твое и елей твой; и дам траву на поле твоим для скота твоего, и будешь есть и насыщаться» (Втор. 11:13–15). В ответ земледелец и скотовод библейских времен благодарил Бога самым лучшим, что у него было, – плодами земли и лучшим (первородным) от стад.

Господь наш Иисус Христос Сам участвовал в храмовых праздниках (Лк. 2:41; Ин. 2:13, 10:22), подобно пророкам, требовал соблюдать верность духу богослужения (Мф. 23:16–23), чтить святость храма (Мк. 11:17), велел приносить жертвы по Закону Моисееву (Мф. 8:4; Мк. 1:44; Лк. 5:14, 17:14).

И наконец, праздники являлись прообразами полноты благодати и блаженства в будущем. Ветхозаветные жертвы были «тенью будущих благ» (Евр. 10:1; ср.: Евр. 8:5; Кол. 2:17), а вся полнота Божественной любви открылась в Крестной Жертве Христовой.

Именно так необходимо рассматривать ветхозаветные праздники: сначала их историю, затем духовный смысл и, наконец, прообразовательное значение.

Песах (Пасха). Установление праздника Пасхи связано с последней, самой страшной, десятой казнью – гибелью всех египетских первенцев и спасение первенцев израильских. Название «Песах» связано с тем, что Бог миновал (пасах) дома израильтян и не тронул их (Исх. 12:23–27).

Перед тем как произошла казнь, Господь повелевает через Моисея всему еврейскому народу совершить первую в их истории Пасху.

Пасхальный обряд должен начинаться с отбора пасхального жертвенного агнца. «Шех – слово это, переводимое как „агнец“, могло означать как ягненок, так и козленка»¹

Согласно библейскому тексту отбор будущей жертвы делался в десятый день первого месяца авива (после Вавилонского плена этот месяц стал называться нисаном). Этот месяц становится первым в еврейском календаре (Исх. 12:2), что подчеркивает важность происходящих событий².

¹ Толкование Ветхозаветных Кн. Т. I. От Книги Бытие по Книгу Руфь. Под ред. П. Харчлаа. Библийская миссия СЕО, 1992. С. 127.

² Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. I. СПб., 1904. С. 309.

С десятого по четырнадцатый день агнец хранился в семье, скорее всего, для того, чтобы в течение нескольких дней можно было выявить возможные недостатки, которых не должно быть, так как «агнец должен быть без порока» (Исх. 12:5). Предписывалось брать одного ягненка на всю семью либо, в случае малочисленности членов семьи, на несколько соседских между собой семейств. Это делалось для одной цели – чтобы съесть жертвенное мясо без остатка: «Не оставляйте от него до утра [и кости его не сокрушайте], но оставшееся от него до утра сожгите на огне» (Исх. 12:10). Запрет оставлять что-либо от трапезы на следующий день указывал на историческую обстановку – спешное бегство из Египта.

Через четыре дня после отбора ягненка (или козленка) его закалывали и помазывали его кровью косяки и перекладину входной двери дома (Исх. 12:6–7). Это было необходимо для того, чтобы ангел, проходя по городу, не вошел в тот дом, который отмечен кровью. Таким образом, происходило как бы замещение израильского первенца непорочным животным. Так как через первенца продолжался род, то в случае его как бы погибала вся семья. Поэтому через заклятие агнца от смерти избавлялся не один только первенец, но в его лице как бы весь род. В последующие времена иудеи перестали кропить кровью в жилых помещениях: «пасхальное жертвоприношение при Храме положило конец обряду мазать дверной косяк кровью жертвы: теперь его кропили алтарь»³.

Далее следовало запечь на огне мясо агнца и съесть его всей семьей. Агнца запрещалось варить или есть недопеченным. Также запрещалось ломать и разбивать его кости, чтобы добраться до костного мозга.

При этом следовало мясо есть с горькими травами и опресноками. Горькие травы символизировали напоминание о горечи рабства⁴, а также и то, что «невозможно достичь земли обетования иначе как пройдя чрез горечь»⁵. Пресный же хлеб напоминал о поспешности бегства, так как евреи не успели заквасить хлеб. Также опреснок символизировал наступление новой эпохи, эпохи жизни народа с Богом, как бы с чистого листа, так как в Священном Писании закваска часто символизирует порочность (см.: Мф. 16:6; 1 Кор. 5:7–8).

По Божьему указанию на трапезе «будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших» (Исх. 12:11). Здесь евреи символически призываются идти на встречу с Богом.

После пасхальной трапезы следующие семь дней предписывалось питаться только пресным хлебом, и это требование относилось не только к ев-

³ Песах / Сайт «Электронная еврейская энциклопедия». URL: <http://www.eleven.co.il/article/13202> (дата обращения 10.11.19).

⁴ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1. СПб., 1904. С. 311.

⁵ Ориген. Гомилии на Книгу Чисел. / Сайт «Толкования Священного Писания». URL: <http://bible.optina.ru/old:ish:12:08> (дата обращения 10.10.19)

реям, но и к пришельцам-иноплеменникам, которые в это время пребывали в доме еврея. При этом под страхом смерти устанавливался запрет не только на употребление квасного хлеба, но и на его хранение в доме: «Семь дней не должно быть закваски в домах ваших, ибо кто будет есть квасное, душа та истреблена будет из общества [сынов] Израилевых, пришлец ли то, или природный житель земли той» (Исх. 12:19). То, что евреи «отмечают этот праздник вкушением мацы, что помимо прочего означает: лучше быть свободными и плохо питаться, чем жить в рабстве и есть хороший хлеб»⁶.

Последней же заповедью Божией относительно обряда Пасхи был запрет участия в ней иноплеменников: «Никакой иноплеменник не должен есть ее... Если же поселится у тебя пришлец и захочет совершить Пасху Господу, то обрежь у него всех мужского пола, и тогда пусть он приступит к совершению ее и будет как природный житель земли; а никакой необрезанный не должен есть ее» (Исх. 12:43, 48). Такое требование объясняется тем, что Пасха является праздником евреев, однажды избавленных от рабства. В полной мере пережить это торжество может только тот, кто стал частью этого народа.

После того как евреи подготовились к Пасхе, Господь прошел по Египту и поразил всех первенцев, в том числе и сына правителя. На всех египтян напал ужас, «и сделался великий вопль [по всей земле] Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца» (Исх. 12:30). Фараон в эту же ночь призвал к себе пророка Моисея и его брата Аарона и умолял их скорее вывести евреев из Египта.

С исторической точки зрения исход евреев из Египта – это освобождение от иноплеменной власти и от господства чужой религии. С религиозной стороны события исхода указывают на всемогущество Бога и на Его верность к избранному народу.

Святоотеческая экзегеза видела в установлении ветхозаветной Пасхи указание на Христа. Прежде всего, Он отождествлялся с жертвенным агнцем. Первым указал на это Иоанн Креститель: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29).

Отсутствие физических отклонений и пороков прообразовало непорочность Христа. Он был настолько безгрешен, что даже иудейские священнослужители, которые были возмущены Им, не смогли честно обвинить Его. А, по мнению свт. Кирилла Александрийского это еще указывало и на то, «что во Христе соединены все признаки боголепного достоинства»⁷.

То, что жертва должна быть «мужского пола и однолетней» (Исх. 12:5), то есть уже совершенного возраста указывает, что Спаситель воплотился в мужское тело и совершил наше спасения, находясь в совершенстве лет.

⁶ Телушкин И. Еврейский мир. М.: Мосты культуры, 1997. С. 364.

⁷ Кирилл Александрийский, свт. Творения. Т. 2: Глафиры, или Объяснения избранных мест из Пятикнижия Моисея. М.: Паломник, 2002. С. 268.

Заклание ягненка всеми святыми отцами понималось как прообраз страданий Христа. Например, блж. Августин Иппонский замечал: «Для чего Господь повелел им в самый день праздника убить овцу, если не потому, что Он был Тот, о Ком сказано в пророчестве: как овца веден был Он на заклание (Ис. 53:7)»⁸.

Стоит обратить внимание на то, что Иисус Христос приносит Себя в жертву за грехи мира в тот самый день, когда евреи закалывали пасхального агнца.

Иудейские жертвы приносились для очищения от грехов. Жертвенное животное служило заменой самого согрешившего человека – искуплением греха должна была быть смерть, таким образом, грех искуплялся кровью грешника. Но чтобы дать человеку покаяться и измениться, были введены животные жертвы. Животное должно было принять на себя грех человека. При убийстве животного, при окроплении алтаря его кровью иудей должен был помнить, что на месте агнца или козленка он сам должен был быть убитым. Господь Иисус Христос Сам стал такой Жертвой. Он, будучи Непорочным, принял на Себя грехи человека и без сопротивления пошел на мучительную смерть, чтобы избавить «нас от греха, проклятия и смерти»⁹.

Пасхальный пир виделся как грядущее Таинство Евхаристии. Прп. Исидор Пелусиот писал: «Евреи ели мясо агнца, печеное огнем, прообразовательно представляя таким вкушением великое таинство Божественного домостроительства и предварительно познавая Тело Агнца, Который неизреченно соединил в Себе огонь Божественной сущности с плотью, ныне нами вкушаемую и дарующую нам оставление грехов»¹⁰.

Требование не ломать костей жертвенного агнца – еще один прообраз спасительных Страстей Господа. Как известно из Евангелия, стражи, стоящие у Креста, «не перебили у Него голеней» (Ин. 19:33).

Исход евреев из Египта можно рассматривать как прообраз духовного возрождения человека. Евреи, вышедшие из Египта, еще не знавшие Закона, сопоставимы с язычниками, не знавшими Евангелия. Дарование Закона евреям и начало еврейского народа аналогично проповеди Евангелия язычникам и основанию христианской Церкви.

Долгое время чинопоследование Пасхи не изменялось. Однако ко времени Христа одни элементы отменяются, другие – заменяются новыми. Жертвенный агнец избирается не за четыре дня до Пасхи, а непосредственно пе-

⁸ Августин, блж. Трактат на Евангелие от Иоанна / Сайт «Экзергет». URL: https://ekzeget.ru/glava_tolk.php?kn=in&gl=2&marker_st=&tolk=%C0%E2%E3>F3>F1>F2%E8%ED%20C8%EF%EF%EE%ED%E8%E9>F1>EA%E8%E9%20>E1>EB%E6.&diez= (дата обращения 10.11.19).

⁹ Филарет Московский, свт. Катехизис. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2008. С. 34.

¹⁰ Исидор Пелусиот, прп. Письма. Книга 1 / Сайт «Библиотека Якова Кротова» URL: http://krotov.info/library/16_p/el/usiot_1.htm (дата обращения 10.11.19).

ред ней. В качестве жертвенного животного уже не употребляется козленок, но только ягненок. Двери домов не помазывались жертвенной кровью, но вместо этого на пасхальном застолье использовалось вино¹¹. Мясо агнца ели уже не стоя и без посоха в руке, а лежа. Согласно Талмуду, только к рабам относилось строгое соблюдение требования стоять при вкушении агнца, а для свободных людей это было не обязательно. Этим указывалось на то, что Израиль не раб никому¹².

Можно предположить, что Тайная Вечера, которую совершил Спаситель со Своими апостолами, внешне ничем не отличалась от древней еврейской Пасхи. Сам порядок был известен каждому, и поэтому евангелисты, повествуя о событиях Тайной Вечери, не описывают ход и последовательность традиционной трапезы. Однако хотя форма была сохранена, но содержание ее изменилось.

Рассуждая о последовательности событий Тайной Вечери, блаженный Иероним Стридонский писал: «После того, как совершена была Пасха, имеющая значение прообраза, и после вкушения вместе с апостолами плоти агнца, Он взял хлеб, – который укрепляет сердце человека, – и совершает переход к истинному священнодействию Пасхи, чтобы подать истинное Свое Тело и Свою Кровь, подобно тому, как сделал Мелхиседек, священник Бога Вышнего, принесший хлеб и вино как прообраз Его (Быт. 14:18)»¹³. Преломляя данный хлеб и раздавая его ученикам, Спаситель произносит: «Приимите, ядите; сие есть Тело Мое» (Мк. 14:22).

Далее Господь взял одну из чаш для того, чтобы преподать ее ученикам. Можно предположить, что данная чаша была третьей по порядку¹⁴. О ней пишет апостол Павел и называет ее «Чашой благословения» (1 Кор. 10:16), так как в конце Тайной Вечери Иисус произносит благодарение и благословляет чашу (см.: Мф. 26:26–27; Мк. 14:23; Лк. 22:20).

Христос произносит слова: «Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:27–28), и здесь видна связь со установлением Завета на горе Синай: «Сия есть кровь завета, который завещал вам Бог» (Исх. 24:8).

Шавуот (Пятидесятница) – праздновали через сорок девять дней после начала Песаха, и с этого дня начинали жатву пшеницы (ср.: Ис. 9:2; Пс. 65:10–14). Было еще три названия праздника: «день жатвы» (Исх. 23:16), «день первых плодов» (Числ. 28:26–31) и «праздник седмиц» (Втор. 16:9–12).

¹¹ Терновский С. А. О жертвах // Библейская старина. 1900. VIII. С.18.

¹² Тристрам Г. В. Восточные обычаи в библейских странах. СПб., 1900. С. 41.

¹³ Иероним Стридонский, блаженный. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. Книга вторая. Гл.26. Стихи 26-28. / URL: <http://pravbiblioteka.ru/reader/?bid=67881> (дата обращения 10.11.19).

¹⁴ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: Т. 11. СПб., 1904. С. 73

Позднее он стал называться Пятидесятница (Тов. 2:1; 2 Мак. 12:22; Деян. 2:1; 1 Кор. 16:8).

Сначала Пятидесятница понималась как праздник урожая, но потом он стал восприниматься как день рождения Ветхозаветной Церкви. На Пятидесятницу вспоминали дарование народу Израиля через пророка Божия Моисея Синайского Закона.

К пятидесятому дню после Исхода из Египта еврейский народ подошел к подножию Синайской горы и расположился здесь станом. Здесь пророк Моисей взшел на гору, и Господь объявил ему: «Скажи сынам израилевым: если будете слушаться голоса Моего и соблюдать Завет Мой, то будете Моим народом». Когда Моисей передал волю Божию евреям, они ответили: «Все, что сказал Господь, исполним и будем послушны». Тогда Господь повелел Моисею к третьему дню приготовить народ для принятия Закона, и евреи постом и молитвой стали готовиться к нему. На третий день густое облако покрыло вершину горы Синай. Сверкали молнии, гремел гром и раздавался сильный трубный звук. От горы восходил дым, и вся она сильно колебалась. Народ стоял вдалеке и с трепетом наблюдал происходящее. На горе Господь открыл Моисею часть Своего закона, который пророк потом пересказал народу.

Приняв заповеди, еврейский народ обещал их соблюдать, и тогда был заключен Завет (союз) между Богом и евреями. Господь обещал еврейскому народу Свои милости и покровительство, а евреи обещали жить праведно. После этого Моисей снова взшел на гору и там пробыл в посте и молитве в течение сорока дней. Здесь Господь дал Моисею и другие законы, церковные и гражданские, повелел соорудить Скинию (переносный храм-палатку) и дал правила относительно служения священников и жертвоприношений. К концу сорока дней Бог написал Свои Десять Заповедей, данные раньше устно, на двух каменных плитах (скрижалях) и повелел хранить их в Ковчеге Завета (позолоченном ящике с изображениями херувимов наверху крышки) для напоминания о Завете между Ним и израильским народом. Дарование Закона и заключение Завета и было началом боизбранничества, днем рождения Ветхозаветной Церкви.

В Лев. 23:9–21 описываются жертвоприношения, положенные для этого праздника: «первый сноп жатвы», всесожжение однолетнего агнца, хлебное приношение и жертва-возлияние и мирная жертва. Существует обычай не спать всю ночь праздника, подготавливая себя учением и молитвами к дарованию Торы. В этот день запрещена работа, как и в первый день Пасхи. С эпохи Второго храма на праздник Шавуот в синагогах читали Книгу Руфь. Иудеи объясняли выбор этой книги тем, что в ней описываются события во время сбора урожая. Также Руфь была прабабкой пророка и псалмопевца Давида, который, по иудейскому преданию, родился и умер в этот праздник. Однако смысл этой книги глубже, чем семейная история царя Давида. Руфь была моавитянкой, а они считались самыми худшими язычниками. Закон

даже запрещал принимать моавитян в число народа Божия даже в десятом поколении (Втор. 23:3) за их вероломство. Но Руфь приняла веру в живого Бога и стала частью избранного народа, несмотря на ветхозаветное предписание. Таким образом, история Руфи – это рассказ о том, как язычник стал истинным верующим.

Итак, составляющие праздника Шавуот – дарование Закона и рождение Израиля, жатва и принесение начатков плодов, а также чтение Книги Руфь. Всем этим ветхозаветный праздник Шавуот прообразуется новозаветную Пятидесятницу.

О рождении Нового Израиля пишет свт. Лев Великий: «Как некогда после освобождения еврейского народа от египтян на 50-й день после принесения в жертву агнца был дан закон на горе Синай, также и после страданий Христа, когда был убит истинный Агнец Божий, на 50-й день после Его Воскресения на апостолов и верующий народ сошел Святой Дух. Так что усердный христианин легко поймет, что начала Ветхого Завета послужили евангельским началам и что второй договор был заключен тем же Духом, Которым был установлен и первый»¹⁵. Именно в день Пятидесятницы родилась Церковь.

О духовном смысле начатков Ориген в «Гомилиях» пишет: «От „начатков“, то есть от первых плодов, полагается приношение, а это, если вы хорошо помните, Закон повелевает совершать в день Пятидесятницы. Это им было дано как тень, а для нас сохранена истина. Ведь в день Пятидесятницы, совершив священнодействие молитв, Церковь апостольская получила начатки приходящего Святого Духа»¹⁶.

Новозаветный праздник Пятидесятницы приобрел более высокий смысл. В Ветхом Завете он был ознаменован материальной жатвы, а христианский праздник символизирует собой духовную жатву. Апостолы в Евангелиях так и названы – «делатели жатвы» (Лк. 10:2). И в этот день начинается духовная жатва – христианская проповедь.

Можно увидеть прообразы и в истории Руфи. В день Пятидесятницы для язычников открылись двери истинной веры. Теперь каждый человек может жить по воле Божией и быть праведным.

Суккот (Кущей) завершал круг праздников года. Название праздника связано с повелением Господа жить в дни праздника в кущах – шалашах из ветвей и листвы (см. Лев. 23:34–43; Втор. 16:13–15).

Также он называется «праздник собирания плодов» (Исх. 23:16; 34:22) или «праздником Господним» (Числ. 29:12; Лев. 23:39, 41), но чаще всего он

¹⁵ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII вв. Новый Завет. Т. V: Деяния Апостолов. Тверь: Герменевтика, 2013. С. 23.

¹⁶ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII вв. Ветхий Завет. Т. III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Тверь: Герменевтика, 2010. С. 296.

просто «праздник» (Иез. 45:25; 3 Цар. 8:2, 65; Ин. 7:37)¹⁷. Таким образом, среди всех ветхозаветных праздников он выделялся как особенный, всем известный праздник, что достаточно было еврею сказать слово «праздник», чтобы всякий понял, о каком празднике идет речь.

«Этот праздник был временем всеобщего великого веселья, с каким иудеи не проводили ни одного праздника»¹⁸. Филон почитает его величайшим из праздников, Тацит, описывая Палестину, упоминает именно праздник кущей¹⁹.

Праздник кущей был последним праздником в году, после которого следовал длинный зимний период. Этот праздник предшествовал длинному периоду покоя, отдыха от трудов. Этот период времени был благодарением за собранную жатву²⁰. Евреи наслаждались обильными плодами и живее осознавали непреложность обетований Божиих, данных еще Аврааму.

Праздник кущей был установлен на Синае (Лев. 23:33, 43) как напоминание о странствовании в пустыне: «Чтобы знали роды ваши, что в кущах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли Египетской» (Лев. 23:43). Главной особенностью праздника было не только строительство шалашей, но и то, что мужчины, начиная с пяти лет, должны были жить в них в течение семи дней. Вне шалашей нельзя было ни есть, ни пить, чтобы прочувствовать положение своих предков в пустыне. Во время праздника в память о великих благодеяниях Божиих все израильтяне носили в руках ветви деревьев. «От исполнения постановления о празднике освобождались только рабы, немые, глухие, умалишенные, больные, слабые, неспособные к путешествию и дети, которые без помощи родителей не могли подняться на гору Храма»²¹.

В Священном Писании куща часто выступает не как символ лишения, а как защита и покров от зноя и ненастий (Пс. 26:5; Ис. 4:6). Шалаш означает, что Господь окружил Свой народ заботой во время его путешествия в страшной и опасной пустыне. Пребывание в кущах должно было «напоминать израильтянам не о лишениях беспокойной кочевой жизни и не о трудностях, которые переносил народ во время своего странствования, потому что лишения и нужды не могут быть предметом радости»²², но об отеческой заботе Господа о Своем народе. Куща выступает символом свободы и независимости Израиля, символом вольной и счастливой жизни, которая наступила после долгих лет Египетского рабства. И праздник кущей был напоминанием об этом новым поколениям израильтян. На духовный смысл указывает

¹⁷ Тищенко С. В. Кущей праздник // Православная энциклопедия. Т. 39. М.: Православная энциклопедия, 2015. С. 516.

¹⁸ Дебольский Г., прот. Установления ветхозаветной церкви и христианские, для которых первые служили образами. СПб., 1893. С. 97.

¹⁹ Там же. С. 97-98.

²⁰ Терновский С. А. Праздник Кущей у евреев. Казань, 1890. С. 3.

²¹ Троицкий И. Г. Библийская археология. СПб., 1913. С. 459.

²² Терновский С. А. Праздник Кущей у евреев. Казань, 1890. С. 6.

свщмч. Мефодий Олимпийский, епископ Патарский: «Бог, желая научить истинных израильтян, как должно праздновать и чтить истинный праздник кущей, изображает это в Книге Левит, объясняя, что каждый должен украшать чистотой свою собственную кущу»²³.

Еще одно символическое значение кущи – временность. Повеление жить в хрупких строениях во время праздника, таким образом, приучало народ помнить о временности и тщетности земного бытия, о временном странничестве в земной жизни.

Объяснение смысла праздника можно увидеть во Второзаконии: «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет; Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, ... дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа...» (Втор. 8:2–3). Из этих слов видно, что Господь напоминает народу о важности исполнения заповедей и хранении верности Ему на всяком месте и в любых обстоятельствах жизни, и в радости и в скорби. Напоминает, что только Его словом жива душа человека, а земные блага скоропроходящи и временны.

Празднование длилось целых восемь дней, с 15-го по 22-й день седьмого месяца (см. Лев. 23:34, по современному календарю это конец сентября). В первый день праздника и восьмой (день отдания праздника) народу было заповедано не работать, а праздновать (см. Чис. 29:12, 35). Таким образом, общее количество праздничных дней составляло не семь дней, а восемь. Это единственный праздник в еврейском календаре, который праздновался на протяжении недели и одного дня.

Из-за того, что праздник приходился на окончание полевых работ, в святилище собиралось множество народа²⁴. Не случайно, что Соломон для освящения построенного им Храма и перенесения в него Ковчега Завета выбрал именно период праздника кущей.

В течение шести дней священники обходили жертвенник, держа в руках ветви тех растений, которые заповедал Бог. В последний день праздника жертвенник всесожжения украшался ветвями верб, с согнутыми верхушками, как символ поклонения всего земного перед величием Божиим. Обхождение жертвенника в этот день совершалось более торжественно, чем в предыдущие дни, жертвенник обходился семь раз с торжественными восклиданиями в воспоминание семикратного обхождения Иерихона при Иисусе Навине. В это время народ находился на территории храма и держал

²³ *Мефодий Олимпийский, свщмч.* Пир десяти дев, или О девстве. / Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/pir-desjati-dev-ili-o-devstve/9 (дата обращения 10.11.19).

²⁴ Праздник кущей // Библейский словарь Нюстрема. СПб.: Библия для всех, Логос, 1995. С. 346.

связку из листьев в одной руке (лулав) и цитрусовый плод (этрог) в другой. Размахивание лулавом и этрогом знаменовало, что Бог везде.

Как ни один другой праздник, праздник кущей был богат на жертвоприношения. «Израильтянин должен был являться пред лицом Божиим с даром гораздо более обильным, чем когда бы то ни было»²⁵.

Помимо ежедневных жертв, в период праздника, в соответствии с установлением в Числ. 29:12–38, положено было приносить в жертву всесожжения семьдесят тельцов. В первый день приносилось 13 тельцов, во второй 12 и так число жертв постепенно уменьшалось до семи тельцов в седьмой день праздника. Семьдесят является священным числом семь, умноженным на число десять, означающем полноту. Даже самая маленькая жертва последнего дня, состоящая из семи тельцов, превышала всякую другую праздничную жертву. В восьмой день, который назывался святым и свободным от дел, приносился один телец.

Помимо тельцов, в жертву всесожжения приносились по два барана в течение семи дней и один в восьмой, четырнадцать агнцев в течение семи дней и семь в восьмой день. В жертву за грех приносилось по одному козлу каждый день праздника. Помимо этого, приносилось приношение хлебное, состоящее из пшеничной муки, смешанной с оливковым маслом.

Кроме таких щедрых уставных праздничных жертв, израильтяне приносили множество добровольных жертв, приносимых по обету или по усердию.

Еще одной важной особенностью было повеление на празднике Кущей в субботний год читать священниками весь закон: «Когда весь Израиль придет явиться пред лице Господа Бога твоего... читай сей закон пред всем Израилем вслух его» (Втор. 31:11). Совершать паломничество и слушать закон должны были не только мужчины, но и члены их семей, и даже пришельцы (см. Втор. 31:12).

Важность праздника подчеркивается повелением праздновать его вечно во все роды (см. Лев. 23:41). Пророк Захария добавляет, что праздник Кущей заповедан для всех народов: «Все остальные из всех народов, приходивших против Иерусалима, будут приходить из года в год для поклонения Царю Господу Саваофу и для празднования праздника Кущей. И будет, если какое из племен земных не пойдет в Иерусалим для поклонения Царю Господу Саваофу, то не будет дождя у них... Вот что будет за грех Египта и за грех всех народов, которые не придут праздновать праздник Кущей» (Зах. 14:16–18). Этим пророчество говорит о том, что наступит время, когда все народы познают истинного Бога.

В период перед Рождеством у евреев появился обычай в праздник Кущей возливать воду на жертвенник. В первый день праздника под звуки музыкальных инструментов священник входил через водяные ворота с золотым

сосудом вместимостью в 3 лога (~1,5 литра), наполненным водой из Силоамского источника. Эта вода смешивалась с вином, предназначенным для жертвы возлияния, и возливалась на жертвенник через специальные трубы.

Возлияние воды на алтарь служило, с одной стороны, воспоминанием чудесного изведения Моисеем воды из скалы в Рефидиме²⁶, с другой стороны – благодарностью Богу за дожди, бывшие прежде, и прошением впредь обильно посылать влагу на землю. В Библии образ текущей воды часто используется как символ благодати, которую Бог в изобилии изливает на человека.

После принесения положенных праздничных жертв мужчины и дети, священники и миряне торжественно обходили жертвенник вокруг с пением 117-го псалма и восклицанием: Осанна! Осанна!, при этом потрясая лулавом направо, налево, вверх и вниз. Затем первосвященник произносил торжественное благословение народу.

«Впоследствии в начале праздника устраивали роскошную иллюминацию во время приношения вечерней жертвы. Священники и левиты, стоя на 15 ступенях лестницы, ведущей во внутренний притвор, пели с 120-го по 134-й псалом, в сопровождении игры на музыкальных инструментах, а мужчины устраивали танцы с факелами в женском притворе»²⁷.

Стоит отметить новозаветные события, связанные с праздником Кущей. В Ин. 7:10–53 описываются события посещения Иисусом Христом праздника Кущей в Иерусалиме.

«В последний же день великий праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет иди ко Мне и пей» (Ин. 7:37). Здесь Спаситель произносит слова, связанные с обрядом возлияния воды, совершавшимся только в праздник Кущей. Этим Христос дает понять современникам-иудеям и впоследствии всем христианам: «вы празднуете праздник воды, спасшей вас некогда в пустыне и дающей жизнь всему, что на земле, но эта земная вода есть только прообраз воды истинной, воды, дающей жизнь всему, что на небе». Далее евангелист поясняет, что Господь имел здесь в виду благодать Святого Духа, которая должна была быть ниспослана людям после воскресения и вознесения Христова. Она для пьющего ее становится неиссякаемым источником всех даров и благословений Божиих. «При этом Он указывает, что верующий в Него сам станет источником благодати, которая будет утолять духовную жажду всех, ищущих спасения»²⁸.

²⁶ Вениамин (Пушкарь), еп., Священная Библейская история Нового Завета. / Сайт «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/svjashennaja-biblejskaja-istorija-novogo-zaveta/> (дата обращения 10.11.19)

²⁷ Праздник кущей. // Библейский словарь Нюстрема. СПб.: Библия для всех; Логос, 1995. С. 346.

²⁸ Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010. С. 198.

Можно увидеть и другие прообразы Нового Завета в обрядах праздника Кущей.

Свт. Мефодий Олимпийский так объясняет суть праздника: «Так и я, отправившись отсюда и вышедши из Египта – сей жизни, сначала достигаю воскресения, этого истинного праздника кущей, и там поставив мою кущу, украшенную плодами добродетели, в первый день праздника воскресения, во время суда, праздную вместе со Христом тысячелетие покоя, называемое семью днями, эту истинную субботу»²⁹. Он же говорит, что урожай, который собирался евреями в течение семи месяцев, будет подобен урожаю, который соберет Господь Иисус Христос в день Своего Второго Пришествия.

Строительство шалашей является прообразом восстановления человеческих тел во всеобщем воскресении при Втором Пришествии Сына Божия.

Семь дней праздника соответствуют семи дням творения. Первый день покоя символизировал радость пребывания Адама первозданного в раю. Покой, устанавливаемый в восьмой день, символизировал собой уже покой и радость праведников в Царствии Небесном, – тех самых праведников, которые собрали себе добрые сокровища на небесах и которые были оправданы в День Судный. Установление радоваться, ликовать и веселиться в восьмой день является прообразом всеми ожидаемой грядущей радости и веселия в Царствии Небесном: «Тогда народ мой, – говорит Господь, – будет жить в обители мира и в селениях безопасных, и в покоищах блаженных» (Ис. 32:18).

Чтение Закона не только для еврейского народа, но и для других народов прообразует проповедь о Христе для всего человечества.

²⁹ *Мефодий Олимпийский, свецмч. Пир десяти дев, или О девстве.* / Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mefodij_Olimpijskij/pir-desjati-dev-ili-o-devstve/9 (дата обращения 10.11.19).

Священник Игорь Иванов

О некоторых особенностях мифопоэтики киноэпопеи «Гибель империи»

Помнится в далеком уже 2005 году, когда я преподавал в одной частной школе, был у нас ученик, рассказывавший о том, что снялся в эпизоде в историческом сериале. И эпизод этот был кратким, но значимым – мальчик-разносчик бежит по аллеям еще прежнего Летнего сада и предлагает свежие номера газет с военными новостями. В незамысловатом повороте от «до» к «после» проявилась некая особая драматическая нотка. Некий символ двуликой истории. Переключка времен.

И вот хочется спросить: Чем для этого юноши было его участие в киноэпопее? Какие наблюдения и выводы он сделал после просмотра всей киноленты, как она на него повлияла? Были ли у нас разговоры об этом? Уже и не вспомнить... Каким вырос этот молодой человек? Каково его отношение к трагическому выбору: быть с теми, кто разрушает, или с теми, кто созидает?

Итак, попытаемся распознать, какие мифопоэтические ассоциации могут возникнуть при знакомстве с десятисерийной эпопеей, снятой Владимиром Хотиненко¹ по сценарию Леонида Юзефовича.

Само название фильма нам говорит, что в киноэпопее будут показаны, а точнее, исследованы художественными средствами некие ключевые моменты именно разрушения, гибели Российской империи. Возникает мысль, что, наверное, название несет в себе вполне определенную аллюзию к «Слову о погибели земли русской», в котором сочетаются похвала бывшему величию Русской земли и горестный плач о постигших ее бедствиях².

При этом былинность проявляется по сюжету и в характерах персонажей (служилых царских людей – сотрудников контрразведки) а ля три богатыря: крепкий и основательный боевой офицер-«самурай» Сергей Павлович Костин³ (актер А. Балугев), по-немецки технически мыслящий и по-русски

¹ До этой киноэпопеи режиссер уже обращался к патриотической, нравственной и духовной проблематике в таких картинах как «Зеркало для героя», «72 метра», «Мусульманин».

² Здесь также можно вспомнить аналогичный подход к названию: «Гибель империи. Византийский урок» (2008) – документально-публицистический фильм митр. Тихона (Шевкунова).

³ Эта русская дворянская фамилия известна с XVII века среди дворян Курской губернии. Эта фамилия как бы подчеркивает у нашего персонажа его родовую связь со станovým хребтом империи.

находчивый благородный подпоручик Иван Карлович Штольц⁴ (актер М. Башаров); опытный и надежный унтер-офицер Николай Алексеевич Стрельников⁵ (актер А. Краско). По ходу действия добавляется и четвертый персонаж – интеллигентный профессор-юрист Александр Нестеровский (актер С. Маковецкий), призванный на фронт также в ряды контрразведки.

Мифопоэтическая составляющая сюжета задается с самого начала через образ таинственной рыжеволосой незнакомки – крестьянской девушки, собирающей грибы в лесу («Грибов нынче много»... «Грибной год, это к чему? – Говорят, к войне...»). Мистическую тему продолжает и фраза шофера «Всё лето горим, но дым отечества нам сладок и приятен». Как тут не вспомнить всю тютчевскую строфу:

«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
 Так поэтически век прошлый говорит.
 А в наш – и сам талант все ищет в солнце пятен,
 И смрадным дымом он отечество коптит!
Федор Тютчев, 1867 г.

Кроме того, религиозная направленность сюжета с первой серии («Демон») определяется через детективную историю, связанную с показом фильма «Демон»⁶ (точнее, с полетом павшего существа), что затем обыгрывается через сопряженные с этим метафорические знаки и символы (тем самым манифестируется своеобразное закадровое участие демонических сил в деструктивных событиях того времени). Отметим, что шифровки германских шпионов и их агентов также формируются по изданию поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова.

Игра, обман, лукавство («синематограф – бесовское дело») в мгновение ока сопрягаются с убийством и войной (газетная новость: «Убит эрцгерцог Фердинанд!»). И в это же время появляется любимая игрушка у мальчика Миши Нестеровского в матроске – клоун-паяц-петрушка.

⁴ Само собой напрашивается ассоциация с персонажем романа Гончарова «Обломов», носившего такую же фамилию: Андрей Иванович Штольц был по замыслу автора воплощением добродетелей двух народов, ведь его отец-немец привил ему чувство долга, дисциплину, ответственность и любовь к труду, а мать, русская дворянка, учила прислушиваться к сердцу и поэзии жизни согласно русскому аристократизму.

⁵ Эта фамилия образована от формы родительного падежа профессионального прозвища «стрельник». Стрельники упомянуты в исторических материалах о жизни Новгородской и Киевской Руси как мастера по изготовлению стрел (в мирное время) и как отдельный род войск (в военное время). Надо отметить, что Николай Алексеевич отменно владеет ручной пращей.

⁶ В самом деле, фильм по поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» и опере А. Г. Рубинштейна был снят режиссером Джованни Витротти летом 1910 года в кавказской экспедиции, организованной кинокомпанией «Тиман и Рейнгардт». Его премьера в России состоялась 2 февраля 1911 г.

Львы и сфинксы чередуются в городских эпизодах, а черное перо с крыла демона плавно летит по аллеям на Елагинском острове. Выстрел. И еще одна смерть... И крысы стаями переправляются через Неву.

И вот, чтобы остановить преступника, унтер-офицер Стрельников применяет пращу, цитируя строки из Св. Писания: «И бывало, приходил лев или медведь и уносил овцы из стада...»⁷

Вторая серия («Черный голубь») начинается фактически кинематографической репликой из фильма «Маленькие трагедии» (по произведениям А. С. Пушкина) с потоплением большого корабля по прихоти беса и соизволения человека «Мне скучно, бес...» («Фауст»). Символический момент связан в этой серии и с окрашиванием почтовых голубей из белого в черный цвет: голубь (символ мира и благодати) становится вестником войны и смерти. В нескольких сценах противопоставляется военная мощь Германии и сила русской веры («Боже, Царя храни!» звучит громко на Дворцовой площади; крестный ход; мощный русский хор).

В третьей серии («Пророк») символически показано начало раскачивания и расшатывания империи (образ маятника Фуко) в новых ритмах жизни (тревожное танго как танец войны). Сфабрикованные «пророчества» цинично реализуются на театре военных действий (и Миша играет с куклой-петрушкой: иллюзорность происходящего) и порождают ненависть и предательство (дезертирство). Светлое православное воинство окрашивается пропитывается тьмой.

В четвертой серии («Тёзка императора») нарастает эффект театральности: карточный король, дети с куклами, вино-кровь на скатерти. Проявляется и сказочный аспект: короткая (опасная) и длинная (безопасная) дорога – к победе или к гибели? И капитан Костин вспоминает как бы пророческие слова одного умного немца: «Даже если вы победите, цена будет такова, что ваш народ повернет оружие против вас».

В пятой серии («Прорыв») снова появляется фаустовский мотив – человек с черным пуделем (дьявол-Мефистофель), а также аллюзия к сказочному образу: бабка с корзинкой и яйцо с немецким шифром (яйцо как символ жизни становится орудием лжи и противостояния). А в Летнем саду газета с военными новостями ненароком будет положена к ногам статуи с подписью «Veritas» («Истина»). Есть ли надежда на прорыв из нагнетаемого в душах людей мрака? Как противостоять разложению Сергей Павлович Костин приводит слова из кодекса чести самурая: «не делать зла, придерживаться добра и опираться на свою мудрость»⁸.

⁷ Полная фраза: «И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его» (1 Цар. 17:34–35).

⁸ Это созвучно мудрому совету царя Давида: «Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним» (Пс. 33:15).

Шестая серия «Красные банты» начинается с образа свадебной процессии на снях, которая как гоголевская тройка-Россия несется в неизвестность, пролетая мимо конвоя императора Николая II, который после этого задумчиво поднимает сорвавшийся с упряжи праздничный колокольчик на алой ленте. Весьма сильная сцена, объединяющая сразу несколько символических планов... А в противостояние контрразведок вновь вплетается мистицизм театрализованного inferнального хаоса, несущего «вечный ужас, вечный мрак» (эти строки из «Балаганчика» А. Блока звучат в театре при аресте шпиона Гибсона). Революция показана как театрализация жизни: шествия с красными флагами и плакатами, торжественные речи, надевания красных бантов, даже похороны становятся театральным представлением, на которое боится опоздать один из сочувствующих. Лишь на фронте, где реальны мрак и ужас смерти, могилы павших солдат осеняет простой деревянный крест.

В седьмой серии («Гроза») через ряд эпизодов показывается разложение российской армии (случай на финской границе; история с ловлей столетних царских карпов; большевик матрос-кокаинщик). Временное облегчение от революционного морока дает разоблачение большевиков и совпавший с ним грозовой ливень над Петроградом (здесь символичен полный ненависти взгляд на небо комиссара С. Г. Рошалья, который не смог остановить разбегающихся революционных солдат)... Концовка серии символична: двух царских карпов удалось спасти, но нет уверенности, что восставшие хамы⁹ не вернуться. По ком звенит колокольчик?

В восьмой серии («Молитва офицера») позор-зрелище приходит и на фронт: с музыкой (гармошка, оркестр, патефон) и инсценировкой братания (с немецкой стороны одна и та же команда «братальщиков» разъезжает по фронту). Отвечая на этот inferнальный лукавый провокационный вброс, генерал Л. Г. Корнилов произносит роковое: «Лучше смерть, чем позор!»

И ему вторят слова из песни «Молитва офицера» неизвестного автора, написанной в 1917 г., первые строки которой напевает поручик Яковлев, убитый впоследствии провокатором Стецевичем¹⁰:

Христос всеблагий, всесвятый, бесконечный,
Услыши молитву мою.

⁹ О грядущем хаме писал в своей одноименной статье Дмитрий Мережковский еще в 1906 г.: «В судьбе Герцена, этого величайшего русского интеллигента, предсказан вопрос, от которого зависит судьба всей русской интеллигенции поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то, подобно Герцену, – только последним бойцом старого мира, умирающим гладиатором» (URL: <https://predanie.ru/book/190842-gryaduschiyham/> (дата обращения: 27.09.2020).

¹⁰ У него же постоянной присказкой звучит: «таракашечки-букашечки, ёлочки-метелочки».

Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...

Смертельную пулю пошли мне навстречу, –
Ведь благодать безмерна Твоя.
Скорее пошли мне кровавую сечу,
Чтоб в ней успокоился я.

На Родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

Товарищи наши, в бою погибая,
Без меры, числа и конца,
Нам всем завещали одно, умирая:
Войну довести «до венца».

Пока здесь грохочет гроза боевая,
Мы все на местах, не уйдем,
И край наш родимый от немцев спасая,
За Родину нашу умрем.

За наши страдания, жертвы и муки
Нам русский народ заплатил,
На нас в ослеплении поднял он руки,
Своих офицеров убил.

Спешите ж в окопы, товарищи-братья,
Семьей офицерской своей.
Нам смерть широко раскрывает объятия,
И мы успокоимся в ней.

Христос всеблагий, всесвятый, бесконечный,
Услыши молитву мою.
Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...

Это стихотворение вполне можно считать эпитафией ко всей киноэпопее «Гибель империи», поскольку в фильме отчетливо показывается разница между подлинным офицерским благородством и циничным плебейским хамством. Это хамство символически отразилось и в бредовой галлюцинации раненного провокатором Александра Нестеровского: ему видится горничная Даша с «петрушкой»-Мишей на руке, скабрёзно предлагающей: «чаю изволите...».

Но зло (пусть и показано это в виде единичного издвооздаания) в итоге губит само себя: при вторичной попытке убить Нестеровского Стецевич натывается на свою же спицу, засмотревшись на мгновение, как солдаты поднимают на штыки генерала Духонина¹¹, вышедшего к ним, дабы прекратить кровопролитие.

В конце серии идет «замирение»: понуро русские солдаты фактически сдаются в плен во главе с прапорщиком, надевшим поневоле красный бант и поднявшим «белый флаг» – идя по полю, он с недоумением смотрит вдрут на то, что он несет в руках – грязную тряпку на палке.

Девятая серия «Лето в Киеве» выявляет двоякую ситуацию: продолжает-ся гибель земли русской (немецкая оккупация Украины), но при этом «незалежная» Украина гетмана Скоропадского – в словах полковника Мороза предстает как бы «последним осколком империи». В этой связи символичны два образа: пылкая эсерка и украинская патриотка Мария Ковская, призывая членов боевой группы к подвигу, цитирует евангельскую притчу о зерне, упавшем в землю¹²; а находящийся среди группы предатель Малецкий имеет привычку постоянно лузгать семечки и грызть ногти (в этом и застает его смерть погибает от руки австрийского офицера-контрразведчика). Своеобразным символом – черным человеком (или же как бы ожившим черным пером демона) – появляется в конце серии – при разговоре в парке выживших во время взрыва склада боеприпасов полковника Мороза и капитана Костина – другая эсерка, ехидно им говорящая-каркающая: «Всё вот это рухнет». И затем она бросает камень в воду – круги на воде: символ гибели, символ бури, символ перемен? Костин в задумчивости отмечает: «А ведь она права, немцы уйдут, и сказочке конец».

В десятой серии («Смута») на некоторых примерах обозначаются линии нарастающего обвала общества в коллизиях социальных и политических противоречий: большевистский террор, месть Урицкому социалиста и поэта Л. Канеггисера, подрывные акции эсеров, формирование Добровольческой армии на Дону, беспредел и разруха в столицах, драка Костина¹³ с революционными солдатами, глумящимися над стариком-генералом... В этих условиях главные герои вынуждены делать выбор согласно своим моральным приоритетам: Нестеровские тайно переправляются в Финляндию, Сергей Костин с женой Лёлей оказывается на Юге России, а Николай Стрельников¹⁴

¹¹ Ему принадлежит стоическая реплика: «Делай, что должен, и пусть будет, что будет».

¹² «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

¹³ Объясняя Лёле свой выбор, он говорит: «Для самурая нет ничего постыдного в том, чтобы услышать о чем-то и убежать; увидеть же это и убежать – вот величайший позор».

¹⁴ При прощании с Костиным и Лёлей он им говорит: «Вот, что я вам скажу, милые мои – народ как львица встает и как лев поднимается; не ляжет, пока не съест добычи и

остаётся в Петрограде, хранителем памяти (альбом с фотографиями), хранителем прошлого (архив, самурайские мечи Костина, подобранная на улице русская борзая по кличке «Ваня»¹⁵)... и молитвенником (в красном углу горит зажженная лампада).

Последняя сцена фильма – как в венке сонетов – замыкание композиции на встрече в Екатеринодаре капитана Сергея Костина с рыжеволосой незнакомкой (продающей последние цветы), которая символизирует Россию. Только теперь нет ее роскошных волос, которые были у нее при первой встрече в лесу накануне войны – лишь следы от тифозных болячек. «Что – нехороша?», говорит она и, отдав ему корзину хризантем (в честь поражения Германии), слышит молитву офицера: «Господи, спаси и сохрани!» И это – последние слова, звучащие в кадре.

не напьется крови убитых. Так в Числах сказано. Переждите. Авось, Россия снова в ум войдет. Храни вас Бог!». (Имеется в виду цитата из Числ. 23:24).

¹⁵ В память об убитом Иване Штольце, который ему приснился улыбающимся.

Приложение

Кадры из фильма «Гибель империи»

*Встреча капитана Костина
с таинственной незнакомкой в лесу*

*Черное перо демона
на скамейке перед убийством актрисы*

*Ангел, благословляющий народ,
при оглашении манифеста о начале войны*

*Миша Нестеровский
с шутом-«петрушкой»*

*Государь император Николай II
с оброненным свадебным бубенчиком*

Крест на поле боя

*Митинг на кладбище
при похоронах агента Гибсона*

*Солдат выловил
царского карпа*

*Колокольчик в руке
хранительницы царских карпов*

*«Замиряющиеся» с немцами
солдаты под белой тряпкой*

*Горничная Даша
и Миша Нестеровский в виде «петрушки»*

*«Незнакомка из леса»,
продающая «последние цветы»*

Яна Батищева

Светлой памяти Х. Ш.

Плачь о тех, кто в сердце. Тенью
Ночь скрывает небосвод.
Тихо подпевай: auf meinen,
О, auf meinen lieben Gott...
У цветов листы увянут,
Гасит смерть любимый взгляд,
Путь, ведущий через тайну,
То ли проклят, то ли свят.
Слышишь голос их прекрасный?
И не верь, что всё пройдет.
Средь органов полногласных
Пой: auf meinen lieben Gott!

26.07.2020

* * *

В августе небо сложно и акварельно,
Вечером солнце тихо смеётся в окна,
В бисер играет, глядя на мокрый ельник,
И, утомившись, падает в сизый кокон.
Чайки всё реже плачут о том, что будет,
Как незаметно скоро минуло лето,
Праздник разбит дождями в осколки будней,
И уже кажется, что не хватает света.
В августе небо манит в минуты утра
В поле нарвать колосьев и крепких яблок
Тонкою полосой из перламутра...
А я вспоминаю день, когда рюмил зяблик.

03.08.2020

* * *

Я видела издали,
Мальчик подставлял ладони струям фонтана,
Набирал воду

И нес её к камням, стоящим вокруг.
 Он поливал их!
 Быть может,
 В дивной своей глубине
 Его душа
 Предчувствовала,
 Что есть край, в котором
 Даже малые камни поют и цветут,
 И слышала музыку струй живых.

08.08.2020

* * *

Облака сулят перемену погоды
 Так на излёте августа
 В мир прокрадывается осень.
 А солнце все ещё смотрится в жаркие окна,
 И в блики, смеясь, рассыпается на воде.
 Отчего же я здесь неуклюже, нелепо
 Закрываю лицо полотенцем,
 А плачу, не зная о чём,
 И молю, чтобы эта горечь
 Не закрыла мне небо...

29.08.2018

Дыхание

Только признай, что суть жизни — дыхание,
 И покуда мы живы — дышим:
 Чем дышим, тем и живём. Признание
 Тем вернее, чем сказано тише.
 Только заметь, что сущность дыхания
 В чередовании выдохов, вдохов.
 А что-то одно без чередования
 Было б смертельно, убийственно плохо.
 Дело не в том, чтоб на несколько счётов —
 Сосредоточенное и правильное, —
 Было б дыхание. И в нём есть что-то
 Тайно воспринятое и раздаваемое.

22.08.2017

* * *

Блеснуло солнце и ушло.
Блеснуло небо голубое,
А после облако большое
Собою всё заволокло.

Встать, притвориться неживой
Как древо стынущего сада...
О вожделенная отрада —
Непотревоженный покой!

Чтоб переждать, чтоб пережить
Студёный мрак ночей осенних,
И дней мелькающие тени,
И дождь, уже уставший лить.

2015

* * *

Почём вам знать, что — мало, и что — много,
и как вы смеете указывать дорогу,
ни шага не пройдя по ней? Судить
других решительно и строго,
не зная ни себя, ни тех людей?..

22.08.2013

Двенадцать стихотворений

1

...Но вдруг поймёшь, познаешь – жить в России
Неизречённый дар – здесь Крест! Здесь Божий пир!
И нет здесь ничего дороже Литургии,
Вливающей Любовь в погибший этот мир.

31 марта 2019 года, Крестопоклонное воскресенье.

2

Страстная седмица

I. Рассветает... И впрямь наступает Страстная седмица.
Откричали Осанна... И замер Иерусалим...
Лишь кричит и кричит, не смолкая, какая-то птица...
Неужели никто до конца не останется с Ним?

15 апреля 2019 года

II. Восходим, восходим в Иерусалим!
Господь на осляти и дети за ним...
Осанна! Осанна! – летит к небесам.
Но завтра услышат – разрушится Храм
И камня на камне здесь не обретут.
Смоковница сохнет. Готовится кнут –
Не кнут, нет, но бич – на веревке свинец.
И чувствуют все, что приходит конец.
Конец невозможным Его чудесам.
Яресь, иудеи заворят бесам
И криками в небо вонзится: Распни!
И самые чёрные спустятся дни.

20 апреля 2020 года.

После всенощной Входа Господня в Иерусалим

3

В парке Аничкова дворца

С Ангелом, святой Царевич!
Розы царские в саду

Для тебя свежи, как летом, –
Завтра будут все во льду.

Воздух уж почти морозный,
В небе лиственниц узор,
Чудо-клёны золотые
Обнимают весь простор.

Здесь душе моей привольно,
Тихо здесь душе моей,
И доносит колокольня
Свет державный царских дней.

31.10.2014,
канун дня Святителей Московских.

4

Статотерпче, Царю наш Николае
песня

Статотерпче, Царю наш Николае,
Призри на державу твою,
Укрепи свой народ верноподданный
Подвизаться в духовном бою.
Чтоб в любви нелицемерней и искренней
Твоим чадам устоять до конца,
Чтобы мужеством древних подвижников
Наши вновь возгорелись сердца.

С преподобным со отцем нашим Сергием
Не престаите ваше стадо пасти,
Чтобы вера православная, светлая
Поднималась на уставшей Руси.

И от света от её не вечерняго
Осветилась, воздохнув, вся земля,
И воспела бы вся Русь, милосердие
Безпредельное Божье хвала.

Алексие, Царевичу светлый,
Со святым Государем Царем,
Защити свой народ безответный,
Помолись пред Небесным Царем!

Испроси благодати терпения,
Укрепляющей нас до конца.
Умоли, чтоб Христово смирение
Оросило и наши сердца!

Умоли, чтоб Отечество наше,
Как дитя, повлеклось ко Христу,
Умоли, чтоб от Лица Пречистой
Вновь прияло оно чистоту.

Ну а тем, кто ещё в озлоблении,
Кто блуждает на ложном пути,
Исходатайствуй чудо прозрения,
Помоги к покаянию прийти.

Стастотерпче Царю наш Николае,
Свой народ заплутавший прости,
Помоги ему крест свой с любовью
Ко Христовым стопам донести.

*Июль 2006 года,
Санкт-Петербург*

5

А у нас была на спевке Благодать...

Словно по небу учились мы летать...
Пели, пели ненасытно, а потом
В храм спустились и молились у икон.
И детишки не хотели уходить,
Всё просили их к иконам приложить,
Всё тянули «Величаем...» да «Спаси...»
Эти маленькие воины Руси.

2 марта 2010 года

6

Ещё каштаны, вязы и рябины
Крепятся, держатся, не отдают листву.
Едва прикрыты тонкие осины,
Но золотят берёзы синеву.

Всё замирает в грусти невесомой,
 Но слышен тайный трепет в вышине,
 Смиренна слава вспыхнувшего клена,
 Роняющего радость в тишине.

Не страшно ль вам, деревья, облетать,
 Терять свою единственную ризу,
 Свое великолепье погреть
 И, обнажившись, терпеливо ждать
 Зимы, пощечины и укорины,

С одним лишь утешеньем – если снег
 Тихонько вас покроет, согревая?
 Вот так же умирает человек
 И кто-то – ничего не ожидая.

Но всё же мы расстанемся с зимой,
 Проснутся соки жизни, закипая,
 Нальются почки будущей листвой
 И брызнут, от любви изнемогая.

Вот так же человек, когда умрёт,
 Душой взыскав вечного цветенья,
 Все жаждет Лица Божьего и ждёт,
 Как Ангелы вострубят Воскресенье!

*4 ноября 2018 года,
 Сестрорецк*

7

Небо дышит высотой, чистотой...
 И течёт мелодия рекой...
 Поправляя белый вишен наряд,
 Ветерок разносит их аромат...

Вся природа – рифмы Божьего стиха,
 И весна приоткрывает нам смиренно
 И таинственно и вместе – откровенно,
 Сколь блаженно бытие без греха.

*30 мая 2020 года,
 Сестрорецк*

8

Сквозь черёмухи белеющие ветви
 Смотрит кремовым фонариком луна...
 Ночи белые пришли так незаметно...
 Их за ручку привела весна...
 Как прозрачен этот мир и хрупок...
 Каждый вздох наш слышит горний мир...
 Изливается надежда звуком
 Византией сотканых стихир.

Ты им внимлешь, Боже, вместе с теми,
 Что в ветвях возносят соловьи...
 И не жаль, что с ними пролетели,
 Улетели, Боже, дни мои...

*1 июня 2020 года,
 Сестрорецк*

9

Ветер ластится к пруду –
 Рябь, сверкая, побежала,
 И склонённых над водой
 Старых вязов вдруг покой
 Потревожен. Задрожало

Отражение пышных крон
 Среди задумчивых кувшинок...
 И звучит со всех сторон
 В сочной зелени трезвон
 Ярких трелей соловьиных.

И кукушки соло вдруг
 Дальней маленькой валторной
 Изменило всё вокруг...
 Каждый голос важен, друг,
 В этом мире изумлённом, –

Изумлённом тем, что – есть
 И что всё вокруг живое,
 Многогласное, родное,
 Неразгаданно святое

И Небесное:
Аз Есмь

*1 июня 2018 года,
Сестрорецк*

10

Вечер праздника крещения Руси

Тёплый ливень. Поздний вечер.
Хоть какой-нибудь навес
Пробегая, ищет встречный,
Вспышки молний. Гром с небес.

Что за счастье вдруг! – как в детстве.
Зри душа – велик твой Бог!
Тёплый ливень. Поздний вечер
И ручьи у мокрых ног.

11

В Старом парке

Что за упоенье – вечером бродить
Средь дубов могучих, трёхсотлетних.
Царь Великий парк изволил заложить –
Бог благословил Петра веленье.

Что за упоенье птицам щебетать
В зелени густой до самой ночи!
Что за упоенье листьям – трепетать,
Чайкам – раскричаться что есть мочи...

Что за упоенье белому щенку
По траве нескошенной носиться,
Что за упоенье каждому цветку
Из бутона в чудо превратиться.

Что за упоенье ласточкам свистать
И взмывать в заоблачную просинь,
Золотому солнцу светом заливать
Стройные стволы высоких сосен.

Что за упоенье выйти на залив
 И вдохнуть его морскую свежесть!
 Волн неспешных слушать ласковый мотив
 И ловить закатных красок нежность!

Всматриваясь в дали, строки рифмовать,
 Отыскать единственное слово...
 И в глубинах сердца музыке внимать,
 Льющейся от неба голубого.

Что за упоенье – видеть и ходить,
 Слышать, обонять и улыбаться...
 Что за упоенье – Господа любить
 И к Нему тихонько собираться...

*1 июня 2018 года,
 Сестрорецк*

12

День иконы Нечаянная радость

Вся наша жизнь – Нечаянная Радость:
 Христос, весь мир, Евангелие, храм,
 С икон Пречистой Девы взора сладость,
 Надежда трепетная – может, будем там,
 Где славят все любимые святые
 И Ангелы Небесного Отца...
 И покаянья дар,
 И слёзы золотые,
 И дар прощения,
 И милость без конца...

14 мая 2018 года

Пора цветения

Беленькая вишенка,
 Как ты хороша!
 Осветилась радостью
 Скорбная душа...

Каждое соцветие,
Неземной покой
Изливая, шепчет мне:
Бог всегда с тобой!

*30 мая 2020 года,
Сестрорецк*

Дерево

Дерево может
в огне сгореть,
людей согреть.
Дерево может
окаменеть,
лежать миллионы лет.
Дерево может
люлькой стать,
домом и гробом.
Вьюжною ночью
скрипеть, но стоять,
ветви ронять сугробам.
Дерево может
скрипкой запеть
в зале пустом...
Может свежо
в тишине зеленеть,
чтобы стать Крестом.

04.10.2012

* * *

Котят индюшка нежно греет,
А кошка кормит и лелеет –
кого б вы думали? – ежат...
Сосут детеныши, фурчат,
И радость бытия вкушают...
Учись душа, не замечая
Невзгод житейских – радость пить.
Источник жизни прославляя
Благоговеть, благодарить...
Учись, учись, душа, любить.

Осень

Жёлтых риз твоих
всплески разливаются...
Светом золотым
кротко озаряется
тихая душа
пред порою белою,
про запас дыша
вспышкой красок смелою...
Яркостью твоей жаждет напиться,
в Божией любви детски наплескаться,
чтоб когда ноябрь
крохотной желтиночки,
а потом зима –
ни одной травиночки
не оставят нам –
помнить посещение...
И в Страстной Пяток –
день Преображения.

Псалма

Как на тверди на небесной
звёзды яркие
в диадеме Царской
блещут, что яхонты!
Величает свет
молитвой неслышимой:
«Яко с нами Бог!»
повсюду разносится.

Как в палатах расписных
лики ясные
на пирующих
взирают с надеждою!
Величает мир
царя со вельможами.
«Яко с нами Бог!»
неужто не вспомнится?

Как в избушке покосившейся,
брошенной
из угла глядит
Спаситель с любовью.
Мышка юркнет в подпол
за печкою —
«Яко с нами Бог!» —
и схоронится.

Что, душа, глядишь,
не насмотришься?
Мир велик, прекрасен,
дан во владение.
Только разум
с верой ныне в забвении.
«Яко с нами Бог!»
не исполнится.

Зажигай свечу,
вставай пред иконами,

не в словах наука,
а в благочестии.
Хоть вокруг
царит запустение,
«Яко с нами Бог!»
сердцем носится.

Затишье

Томленье вязкое пред бурей
что предвещает в тишине?
Быть может, ураган минует
и в пустоши сойдёт на нет?

Неужто грозен и неистов,
обрушив планы и мечты,
сметёт всю грязь? И станет чисто?
Навряд ли то узнаем мы...

О, Провиденье, дай нам силы
предвидеть смертоносный шквал:
и обойти тайфун унылый
и в гавань привести корабль!

Когда волна тебя накроет,
забудешь всё опричь молитв...
Смиренье скорби пред бедою —
о всех, кто в шторм не устоит.

Инфернальный ликбез

«Мы Тебя не просили распинаться за наши грехи...
Онтология смерти? Ты о чём? На себя посмотри!
Ты давно уже умер в наших чутких и правых сердцах!
Наше имя — свобода! Быть рабом Твоим, Боже, — не вах!»

«Исцелял Ты кого-то? Вот и пусть они ходят толпой!
Наше время — сейчас, нам пророков смирать не впервой!
Ну, спасайся же сам и сойди, если сможешь, с Креста!
А учить о добре — бесполезная здесь маета...

«Богу — ангелов песни! Нам — стихи о земной красоте!
Разойдёмся без битвы, пребывая на своей высоте!

В нашей власти тут всё — и слова, и дела славят мир!
 Духless — Новый эон! Но глупцам мы подарим кумир!»

«А воскреснешь? И правда! Понимаем, Ты — Жизнь...
 Вознесёшься, и ладно! В добрый час! И держись!
 Идеалы заглушим, затушим, придушим впотьмах.
 Наш неоновый свет отразится в пустых зеркалах...»

Новогодние стансы

Новый год растёт, как растёт луна,
 как весной пробивается ввысь трава...
 И спадает с грядущего пелена.
 И туман рассеивается... Ça va!

Старый год историей стал уже.
 Паникёры хронисты не жгут свечей.
 Le Petit Prince задумался в мираже
 о пере и шпаге, не то плаще...

Потерялась надежда во «смене вех»...
 «Бытие и время» – о чём бишь ты?
 В забытьи-беспамятстве – среди потех.
 расплзаются мороком сны-мечты...

Новый год растёт, как растёт луна...
 Новоявленный месяц серпом горит!
 И созвездий негаснущих пелена
 заслонит ли падающий метеорит?..

Дар пепелица

К чему, окраинные города,
 вы присягнули Тушинскому вору?
 Чтоб к вящему продажному позору
 была накинута на весь народ узда?

Один ведь чёрт для сброда всех мастей
 все наши разногласия и склоки:
 «Московией не учатся уроки,
 дремуч кацап — не чествует гостей!»

Племянник царский всё твердит одно:
 «Берём столицу — узел перерубим!»

Платить наёмникам — ефимка-то — не рубль!
 Глядишь — казна опустится на дно...

А под шумок и крымский Джанибек
 нарушил договор и грабит смело:
 «Горите подмосковные уделы!
 Нам дела нет до Шуйских и Сапег!»

Не потушить разнузданный пожар,
 раздрай-разбой голодным волком рыщет!
 ...Но вот Казанский образ с пепелища
 Пожарский князь дал ополчению в дар...

Потенциальные

Пока нас жизнь не подвела к черте,
 пока не осадили нашу Трюю,
 мы пребываем в недовысоте,
 мы — лишь потенциальные герои!

Пока нас не распяли на Кресте,
 пока не покорили нашу выю,
 мы пребываем в недовысоте,
 мы — лишь потенциальные святые!

«Стерегающий»

Куранты отыграли зычно «восемь».
 Пора домой. Но, несмотря на дождь,
 по парку Александровскому в осень
 мне прогуляться нынче невтерпёж!

То здесь, то там в просвете подфонарном
 блеснёт сырая ржавчина листвы.
 И ностальгия вдруг рудиментарно
 напомнит радость детской чистоты.

Из темноты грот выглянет угрюмо,
 и на пруду тень уточья нырнёт.
 Вот «Стерегающего» затопленные трюмы —
 неясных чувств моих водоворот!

Снуют вокруг ватаги подростково,
 бурлит их жизнь... Кингстоны не закрыть!
 А я стою у памятника снова —
 и думаю: тонуть ли... дальше плыть?..

И отчего у скульптора так вышло,
 что контур по обшивке — чёткий крест?!
 И знают ли веселые детишки,
 что это — страж, не взятый под арест?

...Куранты отыграли зычно «девять».
 Спешу домой! И дождь бежит за мной.
 Как трудно в честь и благородство верить!
 Но неужели выбор есть иной?

Не-воин

Я — не воин, а лекарь, медбрат,
 извлекающий смерть
 из искромсанных тел,
 из надломленных душ,
 из развалин убогих.
 Мне нельзя унывать,
 даже вскрикнуть не смей
 или мимо пройти,
 посмотрев
 на несчастья
 в бинокль!

Купчина

Поклон отвесив перед косяком,
 надеть картуз, не морща лоб заботой.
 Кирзой скрипя, пройти особняком
 и выйти неприметно за ворота.

На волжском берегу вобрать в себя
 всю радость бытия и близость Бога —
 и тихо выдохнуть, кушак свой теребя:
 Прости, земля! Достоин лишь острога!..

А дальше — в путь! В суровые моря!
 В Китай ли, в Индию, на сонные Курилы...

И не бросать поспешно якоря
в надежде, что мечта не обдурила!

Найти свой рай, где можно лишь молчать,
вдыхая неизведанные смыслы!
И тихо положить на нём печать!
И привезти домой — к родным и близким.

Родная мать

Ах, чем живешь, родная мать?
Но всё ж накормишь до отвала!
К чему нам с горя унывать?!
Ведь *наша* где не пропадала!

Страна ли, вотчина ли чья?
(снуют народы непрестанно) —
почти что без паралича
скрипишь, шепча в трудах: «Осанна!»

В своей равнинной простоте
ты предоставлена циклонам,
мол, всё не так, не то, не те —
не по любви, не по законам.

Но мы-то знаем, что и как
в твоих прописано уставах.
Иван, конечно, не дурак,
да вот дурачиться устал он.

Ах, стал бы виден ясный взгляд —
достоинства и благородства!
И мать сказала б вдругорядь:
«Готова жить стократно до ста!»

Ладанка

Ладья-ладонь.
Улады ладной длань
век продлевать тем,
кто ладит с миром.
Погладит ветер
пёстрой жизни ткань
и лёгкие наполнит вновь
эфиром...

Августейшая художница

Великой княгине

Ольге Александровне

Великосветских правил ножницы
Кромсали жизни полотно,
Но для сиятельной художницы,
По сути, было всё равно,
Куда за Божьим гласом следовать...
А царство рушилось в провал:
Толстой пускался проповедовать,
Кропоткин к хаосу зывал.
Какие демоны вертели их,
Куда их вёл слепой кумир?!
На акварелях незатейливых
Теперь остался Русский мир...
Там, где земля и Небеса равны,
Люби, надейся и пиши!
Картины Ольги Александровны,
Как слёзы ангельской души.

Атлантида

I

Когда и письменно и устно клянут Империю враги,
То мне уже не просто грустно, я мыслю: – Боже, помоги
В толпе назойливых и шумных, где злоба порождает ложь,
Не то что вразумить безумных, а хоть не слышать их галдёж.

II

Но – что хотели, то имеем. Мы до сих пор не сознаём,
Что даже спорить не умеем, стремясь поставить на своём.
В распыле прежняя культура, разбитый вдребезг старый храм, –
С кремлёвских башен светят хмуро лучи кровавых пентаграмм.

III

Да только есть и Атлантида – непостижимая страна,
Волной чудесного флюида зовёт из прошлого она:
Скрываясь в думах-невидимках, как будто пламя под золой,
Она живёт на старых снимках и в песнях родины былой.

Будущий адмирал

В серой столетней дымке,
Словно на дне коралл,
Виден на старом снимке
Будущий Адмирал.

Сразу не разобраться,
Этот ребёнок – он?!
Здесь ему лет двенадцать,
Нет на плечах погон.

Нету стального взгляда,
Нету ещё кругом
Ненависти и яда,
Выпущенных врагом.

Всё это станет позже
Кровью шипеть во льдах.
Только... мне он дороже
В детских своих годах:

Там, где в любви, не в страхе,
Наша страна жила,
Там, где на красной плахе
Нечисть её не жгла,

Там, где, не зная горя,
В детстве своём играл,
Бредя мечтой о море,
Будущий Адмирал.

* * *

Прежнее время в альбомах тает,
Там, где о будущем знают ответ
Русские семьи и русские лица,
Русские души... их внутренний свет.

Внутренний свет – непонятный, незримый, –
Кадры тускнеют, и он всё бледней, –
Тысячелетием целым творимый,
А уничтоженный в несколько дней.

Расстрелянная юность

Пока ещё небесный кров
 Господни ливни не разъяли,
 Я вижу лица юнкеров,
 Тех, что у Зимнего стояли,
 И тех, что пали у Кремля,
 Убиты бешеною сворой...

Пускай же Русская земля
 Вздохнёт о юности, которой
 Нельзя в забвении истлеть,
 Движеньё душ – не умирает!
 Пусть труб сверкающая медь
 Преображенский марш играет,
 И за чеканным ритмом строф,
 Где бьётся Слово,
 Стонет лира,
 Встают шеренги юнкеров,
 Птенцов расколотого мира...

Дроздовцы

Шли дроздовцы твёрдым шагом,
 Враг под натиском бежал,
 И с трёхцветным русским флагом
 Славу полк себе стяжал!
*Из песни Дроздовских частей
 Добровольческой армии 1918–1920 гг.*

Долгим, яростным походом
 Под свинцовым небосводом
 Против силы бесовской
 Шли дроздовцы в край Донской.

Утром бой,
 Под вечер схватка
 И тревоги по ночам...
 Нет в Империи порядка,
 Если воля палачам.
 Лысый демон мутит воду,
 Гонит кровь из берегов.
 Нелегко спасти Свободу
 От бесчисленных врагов.

На пути к степям ростовским
 Смерть ведёт суровый счёт,

За полковником Дроздовским
 Всех бойцов – наперечёт.
 Было мало, будет меньше.
 Это счастье – пасть в бою
 За своих любимых женщин
 Да за родину свою!

За Царя, за Русь, за Веру
 В дни измены и беды
 Юнкера и офицеры
 Шли в солдатские ряды.

С той поры шагают в Вечность
 Под гнетущий рёв и стон
 И кадетская беспечность,
 И лихой гвардейский тон.

Так стремительным походом
 Вместе с Богом и народом,
 Русским именем горды,
 Против бешеной орды
 Всё идут, идут рядами
 Над полями, городами
 Сквозь эпохи и века
 В светлый рай, за облака,
 Роты Белого полка...

* * *

...Я только склоняю почтительно голову перед
 героями всех добровольческих армий и отря-
 дов, полагавших бескорыстно и самоотвер-
 женно душу свою за други своя.

А.И. Куприн. Купол св. Исаакия Далматского

За Нарвою, у Гатчины –
 Багряная роса,
 Пожарами охвачены,
 Алеют небеса,
 Бьёт ненависть шрапнелями
 По паркам и дворцам,
 И тесно под шинелями
 Простреленным сердцам.
 О, доблесть офицерская,
 Сводящая с ума,
 Беспечная и дерзкая,
 Как молодость сама! –

Ещё жива свеча твоя,
 Ещё в сырую мглу
 Ты рвёшься, шаг печатая
 По Царскому Селу.
 Шевроны нарукавные,
 Погоны и кресты...
 И вновь – бои неравные,
 Сожжённые мосты.
 И вновь на пули шалые,
 На жадные клинки
 Бросаются усталые
 Осадные полки.
 А сил уже всё менее,
 Всё круче вал беды,
 И гасят наступление
 Пехотные ряды.
 Казалось, этим месяцем
 По Невскому пройдут.
 Но смерть гремит и бесится,
 Мелькает там и тут.
 Казалось, что за невидаль
 Терять часы и дни?
 Но убивает в небе даль
 Заветные огни.
 И только птицы чёрные
 Над ротами парят,
 Да купола соборные
 Надеждою горят, –
 Единой, неутраченной,
 Как солнце в облаках!
 За Нарвою, за Гатчиной,
 Распятой на штыках...

Эпитафия гренадерскому батальону

Это стихи к проекту памятника на Кубани, который планируется установить на месте гибели летом 1920 года более двухсот чинов гренадерского батальона стрелков–алексеевцев, окружённых и изрубленных красной нечистью, когда они прикрывали отход основных сил врангелевского десанта.

Прохожий, задержись! Постой на этом месте,
 И там, где наши дни свинцовый ветер стёр,

Где мы отдали жизнь во имя русской чести,
 Молитвой помяни последних гренадёр.
 Истории ветра, от времени седые,
 Несут огни имён, как свечи, в облака:
 Солдаты, юнкера – мы, вечно молодые,
 Вступили в батальон Господнего полка.

Белый Крым

Две недели был в Крыму, под Евпаторией. Кажалось бы, живи, отдыхай, в море плавай и ни о чём грустном не думай. Но вот плаваю в море и гляжу на скалу, – ту самую, из фильма «Служили два товарища», с которой красные по уходящим в море Белогвардейцам палили...

Здесь годы, как мили, ложатся в холодном просторе,
 Здесь пулей сквозь вечность тот день вылетает из мглы,
 Когда уходили последние русские в море,
 И красная нечисть стреляла по ним со скалы.

Усталы, неловки, с глазами под цвет небосводу,
 Ватагою мальчиков вслед за девчонкой Судьбой,
 Бросая винтовки, брели они в мёрзлую воду
 Меж лёгких фонтанчиков, взбитых густою пальбой.

Всё дальше и дальше, и вот уже море по пояс,
 Осталось немного, каких-то четыре шага.
 Всё, бывшее раньше, шальными виденьями строясь,
 Выводит к итогу борьбы и к победе врага.

А солнечный лучик стирает кровавые пятна,
 Беспечно-счастливый, восторженно-юный, живой.
 – Куда вы, поручик?
 – Простите, полковник, обрат... Но
 Ответ торопливый срывается в хрип горловой.

Вода ледяная сомкнулась в безвыходном крахе,
 И хищная птица кружит у последней черты,
 Где злоба хмельная с кровавой звездой на папахе
 Довольно кривится и в море плюёт с высоты.

...Здесь тёмные воды ушедших ласкают незримо,
 Здесь павшее знамя подьёмлет Господня рука,

Здесь ветер свободы, как реквием Белому Крыму,
Летит над волнами от берега за облака.

Графская пристань

Два столетия дым не рассеется
Над алеющим крымским песком.

У колонн – караул алексеевцев,
Истолённых последним броском;
На ступенях вповалку положены
Чемоданы, баулы, тюки;
Чьи-то дети глядят заворожено
В темноту, где горят огоньки
По бортам броненосного крейсера.
Это – Русский Исход в никуда,
Это значит – живи и надейся на
Возвращение через года.
Ночь ноябрьская. Город суров и нем,
И по-новой судьбу не начать.

Два столетия горестный реквием
Здесь, на пристани, будет звучать.

Памяти участников Ледяного похода

*22 февраля 1918 года
начало Первого Кубанского
(Ледяного) похода*

Мне от мыслей-видений не уснуть до утра:
Снова цепи-мишени, громовое «ура».
Умирали, как жили – кто во рву, кто в бою,
Мы – за нашу Россию, а они – за свою.

Шашки – вон, эскадроны! И аллюр три креста!
Жизнь – дешевле патрона...
Кто патроны считал
В те года моровые, в перехлёсте судеб?
Когда мы – за Россию, а они – за совдеп!

Мы родные гнездовья покидали с сумой,
Погасив нашей кровью их «пожар мировой».
Не считай чаевые и судьбу не кляни:
Мы дрались за Россию, за коммуно – они.

Нам покоиться рядом, жаль – в землице чужой,
Под терновой наградой за поход Ледяной...
Мы уходим, как жили. – Рысью, марш! Шашки – вон!
Только мы – за Россию, а они за кого?

1989 г.

* * *

Не приземлен и не возвышен,
Усталый всадник без коня...
И на погосте под Парижем,
Увы, нет места для меня.

Равны пред Богом и судьбою
От смутных лет до наших дней,
Там спят российские изгои,
Не потерявшие корней.

В своём рождении неволен,
 Москвич конца сороковых...
 Но если б выпало на долю –
 За честь бы счёл лежать меж них.

1989 г.

Памяти юнкеров

Я не забыл. Пусть кровь ушла в песок.
 Но прошлое по-прежнему ранимо.
 И пробил час, как щёлкнувший курок,
 И лгать себе уже невыносимо.
 И болевой порог не одолеть:
 Вновь мерно шаг чеканят батальоны,
 Гремят оркестры, вспыхивает медь,
 Но мне известен жребий побеждённых.

Дрожат штыки, безусы юнкера,
 Что за Царя, за Родину, за Веру
 На фронт уходят через плац-парад,
 Чтоб никогда не выйти в офицеры.
 И мне с высот грядущего видны
 Могилы их без имени и даты.
 Они летами были так бедны!
 Зато солдатской доблестью богаты.

Я не забыл... но с тех закатных дней
 Мне душу рвут оркестры полковые,
 И с каждым годом жжёт меня сильней
 Осколок старой взорванной России!
 Когда ж косая мне кивнет: «Пора!» –
 Дай Бог, уйди мне с искрой той же веры,
 С какою шли в атаку юнкера,
 Чтоб никогда не выйти в офицеры.

1990 г.

* * *

Ах, память — чёрный зрак ствола...
 А над расхристанной Россией
 Пылают храмы вековые.
 Колокола, колокола...
 Чу, по самим себе звонят
 На обгорелых колокольных!

Рыдают или бью в набат?
Иль стонут медные от боли?

Ах, память — Ледяной поход,
Кубань и Дон, и степь без края...
Над полем брани снег идёт,
И кровь дымится, замерзая.
Под хрипы сваток штыковых,
Разбойный свист казачьей лавы
Подкралась гибель вековых
Устоев царственной Державы.

Глотаю снег горячим ртом...
Не все рубцы затянут годы.
Дымя, уходят пароходы,
А жизнь осталась за бортом.
Что было? Бойня, кровь и грязь,
И взлёт надежды окрылённой...
Почём в Стамбуле русский князь
И офицерские погоны?

Нет ни погоста, ни угла.
Пылают храмы вековые,
Нас всех смахнула мать-Россия,
Как крошки хлеба со стола.
Нет больше Родины и дома.
Что можно взять, ты всё взяла.
И погребальным чёрным звоном
Гудят твои колокола...

1990 г.

* * *

Вы помните: осень, Исход, Севастополь в двадцатом,
Закат задымлённый и плач эскадронной трубы...
А здесь облака дождевые, как серая вата,
И снег в ноябре, словно глупая шутка судьбы.

В ночи фиолетовой плещут Большие бульвары
Букетами запахов кофе, вина и духов...
Под Новым мостом завернулись в газеты клошары —
От прошлого — сны, впереди — ни весны, ни долгов.

Нам тоже долгов не отдать, не вернуть, но ответьте:
Куда нас виденья ночные унесут в бреду?

Вопрос риторичен. В Россию, полковник, за смертью,
Где мы умереть не сумели в двадцатом году.

Мы живы сегодняшним днем да снежком прошлогодним,
Что падал в тот вечер из горних, нездешних высот
И в жидкую грязь превращался на стонущих сходнях...
А за Инкерманом дроздовский стучал пулемёт.

Не мне уповать на Европы брезгливую жалость:
Вчера офицер, я сегодня – крупье иль тапёр...
Отечества дымом настолько душа пропиталась,
Что кажется - ненависть с кровью сочатся из пор!

Ни песней, ни водкой мне с осени той не согреться,
Всё слышатся в сумерках такты далёкой стрельбы...
И падает снег, прожигая шинели до сердца,
Качаются сходни под плач эскадронной трубы.

1992

* * *

Африканское солнце Бизерты.
Средиземного моря лазурь.
Занесли нас октябрьские ветры
В край, далекий от классовых бурь.
Отгорели года роковые,
И снаряды разбили мосты...
Над последней эскадрой России
Голубые трепещут кресты.

Вновь кострами в сердцах огрубевших
Память высветит черные дни,
Где артурский герой поседевший
Умирал на штыках матросни,
Где для нас не жалели патронов,
Но пред тем, как тела убивать,
Золотые срывали погоны,
Чтобы честь и присягу отнять...

Пережившие гибель Державы
Корабли на приколе стоят.
Им уже не вернуться со славой
В Гельсингфорс, Севастополь, Кронштадт!
Отданы якоря становые,
Звоны склянок печально чисты...

Над последней эскадрой России
Голубые трепещут кресты.

Ждут напрасно невесты и жены,
Мы успели сродниться с тоской,
Только жаль, к материнской ладони
Не прижаться, как в детстве, щекой...
Отгорели года роковые
И снаряды разбили мосты...
Над последней эскадрой России
Голубые трепещут кресты.

1992

* * *

И наступил героев-нищих
Голгофский путь и торжество.
Непримиримость все простивших,
Не позабывших ничего.

Георгий Иванов

Мы вернемся... Когда-то... не знаю, когда...
Чайки к берегу – жди непогоды...
А пока только мерно качает вода
Уносящие нас пароходы.
Мы в боях вознесли на кровавый алтарь
Наши жизни и вечные души...
А пока только неба осенняя хмарь
Над чужой, неприветливой сушей...

Нас чужие возьмут в оборот города.
«Мы не мертвые. И не живые».
В каждом сердце осколок горящего льда
И Россия, Россия, Россия!
Кто мы здесь? Перекатная русская голь,
За бутылок звенящею грудой
Мы пытаемся спрятать и память и боль...
«И летим – в никуда, ниоткуда».

Все могло быть иначе... рассеялся дым...
А теперь – нам не надо другого.
Мы лежим под Парижем, мы в Праге лежим
И не слышим последнего слова.

Мы лежим под Каховкой, в Сибири, в Крыму...
Под распаханной временем пашней...
Наши кости истлели, мы канули в тьму
Не причислены к доблестно павшим.

Мы уходим в суглинок чужой и пески
Белой армии горней солдаты...
В небесах пополняя собою полки
И встречая погибших в двадцатых...
... Черноморская плещет за бортом вода,
А в Москве заседают Советы...
Мы вернемся в Россию... Не знаю, когда.
Даже если вернемся посмертно.

5 июня 2003

К 100-летию Русского исхода (1920–2020)

Мой Китеж

Мой Китеж – Белая Россия...
Он не погиб, он только замер...
Ведь тех хранит Господня сила,
Кто Веру уберёт, как Знамя.
Кто защитил отцов Иконы,
Кто ризы вышил жемчугами,
Кто ясен, прост, кто предан Трону,
Кто не смирился пред врагами.
Мой Китеж, Китеж затонувший!..
Кровавый век, как день минувший.
Мгновенна времени река.
И звон печали колокольный –
Нет русских войск в Первопрестольной,
Окрест – потешные войска!
И нас, в нечаяньи лежащих,
Нас, грешников, но не пропащих,
Воздвигнет кто утренивать
И славословить, Боже Правый,
Твою Небесную Державу,
Кто будет Русский Крест спасать?
О Русский Крест!.. И блеск во взоре!..
О, честь, хранимая в веках!
Взнеслась и ты в багровых зорях
Голубкой Белой в облака,
Забитой пала в Бело-море,
С Хоругвями ушла в Белград...
Мой Китеж!.. – Кличу плен да горе.
Но Китеж спасся, говорят!

* * *

По дорожке Красносельской
Едет эскадрон гвардейский
Из песни Николаевского
кавалерийского училища

Мне попался список кирасир,
Синих кирасир Императрицы...
Где же ты, высокородный мир,
Книги Царства Русского страница?

Вырвана и люто сожжена
 Красносельских кирасир весна:
 С именными кольцами, в земле
 Истлевает пажеская служба –
 Статная, стрелковая, в седле –
 Сколько сразу благородств и мужеств!
 Прочитать бы имя на кольце!..
 Гвардия уходит в бой последний.
 Ни кровинки на ее лице,
 Но не страх питает эту бледность.
 По дорожке Красносельской, в дым,
 Кирасиры убывают в Крым,
 Бывшие кадеты и пажы,
 Для кого сражаться – значит, жить.
 Русые, с глазами синими,
 Павшие за Белую Россию,
 За неё отдавшие всю синь...
 Нескончаем список кирасир!

У Царкосельского образа Божией Матери «Знамение»

Чудотворная икона
 Царкосельская - «Знаменье»...
 Пала царская корона
 В пыль мещанского глумленья.
 Пали Армии и Флота
 Крепкостенные твердыни.
 В сердце русского оплота
 Пентаграммы мстят святыням.
 Только белый берег Крыма
 И колодцы чревычайек,
 К русским стонам нетерпимых...
 Крики чаек...
 Жадность чаек
 Над кормой до Цареграда,
 До мечтанного Босфора.
 К побежденным нет пощады,
 По понятиям террора.
 Наши деды-добровольцы,
 Горстки смельчаков бывалых!
 Витязи и богомольцы -

Неба Русского начало.
 Ну а внуки?.. – Смех да песни,
 Страсть к наживе и богатству,
 Через ложь и чужебесье
 Путь к антихристову царству.
 У пустующего Трона –
 Горстки, истину познавших...
 Царскосельская икона,
 Освяти же запоздавших!

Стихи, пришедшие в вагоне

Соленый ветер Перекопа,
 Ты влажно дул в окно вагона...
 Агоний хрипы, рев погони
 Ты ль не расслышала, Европа!
 Благополучнейшая дама,
 А все, как прежде, – в гувернантках!
 Детишки, кухня, своды храма...
 «Шарман, Катрин...» – шуршит шарманка.
 О берег славного Сиваша!
 Солончаки в засаде дремлют.
 Россия, ангелица наша,
 Кто древнюю ославил землю?
 Кто прах топтал ее последних
 Прекрасноликих, благородных
 Воителей – вовек наследных,
 Изгнанников – вовек свободных?
 Кровь стерта с белых стен кладбища,
 Степной орел уже не рыщет
 Добычи, что оставил бой...
 И только выжженный покой
 Все длит и длит воображенье,
 Как черепки я обрела,
 Завещанные пораженьем,
 Затем – как ветру встречу брела.

Ах, ветер, ветер Перекопа!..
 Вал укрепленный.
 Цепь окопов.
 Вослед – богатой мне и нищей:
 – За что так любишь пепелище?

Бунин. Миг бытия

То, что я от всех таю...

И. Бунин

Окаянные дни. Окаянные годы разлуки.
 Выйди в Сад, наконец,
 Оттеняют бордовые розы там синюю даль.
 Там к тебе прикоснутся
 глициний послушные руки
 И щеку обожжет не стихающий
 влажный мистраль.
 Выйди в Сад, наконец!
 Обозри синеву над Пьемонтом –
 Бывшим людям, не сбывшимся! –
 Бывшее графство Пьемонт.
 Старый Грасс. Облака, словно *белые*
 с *красными* фронтом
 Друг на друга идут, и пылает в огне горизонт.
 Ты спускаешься вниз по дороге,
 к морскому прибою,
 К тем помятым шезлонгам и пирсу,
 Ты, молнией раненный барс,
 Из породы столь редкой и тонкой,
 Не знавший покою...
 Что тебе это Море пиратов, моллюсков
 В предутренний час!

Правда, есть Notre Dame de la Garde –
 Так Заступницу здесь величают.
 Есть сливовый закат. Ты вкушаешь его
 без преград.
 Этим чувством тоски
 (Иностранцы едва ли узнают)
 Грасс охватишь мгновенно –
 Он станет твоим, как и Сад.
 Выйди в Сад, наконец!
 Посмотри на огни побережья:
 Синема, казино... бесконечны прилив
 и отлив.
 В русской церкви звонят... но не стать тебе
 более прежним –
 Окаянные дни наступают и в этой дали.

На заводе у Рено работали,
Вечером сидели в ресторане:
Вспоминали бухту в Севастополе
И полеты на аэроплане.

Целовали знамя под иконами
И присягу в верности давали...
С золотыми – царскими погонами,
На чужом очнулись карнавале.

За баранкой по полям, бульварами
Колесили вечерами синими...
Господа! Мы были лейб-гусарами –
Синими гусарами России.

Господа! Мы были лейб-казаками,
Мы ходили в храм на Воскресение,
Но не династическими знаками
Улицы расцвечены весенние.

И в порту Тулона под поклажею
Не согнулись плечи наши гордые...
Помнили в колоннах корпус пажеский
И поход на яхте меж фиордами.

Вспоминали белые видения,
Их Высочеств... В такт игривой музыке
Пролетали жалкие мгновения,
Сдобренные флиртом с полумузами.

Флигель-адъютанты длинноногие.
Как тянулась в струнку челядь свитская!
Заметает снег пути убогие,
Покрывает саваном амбиции.

Нет победы в мире хуже краденой –
С Родиною, так и не восставшею.
За рулеткой сгасли в Баден-Бадене
Странники, к обедне опоздавшие.

Снова вспоминали поезд литерный,
К русской славе мчавшийся,
задержанный.

И Того – в мундире ослепительном,
Родины последнюю надежду.

Белой Армии

Последняя заступница Руси,
Ты, сгинувшая где-то на Кубани,
Шептавшая иссохшими губами
Своей блаженной родине: прости.

В повозках санитарных,
Вся – в бреду,
Собрав откуда взявшиеся силы?..
Не по тебе ль казачки голосили,
Почуявшие близкую беду?

Не над тобой ли в твой последний час
Лицо склонилось узкое девичье?
Крест на косынке... И старик-станичник
Напрасно звал уснувшего врача.

О не в тебя ль стреляли (вран – везде)
Сквозь стон незащищенных лазаретов?..
А тем, кто выжил, явью – минареты
И тихий шепот пражских площадей.

Не ты ль пришельцем сброшена под лед?
И, вместо панихиды, – хохот грубый...
Кубанский не закончился поход,
Еще вспоют Архангельские трубы.

Ты – осиянная, добитая, взлети
Святым Георгием иль чернецом воскресни.
Ведь более не будет провозвестней
На Добровольческом твоём пути.

Последняя заступница, прости...

* * *

Над могилой белого ангела
И береза – в виде Креста...
Помолюсь за рыцаря Врангеля,
Пусть молитва моя проста!

В Белом граде светло усение,
Грозен шепот черных времен...

До всеобщего Воскресения
Белый рыцарь там погребен.

Бог своих открывает, избранных,
Бог своих соблюдет во тьме...
Сколько света от тех, кто изгнаны,
Сколько помощи грешной, мне!

Даже если я – недостойная,
Ожидаю Твой, Боже, суд,
Дай узреть, как русские воины
На последний парад встают!

Песни дочери Иеффая

1

«В Его руке – основания гор,
а нам – вода из камней.
От гула битвы звенит простор,
Тимпан, кимвал и свирель.
Разделит волны рука Его –
среди бездны лягут следы.
В сиянии облачном наш исход
меж стен из морской воды.
Воздремлет тот, кто седлал коня –
нас ветер Его унесёт,
и разума нас не лишит луна,
и солнце нас не ожжёт.
Ты – Бог один творить чудеса,
Твои сыновья сильны.
Твоих дочерей слышны голоса
от рек до края земли.»

2

«Кто с высот в долины сошёл,
тот расторгнет неба предел.
Да наполнится всякий дол!
Да исполнится наш удел!
Он поставит с нами шатёр,
колья вбив меж скал и камней,
посреди нас – от давних пор
до ещё не пришедших дней.
Гедеоновой пряжи нить
ткёт пути Его полотно.
Не умрем мы, но будем жить,
есть и пить пред лицом Его.»

3

«Спешите навстречу, дщери шатров,
бегите Его встречать –
пусть, кто на кровле,
не сходит в дом,
кто в поле – закончит жать.
Оставьте ложа,

забудьте сон,
 пусть жернова ход замрет –
 грядет Бог воинств и Бог отцов,
 Бог нищих и Бог сирот.
 О Том, кто с нами – о Том поем,
 Десница Его крепка!
 От света лица Его
 канут дождем
 небесные облака.
 Слуга Его – ветер,
 и вестник – огонь.
 Да скроется недруг в прах!
 И будет – мир на каждой из гор,
 И правда – на всех холмах!
 Дрожи, пустыня! Качнись, Ливан!
 Дубрава и дебрь, внемли!
 Кто вспомнит конницу египтян
 И тирские корабли?
 Воспойте, кимвалы и гусли взяв –
 пусть утро с нами поёт!
 Среди бездны древней легла стезя –
 Блажен, кто по ней грядёт».

Последняя песня Дочери Иеффая

«Ты – часть моя в земле живой,
 Хоть тьма в очах погасит твердь.
 Пока трава полна росой,
 У Твоего шатра мне петь.
 Моя свирель – простой камыш,
 и ей дышать – до темноты.
 Пастух Израилев, услышь
 песнь оскуденья Бат-Эфты¹».

¹ Бат-Эфта – буквально: «дочь Иеффая» (др.-евр.)

Цикл «Малые теофании»

(к фотографиям природы Яны Батищевой)

Лестница в небо

Лестница в небо

Исайя
не был
перепилен
деревянной пилой.

Он ушел
на север
в страну Мешех и Тубал.
Он устал.

В кровь
ноги он
сбил.

Было темно
а Отрок
все
к ним
не приходил.

Ели
видели странника
ветки сплетая
ступенями
храма
что
был разорен и поруган.

Исайя
увидел то,
что
видел
Иаков,
на ложе из камня
главу
упокоив свою.

Это -
тьень
будущих благ.

Лестница
из веток деревьев
сплетенная.

Ветки -
как руки
воинов в танце священном
Митры.
Он – Peleatus –
сам
будет христианин.

Солнце в Рыбах.
Февраль.

Время,
время придет...

Сын мой,
о сын мой,
Крисп!

Север.
Британский стоит легион.

Император
с Исайей
смотрят
на Отрока
с двух дальних мира концов.

Лестница.

Древа дубравные.

И букв все две –
Хи и Ро.

6–7 марта 2010

Солнце

Солнце

Солнце
уходит.
Тонет.
Не так, как прежде было –
в зените.
Отчего?
Только надо,
чтобы
всё это случилось.
Печалью
сердце исполнится.

В глаза
 солнца
 плещет
 солёная влага.
 Там,
 под водой,
 смотрят
 рыбы
 немые,
 рты раскрывая.
 Удивлены они.
 Как же -
 мы ведь
 не ждали
 его
 здесь!
 ...нет
 нет
 нет...
 Всё ниже и ниже.
 Тонет,
 сходит во мрак
 солёной воды,
 гаснет.
 Где искать его?
 Где
 его след?
 Более
 нет его.
 ...нет
 нет
 нет...
 Для кого
 его свет теперь?
 ...Только
 когда плеснет –
 ударит –
 в глаза
 солёная эта вода
 увижу
 солнце -
 там, в ней
 пребудет,
 в горькой

солёной воде,
 пребудет со мною
 вовек.

6-7 марта 2010

Камни

Камни

Их – двое.
 Море
 до горизонта.

Сколько им ждать?
 Они
 остыли.

Были –
 горячею лавой,
 когда земля
 сияла, как солнце,
 сияла,
 была,
 как огонь,
 и не было, не было
 моря
 нигде и в помине.

Где же,
 где
 над морем –
 огненный столп?
 Где он?

Два камня.
 Подножие сильного
 ветра.

Подножие Сильного.

Он встаёт на них –
 правой и левой пятой,
 встает
 неколебимо

на оба камня
при море.

День Его –
что за день это?

Кто это?
Водан?

(его – день четвертый, среда,
Wednesday)

Кто он? –

Камни!
Новый он
Гедеон!

День Его - первый.

День солнца.

Он срывает
с огня
ветхую глину.

Глава Его –
полна
небесной росы
облачной,
а в руках Его –
два камня,
два кресала Его.

И - молния,
от края неба до края.

Вот они –
двое и трое.

А моря
здесь
уже нет.

6-7 марта 2010

Июль

Июль

Так его может увидеть
каждый –
солнце
сияет в листве
нежной,
прозрачной,
там, в небе.
Ведь нужно одно только –
непрочное
кружево
листьев живых
для того,
чтобы люди
взирали прямо
на свет
и сияние
солнца,
иначе оно
невыносимо для глаз.
Это –
как полдень
сегодня -
радостный,
радостный,
вечный -
дарят
живые листья
в молчанье.
Листья,
что завтра будут
брошены в печь,
а сейчас
в них
свет
не раскалённой глыбы,
а солнца,
самого неприступного солнца
(защитишь ли ты вновь
Анаксагора,
Перикл?)
Так
вечной стала листва,
так

Светлое небо

небесный огонь
стал земным.
Как он прекрасен
в каждой прожилке своей!
Как руки деревьев сияют,
простёртые в стороны!

...так –
навсегда
навсегда
навсегда.

1 марта 2010

Светлое небо

Я все это –
видела, знала...
не помню.
Года
словно ветер, из щели,
осенний,
ветер.
«Олечка, будем
топить
печку», –
бабушка
будет ещё
долго,
долго жива,
читать мне снова и снова
будет
про пчелу Нечкебиль.

«Олечка,
видишь,
её сочинил
Абдулла Алиш,
друг
Мусы Джалиля,
для татарских детей,

его расстреляли немцы,
то есть фашисты,

как дядю Володю
и деда Андрея
Митю
Василия
и Станислава.

Олечка,
вырастешь –
я отвезу тебя
в Полоцк –
только
там нет могилки,
там
только
мать
Евфросиния».

Пчёлка
совсем потерялась в небе
светлом и дальнем

Отец раскачает качели,
и это
небо –
отчего оно
снова в память вернулось,
зачем?

Тленье не властно
над краем тем
дальним и светлым.

Там, в сокровенном горниле,
всё остается
навек,
только лишь тления
нет.

27 февраля 2010

ФИЛИМОНОВ Валерий Павлович

Писатель-агиограф и публицист, поэт и журналист, академик Православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств; главный редактор, автор и ведущий православных программ радио «Слово»; главный редактор вестника «На страже Православия»; автор монографий «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа» и «Крестом отверзается Небо. Священномученик Философ Орнатский. Житие и подвиги, слова и поучения», ряда книг и многочисленных публикаций в различных периодических изданиях и альманахах.

Священник Игорь ИВАНОВ

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия СПбДА; главный редактор научного журнала «Труды и переводы»; преподаватель на Епархиальных курсах религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; штатный клирик храма Преображения Господня в Лесном (С.-Петербург); автор поэтических книг «Доспехи трувера» (2018) и «Культурный слой» (2019).

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Валерьевич

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей России и Союза журналистов России; лауреат Премии им. генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля; автор книг: «Русская рулетка», «Белый марш», «Империя», коллективных сборников: «Русская школа», «Золотая аллея», «И. Савин „Всех убиенных помяни, Россия...“» (составление и предисловие), публикаций в журналах и интернет-СМИ.

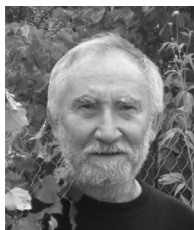
НЕВЯРОВИЧ Владимир Константинович

Писатель, поэт, врач; многолетний исследователь жизни и творчества поэта Сергея Бехтева, директор благотворительного фонда «Бехтевский фонд любителей русской старины»; член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России; автор более двадцати книг, в том числе «Исцеление Словом», «Благословенно Царство...», «Певец Святой Руси. Сергей Бехтев: Жизнь и творчество», «Россия как Атлантида», и семи поэтических сборников.

ВИНОГРАДОВ Игорь Алексеевич

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; член Союза писателей России; главный научный сотрудник Отдела русской классической литературы.

ФАТЕЕВ Валерий Александрович

Кандидат филологических наук, историк русской литературы и философии, переводчик; автор книг «В. В. Розанов. Жизнь, творчество, личность» (1991), «С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова» (2002), «Розановская энциклопедия» (2008, около 100 статей), «Жизнеописание Василия Розанова» (2-е изд., 2013), «Н. Н. Страхов. Жизнь. Творчество. Эпоха. Монография» (готовится к изданию); составитель книг «Василий Розанов: pro et contra» (в 2-х т., 1995), «Славянофильство: pro et contra» (2006; 2-е изд, 2009), «Пришвин М. М. „Цвет и крест“» (2004; 2-е изд, 2017), «Наша вера радостная» (2015).

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович

Кандидат философских наук, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; преподаватель Народного православного университета Санкт-Петербурга и Ленинградской области; главный редактор научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник»; автор более ста научных публикаций по вопросам философии и культурологии.

ГРИБ Геннадий Иванович

Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, работает официальным представителем Лобненского лифтостроительного завода (г. Москва) в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации; выпускник Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ЛЮБОМУДРОВ Алексей Маркович

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; член Союза писателей России; лауреат Всероссийской литературной премии им. св. блгв. кн. Александра Невского 2004 г. в области критики и литературоведения.

ЛЕМЯКИНА Зоя Николаевна

Историк, краевед, старший научный сотрудник Анапского археологического музея; заслуженный работник культуры Кубани; награждена медалями за участие в развитии города-курорта Анапа и выдающийся вклад в проведении юбилея 70-летия освобождения Анапы; утверждена в статусе «Духовное имя Анапы» (2017 г.), награждена нагрудным знаком «Духовное имя Кубани».

КУДРЯШОВА Лариса Пахомьевна

Поэт и публицист; автор книг «Свет Святого Валаама», «Предстою пред Господом», «Между ранним и поздним дождем», «От Рождества до Воскресения», «Навстречу Пасхе»; автор статей о русской литературе и искусстве; лауреат Всероссийской литературной премии им. св. блгв. кн. Александра Невского (особая премия «Русская православная поэзия», 2015 г.); за литературные труды духовного направления награждена медалью св. прмц. Марии Гатчинской.

СОКУРОВА Ольга Борисовна

Доктор культурологии, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

ГУСАКОВА Виктория Олеговна

Кандидат искусствоведения, методист Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии; автор книг, многочисленных публикаций и докладов по истории искусств, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения.

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович

Член Творческого союза художников России; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; автор книг, газетных и журнальных статей, а также цикла радиопередач по основам богословия православной иконы.

ДОБЫКИН Дмитрий Григорьевич

Кандидат богословия, доцент кафедры библеистики Санкт-Петербургской духовной академии, преподаватель и секретарь кафедры библеистики Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; автор книг «Священное Писание Ветхого Завета», «Введение в Ветхий Завет. Курс лекций по ветхозаветной исагогике», «Православное учение о толковании Священного Писания», лекции по библейской герменевтике.

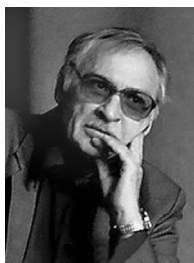
БАТИЩЕВА Яна Генриховна

Выпускница Московского физико-технического института; научный сотрудник Института прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, кандидат физико-математических наук.

БОЛДЫШЕВА Ирина Валентиновна

Композитор, дирижер, регент детско-юношеского хора во имя преп. Иоанна Дамаскина при храме Владимирской иконы Божией Матери; выпускница по классу композиции и органа, преподаватель Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

РИВЕЛЬ Кирилл Игоревич

Поэт, автор-исполнитель, член Профессионального Союза писателей Санкт-Петербурга; награжден медалью Лауреата Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества (1987 г.), лауреат конкурса «Весенняя капель»; автор стихотворных сборников «Белый ветер», «Где брат твой...» и музыкального альбома «Я душу сжег», посвященного Гражданской войне и Белому движению; многократно публиковался в журналах «Нева» и «Звезда».

СКАТОВА Людмила Анатольевна

Поэт, публицист, литературовед; член Союза писателей России; член Союза журналистов СССР; автор 13 книг; заместитель главного редактора еженедельника «Великолукская правда. Новости»; редактор православной газеты «Наш Русский Вестник»; православные очерки Л. А. Скатовой отмечены серебряной медалью Российского Фонда памяти и наследия свт. Тихона, Патриарха Московского и всея Руси.

ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН Ольга Александровна

Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии; врач-фтизиатр Противотуберкулезного диспансера Центрального района Санкт-Петербурга; выпускница Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; автор публикаций по христианским аспектам истории медицины.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54457 от 17.06.2013

*Благодарим за поддержку
Союз православных предпринимателей Санкт-Петербурга
и лично Владислава Жуковича*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
художника Д. Бельюкина «Белая Россия. Исход»
(Сайт художника – belikin.ru)*

Художественное оформление, верстка: *С. В. Алексеев*
Корректурa: *Н. М. Баталова*

Подписано в печать 01.12.2020
Формат 60x90/16
Объем 18 п. л.
Гарнитура Minion Pro
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии Арт-Экспресс
Санкт-Петербург, Уральская, 17, к. 3